

А595147

З. Ф. КОВРИГА

**УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ
ПРИНУЖДЕНИЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ВОРОНЕЖ 1975

З. Ф. КОВРИГА

УГОЛОВНО-

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ

ПРИНУЖДЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ВОРОНЕЖ 1975

В настоящей работе автор, анализируя законодательство и следственно-судебную практику, исследует соотношение убеждения и принуждения в уголовном процессе, понятие уголовно-процессуального принуждения и отличие его от иных видов государственного принуждения, цели и основания применения уголовно-процессуального принуждения.

Значительное внимание в работе уделено характеристике процессуального режима всех видов мер пресечения, привода, задержания, розыска, этапирования.

Книга рассчитана на работников органов милиции, прокуратуры, суда, на студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов.

Печатается по решению Ученого совета юридического факультета Воронежского ордена Ленина государственного университета им. Ленинского комсомола от 22 мая 1973 г.

Научный редактор канд. юрид. наук, полковник милиции *Н. Е. Лютиков.*

Рецензенты:

докт. юрид. наук проф. *А. Л. Цыпкин,*
кафедра советского уголовного процесса Высшей
следственной школы г. Волгограда.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

СООТНОШЕНИЕ УБЕЖДЕНИЯ И ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

(исходные положения)

Содержанием различных способов воздействия, применяемых органами советского государства и советской общественностью в сфере борьбы с преступностью, является убеждение и принуждение.

Убеждение — наиболее естественный способ воздействия на человека. Он состоит в том, что путем раскрытия явлений общественной жизни, разъяснения действующих норм права оказывается активное воздействие на сознание людей, формирующее у них убежденность в необходимости добровольного и точного соблюдения установленного в обществе правопорядка. Обязанность соблюдения норм социального права опирается, главным образом, на убежденность масс в том, что эти нормы являются волей всего советского народа и что они справедливо защищают общество, государство, права и свободы граждан от противоправных посягательств. Целью убеждения является воспитание у граждан внутренней потребности и стойкой привычки правомерного поведения. А это, в свою очередь, обеспечивает господство общественных интересов над индивидуалистическими устремлениями, ведет к ослаблению или устранению мотивов правонарушений и позволяет человеку без значительных волевых усилий контролировать свои поступки и автоматически соблюдать установленные законом и моралью нор-

мы поведения. В результате воздействия мер убеждения соблюдение правил поведения становится осознанной обязанностью, затем внутренней потребностью, и, наконец, превращается в стойкую привычку.

Наряду с убеждением определенную и пока еще весьма важную роль в сфере уголовного судопроизводства играет принуждение. Оно имеет форму либо государственного, либо общественного воздействия и свою мотивационную функцию выполняет посредством угрозы или фактического применения, когда ни убеждение, ни угроза принуждением не оказали достаточного воздействия и нормы права были нарушены.

Для выяснения роли убеждения и принуждения в сфере уголовного судопроизводства нужно ответить на вопросы: какое место должно принадлежать и принадлежит убеждению как способу воздействия на сознание и поведение людей? Какое место должно принадлежать общественному и государственному принуждению, в частности, уголовно-процессуальному принуждению? Являются ли убеждение и принуждение средствами самостоятельными или же они образуют определенное единство?

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что после завоевания власти пролетариатом метод убеждения, организация масс становится главным методом государственного руководства обществом¹. Исключительно важное значение имеет убеждение в правоохранительной деятельности органов государства и советской общественности. Иногда оно составляет основное содержание воздействия и никогда не отсутствует в мерах государственного принуждения полностью. Нередко меры убеждения применяются наряду с мерами государственного принуждения либо взамен их. В частности, некоторые меры пресечения включают в себя неоднородный характер воздействия. Например, наблюдение командования воинской части (ст. 100 УПК РСФСР) представляет, с одной стороны, физическое принуждение, осуществляемое в пределах, предусмотренных Уставом Вооруженных Сил Союза ССР, с другой — обеспечение надлежащего поведения обвиняемого с помощью мер воспитательного характера. Явка по вызову и надлежащее поведение несовершеннолетнего

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 162, 166, 200; т. 39, с. 13; т. 40, с. 282; т. 41, с. 101.

обвиняемого, воспитывающегося в закрытом детском учреждении (ст. 394 УПК РСФСР), обеспечивается и административной властью руководства данного учреждения, и мерами воспитательного воздействия со стороны коллектива учреждения и общественных организаций.

Поручительство общественной организации в качестве меры пресечения (ст. 95 УПК РСФСР) не порождает никаких юридических обязательств обвиняемого перед органом, избравшим эту меру пресечения, кроме угрозы видоизменить ее. Обязательства берет на себя общественность и обеспечивает их реальное исполнение. Возникающие в этом случае отношения между общественной организацией и обвиняемым лишены характера процессуального принуждения и носят характер моральных обязательств. При личном поручительстве и отдаче несовершеннолетнего под присмотр родителей, опекунов и попечителей (ст. ст. 94 и 394 УПК РСФСР) в случае совершения обвиняемым неправомерных действий, для предупреждения которых эти меры пресечения были применены, ответственность предусмотрена только для поручителей, которые, как известно, никакими средствами государственного принуждения для обеспечения надлежащего поведения обвиняемого не обладают. Обвиняемый никакой ответственности, кроме моральной, перед поручителем не несет и его надлежащее поведение можно обеспечить мерами морального воздействия, а отнюдь не мерами государственного принуждения.

Убеждение пронизывает все меры правоохраны и с этой точки зрения является универсальным средством охраны правопорядка. Убеждение в той или иной мере входит в содержание любого вида правоохранительной деятельности, в том числе и принуждения, осуществляемого в сфере уголовного судопроизводства.

Принуждение таким универсальным характером не обладает. Но это вовсе не означает, что оно не имеет вообще отношения к содержанию вырабатываемых убеждений. Такие меры, как отстранение обвиняемого от занимаемой должности, наложение ареста на имущество и т. д., бесспорно, влияют на содержание убеждений, вырабатываемых в процессе воздействия на правонарушителя. Нельзя забывать, что органы социалистического правосудия являются по своему характеру органами принудительного воспитания че-

рез принуждение, на что неоднократно указывал В. И. Ленин².

Принуждение в целом в советском государстве является вспомогательным средством воздействия, однако в деятельности органов, ведущих борьбу с преступностью, оно выступает на первый план³, так как основная задача суда, прокуратуры, милиции, органов государственной безопасности — раскрытие и пресечение преступлений, изобличение и привлечение виновных к ответственности.

Убеждение в уголовном судопроизводстве сочетается с принуждением и в этом смысле они образуют определенное единство. Однако это единство не стирает различий между ними, которые можно проследить по процессу формирования, сфере применения, форме выражения, порядку обеспечения, непосредственным задачам и перспективе развития.

1. Убеждение формируется под воздействием социально-экономических отношений общества и как метод регулирования взаимоотношений между участниками уголовного судопроизводства складывается стихийно, в результате ознакомления и уяснения требований норм права в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела. Иначе формируется принуждение. Оно также складывается под воздействием социально-экономических отношений общества, однако никогда не возникает стихийно. Принуждение как метод регулирования взаимоотношений закрепляется правовыми нормами, а правовые нормы, несмотря на широкое, всенародное обсуждение законопроектов, сознательно формируются и санкционируются государственной властью. Энгельс отмечал, что «все потребности гражданского общества — независимо от того, какой класс в данное время господствует, — неизбежно проходят через волю государства, чтобы в форме законов получить всеобщее значение»⁴.

2. Если в осуществлении хозяйственно-организаторских, культурно-воспитательных и административно-политических функций советского государства убеждение является основ-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 197.

³ См. Самощенко И. С. Убеждение и принуждение в социалистическом государстве. — «Сов. государство и право», 1967, № 2, с. 11; Убеждение и принуждение в советском государстве (редакционная статья). — «Соц. законность», 1967, № 11, с. 87; Виттенберг Г. Б. Ленинское учение о роли убеждения и принуждения — основа борьбы с преступностью в советском обществе. Иркутск, 1969, с. 29.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 310.

ным методом, то в деятельности органов, ведущих борьбу с преступностью, оно нередко отступает на второй план, уступая первенство принуждению. Однако и здесь принуждение фактически применяется только тогда, когда правового убеждения или мер общественного воздействия недостаточно. Обвиняемый или свидетель, например, могут быть подвергнуты приводу только в том случае, если они не являются по вызову органов следствия, суда добровольно; мера пресечения может быть избрана, если обвиняемый (подозреваемый) противодействует установлению истины и т. д.; удаление подсудимого из зала судебного заседания допускается, если, несмотря на сделанное ему предупреждение (замечание), он продолжает нарушать порядок судебного заседания, и др.

3. Объектом воздействия путем убеждения могут быть не только действия людей, но и их взгляды, чувства, характер. Принуждение применяется лишь в тех случаях, когда лицо своими действиями (или бездействием) нарушает правовые предписания, препятствует раскрытию преступления или когда общественная безопасность требует немедленной его изоляции. Соблюдению именно такого соотношения убеждения и принуждения вообще, в борьбе с правонарушениями в частности, учил В. И. Ленин, указывая: «Прежде всего мы должны убедить, а потом принудить. Мы должны во что бы то ни стало сначала убедить, а потом принудить»⁵.

4. Особенностью уголовно-процессуального принуждения является также специфический характер его применения. Средством его осуществления выступает строго регламентированная уголовно-процессуальным законодательством деятельность органов милиции, прокуратуры и суда.

Специфическое средство осуществления убеждения — это убеждение словом, публичная критика наиболее распространенных нарушений законности, показ их вредности для социалистического общества, широкое обсуждение законопроектов и т. д. С помощью убеждения в сознание граждан внедряется понимание того, что советские законы отвечают потребностям всего общества, что режим социалистической законности представляет собой необходимое условие успешного строительства коммунизма.

Принуждение в сфере уголовного судопроизводства, как и все право в целом, обеспечивается принудительной силой

---

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 54.

государства, государственным аппаратом, способным принудить к соблюдению норм права. Убеждение обеспечивается своего рода «моральными санкциями», к которым можно отнести: 1) чувство стыда, угрызания совести лица, допустившего противоправные действия; 2) общественное осуждение противоправного поведения со стороны коллективов трудящихся в виде отрицательно сложившегося мнения о лице и его действиях, либо общественного бойкота.

5. Общие задачи, на достижение которых направлено и убеждение и принуждение, вытекают из задач уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК РСФСР). Убеждение и принуждение в уголовном судопроизводстве должны способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития. Однако назначение принуждения только этим не ограничивается. В задачу уголовно-процессуального принуждения входит также создание условий, при которых возможно быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных, обеспечение оптимальных условий для решения задач уголовного судопроизводства.

6. Убеждение и принуждение выражают две неразрывно связанные, взаимодействующие и вместе с тем различные стороны в едином диалектическом процессе регулирования общественных отношений, поведения советских людей в соответствии с потребностями и задачами коммунистического строительства. Главной задачей социалистического государства (даже в начальный период его существования) является не насилие, а убеждение, творческая созидательная работа по строительству коммунистического общества. В условиях развитого коммунистического общества, когда социализм победит на всем земном шаре, как предвидел В. И. Ленин, «...люди постепенно *привыкнут* к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, *без особого аппарата* для принуждения, который называется государством»⁶.

Если в будущем коммунистическом обществе перспекти-

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 89.

вы убеждения очень велики, то для принуждения они совершенно отсутствуют, ибо оно отомрет в процессе отмирания права и государства. Это, однако, касается государственного, а не общественного принуждения. И при коммунизме будут, видимо, возникать сложные проблемы и «эксцессы», противоречащие общепринятым правилам коммунистического общежития. В таких случаях общество вынуждено будет применять принуждение, но оно будет не государственным, а общественным. В. И. Ленин подчеркивал, что «для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной»⁷.

Эти исходные положения о соотношении убеждения и принуждения в социалистическом обществе распространяются полностью на сферу уголовного судопроизводства и составляют предпосылку решения конкретных вопросов о назначении, содержании и юридической природе принуждения, исследованию которых посвящено дальнейшее изложение.

§ 1. Содержание и значение уголовно-процессуального принуждения

Наличие в обществе различных по характеру общественных отношений, в сфере которых возникают вопросы, требующие судебного решения, порождает особенности методов и способов их регулирования. В связи с этим законодатель устанавливает различный процессуальный порядок производства по уголовным, гражданским и административным правонарушениям, отнесенным законом к ведению суда. Вместе с тем указанные виды правосудия, деятельность которых регулируется различными отраслями права, имеют много точек соприкосновения, взаимопроникновения и переплетения. Во всех случаях речь идет об осуществлении социалистического правосудия, общие принципы деятельности, цели, задачи и некоторые процессуальные институты которого едины. Во всех случаях правовому регулированию подвергается деятельность участников процесса и возникающие в результате этой деятельности отношения между ними. Неразрывная связь и взаимопроникновение уголовно-правовых и уголов-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 91.

но-процессуальных отношений. Определяется тем, что и те и другие вызываются к жизни общественно опасными посягательствами (одни — непосредственно, другие — опосредствованно), имеют своей общей целью борьбу с преступлениями, порождающими их причинами и способствующими им условиями. Взаимопроникновение норм уголовно-процессуального, гражданско-процессуального и административно-процессуального права выражается в регулировании вопросов гражданского иска и его обеспечения в уголовном деле, в административном доставлении, предшествующем процессуальному задержанию, и т. д.

Расширение участия общественности в деятельности государственных органов, специальным назначением которых является борьба с преступностью, предполагает применение общественного воздействия, сочетающегося с государственным принуждением в сфере уголовного судопроизводства.

Следовательно, выполнение задач уголовного судопроизводства обеспечивается с помощью не только уголовно-процессуальных, но и уголовно-правовых, гражданско-процессуальных и административно-процессуальных норм права, предусматривающих различные средства воздействия, а также с помощью общественных начал, на которые опирается в необходимых случаях деятельность государственных органов в борьбе с преступностью. Все эти средства воздействия на поведение субъектов уголовно-процессуальных отношений составляют компоненты широкого понятия «принуждение в сфере уголовного судопроизводства», из которого как составную его часть следует выделить уголовно-процессуальное принуждение. Уголовно-процессуальное принуждение — один из способов воздействия на поведение участников процесса, регулируемый нормами уголовно-процессуального права.

Советская юридическая наука не располагает приемлемым для всех отраслей права общим определением понятия «принуждение», «государственное принуждение», «общественное принуждение». Объясняется это недостаточной разработанностью проблемы принуждения в целом.

Существующие в нашей литературе, особенно административно-правовой, определения понятия государственного принуждения отражают наиболее существенные его элементы, но не лишены некоторых недостатков, так как авторы либо отождествляют юридическую ответственность с государственным принуждением, не проводят разграничения

между общим понятием принуждения, которое включает в себя государственное и общественное принуждение (воздействие), и государственным принуждением, являющимся частью общего понятия⁸, либо не указывают, что меры государственного принуждения в СССР реализуются исключительно в рамках закона, а для определения понятия государственного принуждения это указание является обязательным⁹.

Более четким представляется определение Б. Т. Базылева: «Государственное принуждение в СССР — это осуществляемое компетентными органами и представителями государства на основании и в пределах норм социалистического права физическое или психическое воздействие в отношении лиц путем причинения им лишений и ограничений личного, материального, нравственного характера в целях подчинения их воли и внешнего поведения требованиям социалистической государственной власти и реализации воли социалистического государства»¹⁰. Это определение наиболее полно раскрывает содержание государственного принуждения, указывая на его социальное назначение. Однако в числе субъектов реализации принуждения автор не указывает общественные организации и коллективы трудящихся не потому, что он проводит строгое разграничение между принуждением общественным и принуждением государственным, а потому, что «общественные организации лишь в некоторых исключительных случаях применяют меры государственного принуждения, осуществляя тем самым специфические функции государственных органов»¹¹. С данным утверждением трудно согласиться по следующим соображениям. Во-первых, не так уж редки и исключительны случаи реализации общественными организациями мер государственного принуждения, а во-вторых, ранее уже указывалось, что общественные организации не только участвуют в реализации государственного принуждения, но и заменяют их мерами общественного при-

⁸ См. Попов Л. Убеждение и принуждение. М., 1968, с. 13.

⁹ См. Якуба О. М. Административная ответственность по советскому праву в свете дальнейшего усиления прав личности. Автореф. докт. дисс. Харьков, 1964, с. 9.

¹⁰ Базылев Б. Т. К вопросу об определении понятия государственного принуждения. — «Труды Томского гос. ун-та», 1968, с. 18.

¹¹ Там же, с. 16.

нуждения (воздействия)¹². Общая линия на дальнейшее развитие и совершенствование социалистической демократии, выдвинутая XXI—XXIV съездами партии и сформулированная в Программе КПСС, нашла свое отражение во всех сферах государственной и общественной жизни, была воплощена в конкретных мероприятиях по активизации сил общественности, усилению деятельности всех общественных организаций трудящихся, созданию новых организационных форм привлечения широких масс к делам общества и государства. При этом общественности предоставлены широкие права и возможности в решении конкретных вопросов государственной и общественной жизни. Следовательно, точка зрения, отрицающая всякое значение общественного принуждения, не может быть приемлемой в настоящий период времени¹³.

Совершенствование форм и методов борьбы с преступлениями предполагает усиление взаимодействия государственных и общественных органов, сочетание и взаимопроникновение уголовно-процессуальных и общественных форм их деятельности, разумное соединение силы и преимуществ правового и общественного воздействия, на что неоднократно указывал в своих руководящих постановлениях Пленум Верховного Суда СССР¹⁴. Соотношение общественного и госу-

---

¹² Исследуя социальную ценность принуждения в праве, С. С. Алексеев правильно указывает: «Развитие правового регулирования пойдет в будущем преимущественно... по пути его постепенного перерастания в гибкие и эффективные формы общественного (принуждения) воздействия, основанного, в частности, на общественном принуждении в различных его формах» (Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971, с. 121).

¹³ Вместе с тем нельзя согласиться с авторами, которые уже сейчас говорят о «растворении» права в других формах общественного воздействия, о возможности тем самым отказа от применения государственного принуждения на данном этапе общественного развития. Критические замечания по поводу этих утверждений см.: Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958, с. 66; Пионтковский А. А. Нормы социалистического права.— В кн.: Теория государства и права. Под ред. М. С. Строгович и др. М., 1962, с. 434; Элькинд П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967, с. 14.

¹⁴ См., например, постановления Пленума Верховного Суда СССР: от 3 декабря 1966 г. «О ходе выполнения судами задач, вытекающих из решений ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР о мерах по усилению борьбы с преступностью» (Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970. М., 1970, с. 272—278); от 26 августа 1966 г. «Об улучшении деятельности судебных

дарственного принуждения в уголовном судопроизводстве таково, что общественное принуждение поддерживается государственным принуждением и в этом смысле они составляют определенное единство. Общественное принуждение обретает реальный смысл только в неразрывной взаимосвязи с теми мерами государственного воздействия, которыми оно подкрепляется. Нельзя не учитывать, что за мерами общественного воздействия, применяемыми в сфере уголовного судопроизводства, стоят меры уголовно-процессуального принуждения.

Так, задержание и доставление правонарушителя в соответствующие органы дружинниками или отдельными гражданами влечет за собой применение к нему мер государственного принуждения в установленном законом порядке. В случае принудительного исполнения решений товарищеского суда о наложении штрафа и возмещении материального вреда, его осуществляет судебный исполнитель в обычном порядке после проверки законности решения товарищеского суда народным судьей. Нарушение меры пресечения в форме общественного или личного поручительства влечет заключение обвиняемого под стражу и т. д. Меры общественного воздействия по своей природе являются мерами морального воздействия¹⁵, но не следует полагать, что им присуще только убеждение и воспитание, а принуждение — компетенция государственных органов. В. И. Ленин, возражая Струве, который видел отличительный признак государства в принудительной власти, писал: «... принудительная власть есть во всяком человеческом обществе, и в родовом устройстве, и в семье, но государства тут не было. <...> ...признак государства — наличность особого класса лиц, в руках которого сосредоточивается *власть*»¹⁶. Таким образом, принуждение есть во всяком человеческом коллективе, а государственным оно становится только тогда, когда применяется через органы государства.

органов по борьбе с преступностью» (там же, с. 261—272); от 18 марта 1970 г. «О задачах судебных органов в связи с решениями декабрьского (1969 г.) Пленума ЦК КПСС» (там же, с. 575—580), и др.

¹⁵ На это правильно обращает внимание Л. Попов, утверждая: «В тех случаях, когда в отношении правонарушителей применяются меры общественного принуждения, общественные организации имеют в виду также прежде всего воспитание и исправление» (Попов Л. Указ. соч., с. 26).

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 439.

Было бы неправильно также считать, что основания применения мер общественного воздействия находятся вне правового регулирования и лишены правового характера. Они точно урегулированы нормами права, в частности ст. ст. 94, 95, 100, 394 УПК РСФСР, ст. 16 Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хулиганство» от 26 июля 1966 г.¹⁷ и др. Решения об их применении принимаются компетентными органами государства, полномочными делать выбор между этими мерами и мерами собственно уголовно-процессуального принуждения. Вместе с тем действие норм уголовно-процессуального права не распространяется на порядок деятельности общественных организаций и граждан, принимающих участие в реализации примененного компетентными органами государственного принуждения. Отдельные граждане или общественные организации, ручающиеся за надлежащее поведение и явку подозреваемого или обвиняемого, не сами берут этих лиц под свою опеку, а берут постольку, поскольку лицо, производящее дознание, следователь, прокурор или суд удовлетворяют их ходатайство, передают им таких лиц под присмотр на период расследования или разрешения уголовного дела. В этих случаях государственное воздействие уступает место общественному, и складывающиеся между поручителем и обвиняемым (подозреваемым) отношения не имеют характера уголовно-процессуальных отношений¹⁸. Если же общественная организация или личные поручители откажутся от исполнения взятых на себя обязательств или будут выполнять их недостаточно добросовестно, в свои права вновь вступают государственные органы (должностные лица), возникает вопрос об изменении меры пресечения, а отношения непроцессуально-правового характера преобразуются в процессуальные.

Хотя общественное воздействие не лишено элементов принуждения, но все же главное в нем — убеждение и воспитание. А это означает, что применение мер общественного

¹⁷ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1966, № 30, ст. 595.

¹⁸ Правильно отмечает А. А. Пионтковский: «Благодаря возрастанию роли общественности в процессе осуществления норм права при применении санкций за нарушение этих норм в различных формах переплетается государственное и общественное принуждение» (Проблемы советского социалистического государства и права в современный период. Под ред. В. М. Чхиквадзе. М., 1969, с. 127).

воздействия, а тем самым и метода убеждения, все шире и глубже проникает в процесс непосредственной борьбы с преступностью. Общественное воздействие присоединяется к государственному принуждению и тем самым усиливает, обогащает и расширяет его значение.

Многие авторы при рассмотрении вопроса о государственном принуждении указывают на важный его признак, исключая возможность применения принуждения вне связи с правонарушениями. Так, М. Х. Фарушкин прямо заявляет: «... применение самого принуждения допустимо лишь в случаях противоправного поведения и в связи с таким поведением. Никакими иными соображениями использование мер принуждения обосновать нельзя»¹⁹. Следует согласиться с тем, что в подавляющем большинстве случаев меры государственного принуждения применяются только к правонарушителям и только в связи с правонарушениями и что особенно острая необходимость применения государственного принуждения сохраняется в тех отраслях права, которые регулируют общественные отношения, возникающие в результате совершения правонарушений и преступлений. «Нельзя не учитывать, что в сфере этих общественных отношений больше, чем в других областях, приходится встречаться с интересами отдельных лиц, не соответствующими воле законодателя»²⁰.

С учетом имеющихся в правовой литературе высказываний о понятии принуждения представляется, что оно должно включать в себя следующие обязательные элементы. Поскольку государственное принуждение не осуществляется иначе, как в определенных правовых формах и в порядке, предусмотренном нормами права, постольку указание на это важное обстоятельство составляет один из необходимых элементов определения его понятия. В определении необходимо также указывать содержание государственно-правового принуждения, которое состоит в объективно-неблагоприятном

---

¹⁹ Фарушкин М. Х. Вопросы общей теории юридической ответственности.— «Правоведение», 1969, № 4, с. 29—30. Противоположное суждение высказывает В. Д. Ардашкин (см. Ардашкин В. Д. О принуждении по советскому праву.— «Сов. государство и право», 1970, № 7, с. 33).

²⁰ Элькин П. С. Указ. соч., с. 14.

физическом или психическом воздействии на личность, деятельность, имущество и т. д.²¹.

В определении должно быть указание на общие цели применения мер государственного принуждения и конкретные, в зависимости от того, о каком виде государственного принуждения идет речь — об административном, уголовно-правовом, гражданско-процессуальном и т. д.

При формулировании определения представляется необходимым также разграничивать понятия «государственное принуждение» и «общественное принуждение», так как само содержание и природа общественного принуждения, как ранее указывалось, существенно отличаются от государственного.

Бесспорно, что уголовно-процессуальное принуждение является разновидностью государственного принуждения со своими конкретными целями и выражается в специфических средствах, которыми располагает уголовно-процессуальное законодательство для разрешения стоящих перед ним задач.

Уголовно-процессуальное принуждение представляет собой особую форму правового принуждения. Оно состоит из самых различных мер, составляющих целостную систему, и характеризуется определенными признаками:

- применяется только в сфере уголовного судопроизводства;
- его осуществляют компетентные государственные органы (или их представители);
- выступает в форме правоотношения;
- носит характер личного, имущественного и организационного ограничения субъективных прав;
- выражается во внешнем моральном, психическом и физическом воздействии на субъектов, их деятельность или имущество;
- лица, к которым уголовно-процессуальное принужде-

---

²¹ Попытку дифференцированного определения физического и психического воздействия, с которым следует согласиться, предприняли А. И. Королев и А. Е. Мушкин. Они пишут, что «физическое принуждение как метод власти в классовом обществе заключается в воздействии властвующего на физическую сторону (личную или материальную) бытия, подвластного для осуществления своей воли». Психическое же принуждение есть «подавление подвластным своей воли и осуществление воли властвующего с тем, чтобы избежать тех последствий, которые могут наступить, если подвластный ее не исполнит». (Королев А. И., Мушкин А. Е. Государство и власть.— «Правоведение», 1963, № 2, с. 22).

ние применяется, основания, условия, формы, пределы и порядок его применения точно регламентированы уголовно-процессуальным законодательством;

— ему внутренне присуща специфическая целенаправленность;

— законность и обоснованность применения уголовно-процессуального принуждения обеспечивается системой процессуальных гарантий прав личности и прокурорским надзором²².

С помощью указанных признаков попытаемся раскрыть содержание уголовно-процессуального принуждения, его сущность.

Прежде всего, уголовно-процессуальное принуждение есть государственное принуждение, одна из составных его частей, имеющая своим назначением содействие выполнению задач уголовного судопроизводства процессуально-принудительными средствами и обеспечение его. Отнесение процессуально-принудительных средств к формам государственного принуждения подчеркивает их государственно-правовую природу. Эти меры устанавливаются государством и их применение соответствующими органами и должностными лицами является результатом осуществления последними своих государственно-властных полномочий. С помощью данных мер осуществляются властные функции по регулированию общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальное принуждение представляет собой специфическую форму юридического воздействия на поведение участников общественных отношений, которые возникают, развиваются, изменяются и прекращаются в сфере уголовного судопроизводства. Это воздействие взаимосвязано с уголовно-процессуальной деятельностью, в сфере которой оно возникает, изменяется, прекращается. Уголовно-процес-

²² По мнению П. С. Элькинд, уголовно-процессуальное принуждение характеризуется следующими признаками: «... 1) оно применяется только в сфере уголовного судопроизводства; 2) лица, к которым такое принуждение может применяться, основания, условия, формы, пределы и порядок его применения точно регламентированы уголовно-процессуальным законодательством; 3) законность и обоснованность применения уголовно-процессуального принуждения обеспечивается системой процессуальных гарантий личности, строжайшим контролем со стороны суда и прокуратуры, всей системой народного контроля за законностью и обоснованностью деятельности органов социалистического правосудия.» (Элькинд П. С. Указ. соч., с. 15).

суальное принуждение предполагает специфический круг субъектов, а также объем и характер уголовно-процессуальных прав и обязанностей этих субъектов.

Уголовно-процессуальное принуждение обладает специфическими свойствами, обусловленными особенностями уголовно-процессуального права, предмета и метода уголовно-процессуального регулирования. Такими свойствами следует считать особую процессуальную процедуру возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел, обеспечивающую поведение участников уголовного процесса в направлении, соответствующем задачам уголовного судопроизводства, и отношения участников процесса, складывающиеся в сфере этой деятельности.

Уголовно-процессуальное принуждение вправе применять уполномоченные на то органы и должностные лица (органы дознания, лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, суд). Круг этих субъектов строго определен в законе, и право на применение мер принуждения является составной частью их правового статуса.

Уголовно-процессуальное принуждение всегда выступает в форме правоотношения, специальный объект которого представляет собой результат поведения его участников, соответствующего требованиям закона (обвиняемый не скрылся от следствия и суда и к нему применяется подписка о явке) или не соответствующего требованиям закона (например, обвиняемый скрылся от следствия и суда, ему избирается или видоизменяется мера пресечения, объявляется розыск). Общим объектом всех уголовно-процессуальных отношений, в том числе и правоотношений, складывающихся при применении уголовно-процессуального принуждения, является быстрое и полное раскрытие преступлений, установление объективной истины с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

К кругу субъектов уголовно-процессуальных отношений, в которых выражается принуждение, в качестве его обязательных участников следует отнести представителей органов государственной власти (суд, судью, прокурора, следователя, начальника следственного отдела, орган дознания и лицо, производящее дознание). Не вдаваясь в спор о том, всегда ли представитель органов государственной власти явля-

ется участником уголовно-процессуальных отношений²³ (этот вопрос выходит за пределы настоящей работы), мы ограничимся только утверждением, что при применении уголовно-процессуального принуждения складываются отношения властно-государственного характера, возникновение, развитие и прекращение которых всецело зависит от органов и представителей государственной власти. Инициатива возникновения указанных отношений не может исходить от других участников, так как право на применение принуждения принадлежит только государственным органам (представителям) на основании принимаемых ими решений. Необходимость в принятии этих решений возникает в связи с порождающим принуждение юридическим фактом, который выражается в форме запретного действия участника правоотношения (обвиняемый скрылся от следствия и суда, препятствует установлению истины, злостно нарушает порядок судебного заседания и т. д.) или его запретного бездействия (свидетели не являются по вызову лица или организации добровольно, не представляют имеющиеся у них доказательства, обвиняемый или подозреваемый не изъявляет добровольного желания подвергнуться судебно-медицинскому или судебно-психиатрическому обследованию и т. д.).

К другим участникам правоотношений, возникающих при применении уголовно-процессуального принуждения, относятся лица, имеющие в уголовном процессе материальный или иной интерес (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный, потерпевший); лица, участие которых обусловлено необходимостью собирания доказательств (свидетели, эксперты), и организации, в распоряжении которых имеются доказательства; лица и организации, несущие обязанности в связи с избранием меры пресечения (поручитель, залогодатель), наложением ареста на имущество (лицо или организация, которым это имущество передается на хранение), отстранением обвиняемого от занимаемой должности (вышестоящая организация, исполняющая решение); лица, чье участие в судебном заседании обязательно (защитник, гражд-

²³ См. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968, с. 32; Якубович Н. А. Теоретические основы предварительного следствия. М., 1971, с. 52; Божьев В. П., Фролов Е. А. Уголовно-правовые и процессуальные правоотношения. — «Сов. государство и право», 1974, № 1, с. 92—93; и др.

данский истец, гражданский ответчик, специалист, переводчик).

Содержание уголовно-процессуальных отношений составляют действия их участников, совершаемые в пределах регламентированных законом субъективных прав и обязанностей. Например, сокрытие обвиняемого от следствия и суда вызывает определенные действия компетентного органа государства, которые могут выразиться в избрании или изменении меры пресечения, в объявлении розыска обвиняемого. Запретное законом поведение обвиняемого составляет тот юридический факт, который вызовет ответные действия должностного лица и ляжет в основу определенного правоотношения между следователем (прокурором, судом), объявившим розыск, органом дознания, которому поручено производство розыска, и лицом разыскиваемым. Содержанием правоотношений в приведенном примере являются действия участников этих отношений, их права и обязанности. Следователь в праве применить меру пресечения, он обязан при этом вынести мотивированное постановление, получить санкцию прокурора, поручить розыск органу дознания; орган дознания обязан провести розыск и в праве при этом потребовать от следователя все имеющиеся у него сведения об обвиняемом; прокурор в праве проконтролировать эту деятельность, следователь и орган дознания обязаны представить ему имеющиеся материалы; обвиняемый обязан подчиниться предписаниям закона и имеет при этом право знать об основаниях, принимаемых в отношении его решений, обжаловать их прокурору и т. д. и т. п.

Различие участников уголовно-процессуальных отношений и их роли в сфере уголовного судопроизводства определяет различие характера и объема их прав и обязанностей, делает эти отношения многообразными. Но несмотря на свое многообразие они подчинены единой главной задаче — установлению объективной истины, в чем состоит смысл существования всех уголовно-процессуальных отношений, а особенно тех из них, которые возникают при применении принуждения.

В чем конкретно выражается уголовно-процессуальное принуждение? Внешние формы принуждения могут быть самыми различными, и их разнообразие обусловливается характером обеспечиваемых отношений, целями, основаниями, способами применения.

Конкретные формы уголовно-процессуального принуждения могут приобретать характер личных, организационных и имущественных ограничений. Речь идет о предусмотренных уголовно-процессуальным законом ограничениях субъективных прав личности, которые в зависимости от объема, степени и объекта ограничения можно сгруппировать следующим образом. К ограничениям личным следует отнести ограничение: личной неприкосновенности (задержание, арест), неприкосновенности жилища (обыск, выемка), свободы передвижения (меры пресечения, розыск, этапирование), тайны переписки, почтовой и телеграфной связи (выемка, наложение ареста на корреспонденцию), свободы выбора поступков по своему усмотрению (привод, помещение обвиняемого или подозреваемого в медицинское учреждение для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы, меры, принимаемые в отношении нарушителей порядка в судебном заседании), права осуществлять трудовую деятельность (отстранение обвиняемого от занимаемой должности).

К ограничениям имущественного характера следует отнести потерю материального вознаграждения, вытекающую из ограничения права занимать определенную должность, и ограничение права пользоваться и распоряжаться личным имуществом или имуществом, добытым преступным путем (наложение ареста на имущество).

Организационные ограничения, вытекая из первых двух видов ограничений, представляют собой государственное вмешательство в жизнь граждан (обыск у лиц, не причастных к совершенному преступлению) или определенную деятельность организаций (выемка корреспонденции в отделении связи) и вызывают осложнения внутреннего порядка, прерывая нормальный ход деятельности или дискредитируя лиц, у которых производится обыск, перед соседями и т. д. Эти ограничения, не ущемляя личностных прав граждан и организаций, в сферу жизни и деятельности которых вторгаются, вызваны необходимостью организации уголовного процесса, создания условий для быстрого и полного раскрытия преступлений, установления объективной истины. Выделение их в отдельную группу представляется нам правомерным.

Во всех случаях уголовно-процессуальное принуждение проявляется в форме внешнего воздействия на поведение субъекта с тем, чтобы побудить его совершить какие-либо

действия или воздержаться от них или подчиниться каким-либо правоограничениям.

Принуждение может выражаться в форме психологического, физического или морального воздействия. Сами нормы уголовно-процессуального права, которыми на субъектов возлагаются определенные запреты или обязанности, содержат в себе психологическое воздействие. Следует согласиться с утверждением, что «не только осуществление принуждения, но и его потенция, угроза, заключенная в нормах права, реально воздействует на поведение соответствующих субъектов»²⁴, оказывает превентивное, психологическое воздействие на организацию субъектом своего поведения. Однако психологическое принуждение действием правовых норм не ограничивается. Оно может быть выражено в виде обращений, указаний, предупреждений соответствующих органов или должностных лиц. К такому виду принуждения относятся, например, предупреждение о приводе, предупреждение об изменении меры пресечения на более тяжкую в случае неисполнения обязательств по уже избранной мере пресечения, предупреждение председательствующего суда о последствиях нарушения подсудимым порядка во время судебного заседания и т. д.

Таким образом, психологическое принуждение — это всегда нормативная или непосредственная угроза реального применения конкретных мер принудительного воздействия, обращенная к сознанию субъекта.

Физическая форма принуждения заключается в реальном применении мер воздействия, в реальном его исполнении силами и средствами государственных органов. Выбор между различными вариантами поведения при физическом принуждении исключается вследствие того, что юридическая обязанность приводится в исполнение независимо от решения обязанного лица: он изолируется от общества, отстраняется от занимаемой должности, на его имущество накладывается арест и т. д.

Моральное принуждение при реализации уголовно-процессуального принуждения следует понимать, как выражение лицу порицания, не связанного с лишением или ограничением его личной свободы или других благ, кроме потери в общественном мнении его авторитета, дискредитации его име-

²⁴ Ардашкин В. Д. О принуждении по советскому праву. — «Сов. государство и право», 1970, № 7, с. 33.

ни. О том, что общественное мнение является средством принуждения, писал еще Ф. Энгельс. Он указывал, что у родового строя «...не было никаких других средств принуждения, кроме общественного мнения»²⁵. Не всякое общественное мнение связано с принуждением, а только то, которое выражает осуждение за нарушение общественного долга и сопровождается потерей виновным в общественном мнении личных качеств. А. К. Уледов правильно считает: «Орудиями принуждения, которыми пользуется общественное мнение, являются осуждение, гнев, презрение, а само принуждение носит духовный характер и не связано с ущемлением материальных прав и свобод человека»²⁶.

Следует, однако, отметить, что моральное, психологическое и физическое принуждение как различные формы внешнего воздействия на человека не исключают друг друга. Как правило, и физическое и психологическое воздействие включает в себя моменты морального воздействия. Психологическое и физическое принуждение выступают как метод внешнего воздействия на внутренние побуждения субъекта через его поведение. А моральное принуждение выступает как метод внешнего воздействия на поведение субъекта через его внутренние побуждения²⁷.

Уголовно-процессуальное принуждение имеет свою специфическую целенаправленность, вытекающую из общих задач уголовного судопроизводства и целей успешного осуществления социалистического правосудия.

Требование законности в применении уголовно-процессуального принуждения означает, что органы государства (должностные лица) могут применять принуждение лишь в пределах предоставленных им полномочий и в соответствии с их содержанием и назначением²⁸, ибо в основе принуждения лежит государственно-властное начало, сочетающееся с системой прав и гарантий личности. Нарушения законности

²⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 168.

²⁶ Уледов А. К. Общественное мнение советского общества. М., 1963, с. 52.

²⁷ См. Хайкин Я. З. Нормы права и морали и их связь при переходе к коммунизму.— «Учен. зап. Тартуского гос. ун-та», 1962, вып. 124, с. 112.

²⁸ В делем требование законности в уголовном судопроизводстве предполагает соответствующее требованиям закона поведение не только представителей этих органов, но и других его участников.

«особенно опасны и нетерпимы, если совершаются в органах, которые обязаны бороться с нарушителями законов»²⁹.

Требование обоснованности уголовно-процессуального принуждения предполагает его применение лишь в результате объективного установления фактов, на которые меры принуждения рассчитаны, и необходимость государственных органов (должностных лиц) обосновать свои процессуальные действия. Обоснованность принуждения — это требование закона о достаточности доказательств, что, на наш взгляд, означает такую степень доказанности, при которой соответствующие обстоятельства можно считать достоверно установленными. Если обстоятельства, при наличии которых применяется уголовно-процессуальное принуждение, не установлены, а лишь предполагаются с большей или меньшей вероятностью, т. е. недостаточно доказаны то ли в силу отсутствия необходимой суммы доказательств, то ли в силу сомнительности самих доказательств, достоверность которых не проверена, — налицо будет необоснованное и незаконное применение уголовно-процессуального принуждения.

В процессуальной литературе спорным является вопрос о моменте возникновения возможности применения к субъекту уголовно-процессуального принуждения. А. Лиеле и В. Лукашевич связывают эту возможность с моментом привлечения лица к уголовной ответственности, а уголовная ответственность, по их мнению, возникает при вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого³⁰.

Однако необходимо отметить, что в науке нет единодушия и по вопросу о времени возникновения уголовной ответственности. В частности, одни ученые связывают возникновение уголовно-правовых отношений с моментом привлечения лица в качестве обвиняемого³¹, другие — с постановлением

---

²⁹ Миронов Н. Укрепление законности и правопорядка — программная задача партии. М., 1964, с. 76.

³⁰ См. Лиеле А., Лукашевич В. Законность и обоснованность привлечения к уголовной ответственности в стадии предварительного расследования. — «Учен. зап. Латвийского гос. ун-та», 1968, т. 93, с. 151—153.

³¹ См. Ривлин А. Л. Об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях. — «Правоведение», 1959, № 2, с. 108—109; Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. М., 1963, с. 21.

или вступлением приговора суда в законную силу³², по мнению третьих, уголовно-правовое отношение возникает в момент совершения преступления³³. В плане интересующего нас вопроса мы исходим из господствующего в науке положения о том, что объектом уголовно-правового отношения является уголовная ответственность, что уголовно-правовое отношение возникает с момента совершения преступления, следовательно, уголовная ответственность, т. е. обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть предусмотренную законом ответственность, возникает также с момента совершения преступления. Реализация уголовно-правового отношения не совпадает с моментом его возникновения, так как сведения о совершенном преступлении у компетентных органов не полны или вообще отсутствуют. Поэтому реализация уголовно-правового отношения начинается лишь после того, как государственные органы получают известие о совершении преступления. Поскольку же реализация уголовно-правового отношения возможна не иначе, как в процессуальных формах, возникают уголовно-процессуальные отношения, которые неразрывно связаны с уголовно-правовыми отношениями и, в конечном счете, предназначены для их установления.

В соответствии со ст. 143 УПК РСФСР при наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления, следователь выносит постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого. С этого момента возникают центральные уголовно-процессуальные отношения между обвиняемым и представителем государства — следователем, но это еще не установление уголовно-правового отношения и не наступление уголовной

³² См. Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961, с. 61—62; Малков В. Исчисление сроков давности привлечения к уголовной ответственности.— «Сов. юстиция», 1966, № 22, с. 6—7; Загородников П. Давность уголовного преследования и ее сроки.— «Соц. законность», 1967, № 2, с. 33; Ребане И. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок.— «Учен. зап. Тартуского гос. ун-та», 1966, вып. 182, с. 114—115; и др.

³³ См. Курляндский В. И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. М., 1965, с. 20; Строгович М. С. Вопросы теории правоотношений.— «Сов. государство и право», 1964, № 6, с. 56; Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966, с. 26; Божьев В. П., Фролов Е. А. Уголовно-правовые и процессуальные правоотношения.— «Сов. государство и право», 1974, № 1, с. 89—90.

ответственности, которые свою реализацию получают только в приговоре суда. Об этом правильно говорят И. С. Самощенко и М. Х. Фарукшин, подчеркивая, что: а) ответственность правонарушителя наступает на определенной стадии развития правоотношения; б) наступает она после признания факта правонарушения и виновным в нем субъекта компетентными органами³⁴.

Как до привлечения лица в качестве обвиняемого, так и после, но уже с его участием, возникает и развивается совокупность уголовно-процессуальных отношений, в рамках которых протекает деятельность по установлению основания уголовной ответственности. В ходе указанной деятельности государственные органы (должностные лица) выявляют и изобличают виновного, преодолевают препятствия к раскрытию преступления с его стороны или со стороны заинтересованных в деле лиц, применяют меры принудительного характера, обеспечивающие установление объективной истины. Для выполнения этих обязанностей законодатель предоставляет указанным лицам право на применение таких принудительных неотложных действий, как обыск, выемка, задержание (ст. 119 УПК РСФСР). В случае противодействия раскрытию преступления и изобличению виновного путем неявки без уважительной причины свидетеля, потерпевшего, эксперта законодатель предоставляет право лицу, производящему дознание, следователю, прокурору подвергнуть их приводу (ст. 73, ч. 2; ст. 75, ч. 3; ст. 82, ч. 3 УПК РСФСР). Статья 90 УПК РСФСР предусматривает возможность избрания меры пресечения в исключительных случаях и в порядке, предусмотренном законом, в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления. И, наконец, ст. 418 УПК РСФСР позволяет избрать меру пресечения до возбуждения дела и рассмотрения его в суде в отношении лиц, задержанных за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 206 УК РСФСР.

Перечисленные действия предшествуют привлечению лица в качестве обвиняемого, поэтому совершенно очевиден тот факт, что законодатель не связывает возможность применения к обязанному субъекту уголовно-процессуального принуждения с моментом привлечения определенного лица в качестве обвиняемого. Логическим завершением суждений

³⁴ См. Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971, с. 69.

А. Лиеле и В. Лукашевича явился бы отказ от применения уголовно-процессуального принуждения как действенного способа создания условий к раскрытию преступлений, установлению объективной истины и осуществлению социалистического правосудия.

Фактически по тем же соображениям* нельзя согласиться с утверждением А. Лиеле и В. Лукашевича о том, что у лица, совершившего преступление, возникает обязанность подчиниться государственным принудительным мерам, но эту обязанность лицо до привлечения его в качестве обвиняемого может осуществить только добровольно³⁵. Если у лица, совершившего преступление, возникают какие-либо обязанности, что свидетельствует о наличии правоотношения, то у компетентного лица, естественно, возникают права. В данном случае у следователя возникает право потребовать у обвиняемого надлежащего поведения, если же он не подчиняется этим требованиям, то следователь вправе подкрепить их принудительной силой. Если лицо не уклонится от явки по вызову следователя — не последует правоотношения по поводу его привода. Естественно, в этом случае нет необходимости в применении принуждения. Если лицо уклонится от явки к следователю, то возникают правоотношения по поводу его привода, который осуществляется принудительно. Правоотношений вне взаимосвязи между субъектами, между их правами и обязанностями нет и быть не может. Поэтому и уголовно-процессуальное отношение содержит все свойства последнего. Когда правоотношение возникает в силу нарушения установленного законом запрета, то оно не может носить добровольный характер и выражает государственно-властное начало, обеспечивающее необходимое поведение субъектов принудительным образом. На это обстоятельство правильно указывает П. С. Элькинд: «Если для субъектов отношений, регулируемых некоторыми другими отраслями права, типично добровольное вступление в правоотношения, то большинство субъектов уголовно-процессуального права вступают в правоотношения, главным образом, по властному распоряжению государственных органов»³⁶.

³⁵ См. Лиеле А., Лукашевич В. Указ. соч., с. 151.

³⁶ Элькинд П. С. Указ. соч., с. 35; ее же. Правоотношение в советском уголовном процессе.— «Вестник ЛГУ», 1959, № 5, с. 101. Иначе решает этот вопрос Б. А. Галкин (см. Галкин Б. А. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962, с. 73).

Трудным является решение вопроса о том, что конкретно может быть отнесено к мерам уголовно-процессуального принуждения, так как почти все процессуальные действия при расследовании и разрешении дела вызывают возникновение таких уголовно-процессуальных отношений, которые носят властный характер.

Порицая преступное деяние и заботясь об искоренении его, государство устанавливает невыгодные для правонарушителя последствия принудительного порядка, носящие процессуальный характер. Сюда входят как меры процессуального принуждения в общепринятом смысле слова (меры пресечения, задержание, привод, розыск, наложение ареста на имущество и т. д.), так и меры, которые могут расцениваться в качестве проявления непосредственно сущности уголовной ответственности и способов ее реализации (возбуждение уголовного дела, предъявление обвинения, составление обвинительного заключения, предание суду и т. д.). Отсутствие научно обоснованного критерия, позволяющего более четко определить функции процессуального принуждения, приводит к тому, что в правовой литературе под мерами уголовно-процессуального принуждения понимаются самые разнообразные следственные и судебные действия. Это, в частности, и «сам факт привлечения к уголовной ответственности»³⁷, и «следственный осмотр»³⁸, и «вызов для дачи показаний и заключений свидетелей и экспертов»³⁹, и «отобрание образцов для сравнительного исследования»⁴⁰ и многие другие следственные и судебные действия. Есть авторы, которые, напротив, ограничивают уголовно-процессуальное принуждение мерами пресечения⁴¹. По мнению других, существует три вида правового принудительного обеспечения уголовно-процессуальных норм — юридическая ответственность, меры

³⁷ См. Каминская В. И. Охрана прав законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве.— «Сов. государство и право», 1968, № 10, с. 28.

³⁸ См. Савгирова Н. М. Меры пресечения и иные меры процессуального принуждения. М., 1960, с. 2.

³⁹ См. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1962, с. 228.

⁴⁰ См. Жогин Н. В. Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел. М., 1968, с. 146.

⁴¹ См. Петрухин И. Л. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 181.

защиты и меры уголовно-процессуального принуждения⁴².

Деление всех способов правового принудительного обеспечения уголовно-процессуальных норм на процессуальную ответственность, процессуальные санкции и меры уголовно-процессуального принуждения представляется правомерным, однако не составляет того критерия, по которому более четко можно определить функции процессуального принуждения и дать на этом основании классификацию их видов. Конкретно-практическое выражение принуждения приобретает при принятии определенных мер и производстве определенных действий в процессе раскрытия преступлений, расследования уголовных дел и их разрешения. Таким образом, применение мер принуждения — это всегда организованная и целеустремленная деятельность, обуславливаемая теми задачами, которые стоят перед органами правосудия. Будучи методом государственного воздействия, уголовно-процессуальное принуждение проявляется в таком виде уголовно-процессуальной деятельности, которая направлена на преодоление препятствий, возникших в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела, или обеспечение принудительным порядком условий для успешного расследования и рассмотрения уголовного дела.

Исходя из назначения процессуального принуждения, его специфики и возникающих при этом правоотношений, все меры уголовно-процессуального принуждения можно подразделить на две основные группы: 1) средства пресечения и 2) средства обеспечения. Средство пресечения как самостоятельный принудительный акт служит устранению неправомерных действий, представляющих угрозу интересам правосудия, и связано с поведением субъекта уголовно-процессуальной деятельности. Его назначение состоит в том, чтобы восстановить нормальные правовые связи и отношения путем понуждения субъекта к исполнению ранее возложенной, но не выполненной обязанности. К группе средств пресечения относятся: 1) меры пресечения; 2) отобрание обязательства о явке; 3) задержание; 4) привод; 5) розыск и этапирование; 6) отстранение обвиняемого от занимаемой должности; 7) меры, принимаемые к нарушителям порядка в судебном заседании.

⁴² См. Филющенко А. А. Об уголовно-процессуальном принуждении.— «Правоведение», 1974, № 3, с. 108—109.

Назначение процессуальных средств обеспечения состоит в создании принудительным порядком условий для успешного осуществления задач социалистического правосудия. Принудительность этих средств связана с необходимостью наступления определенных условий, обеспечивающих возможность установления истины по делу и зависящих иногда от поведения субъекта, противодействующего наступлению этих условий. К группе средств обеспечения следует отнести: 1) обыск, 2) выемку, 3) помещение обвиняемого или подозреваемого в медицинское учреждение для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы; 4) наложение ареста на имущество.

Учитывая изложенное, под уголовно-процессуальным принуждением следует понимать метод государственного воздействия, проявляющийся в уголовно-процессуальных средствах пресечения неправомерных действий (бездействия), представляющих угрозу интересам правосудия, и обеспечения условий успешного осуществления задач социалистического правосудия, применяемых в порядке, установленном законом, компетентными органами государства (должностными лицами) в отношении участников уголовно-процессуальной деятельности.

§ 2. Соотношение принуждения, ответственности и санкций в сфере уголовного судопроизводства

Отступление участников уголовного судопроизводства от требований норм права, регулирующих их поведение при возбуждении, расследовании и разрешении уголовных дел, вызывает ответную реакцию, применение правоохранительных средств. Различие нарушений уголовно-процессуальных норм, преодолению которых служат охранительные средства, вызывает различие видов правового принудительного обеспечения, к которым относятся: процессуальное принуждение, процессуальная ответственность и процессуальные санкции.

Общность этих средств правообеспечения заключается в том, что они возникают из факта правонарушения как требование восстановления нарушенного общественного отношения и имеют государственно-принудительный характер.

Общность названных категорий состоит также в том, что при применении каждой из них виновный в правонарушении осуждается государством, претерпевает личные, имущественные, организационные лишения. Однако эти понятия не тождественны и их различие усматривается в следующем.

1. Юридическим основанием применения процессуально-го принуждения и процессуальной ответственности являются нормы уголовно-процессуального права, устанавливающие пределы и условия, при которых применение их становится возможным. Это следует отнести к общности рассматриваемых категорий. Различие же указанных категорий состоит в фактических основаниях применения. Если фактическим основанием применения процессуальной ответственности может быть только **реально совершенное нарушение требований уголовно-процессуального закона**, допущенное конкретным лицом в форме сознательного неисполнения правовых обязанностей, то фактическим основанием применения процессуального принуждения может быть и **поведение, запрещенное процессуальным законом, и поведение, запрещенное уголовным законом, и свойство личности**, в отношении которой применяется принуждение. Например, в этом смысле общим фактическим основанием будет нарушение требований процессуального закона, выразившееся в злостном нарушении подсудимым порядка судебного заседания. Принудительное удаление (физическое воздействие) подсудимого из зала судебного заседания явится тем средством процессуального принуждения, с помощью которого преодолевается возникшее препятствие в ходе установления объективной истины. Лишение подсудимого возможности дальнейшего участия в судебном разбирательстве и реализации своих прав на защиту есть, несомненно, процессуальная ответственность за недозволенное поведение. Как видим, оба они возникают на основании одного факта — неисполнения требований процессуального закона.

Анализ содержания ст. 122 УПК РСФСР, предусматривающей процессуальное задержание, приводит нас к выводу, что фактическим основанием этого вида принуждения являются совершение уголовного преступления и фактические данные, свидетельствующие, что оно совершено определенным лицом. В этом случае фактическим основанием является совокупность уголовно-правовых признаков преступления и обоснованность подозрения, достигнутая процес-

суальными средствами. Процессуальная ответственность по этим основаниям не применяется, так как это входит в сферу уголовно-правового регулирования и применения уголовной ответственности. И уже тем более не могут служить основанием процессуальной ответственности свойства личности, хотя общественная опасность правонарушителя влияет на меру ответственности. При применении уголовно-процессуального принуждения, скажем, содержания под стражей, практика идет по пути его избрания в силу общественной опасности (вредности) самого правонарушителя, ранее неоднократно привлекавшегося к уголовной ответственности (наличие прежних судимостей).

Как известно, в некоторых случаях в виде исключения законом допускается возможность юридической ответственности за невиновное поведение, т. е. за деяния, объективно противоправные⁴³. Процессуальная ответственность (отмена незаконного решения о задержании, содержании под стражей) наступает независимо от того, произошли ли указанные нарушения вследствие ошибки (добросовестного заблуждения), либо вследствие виновного пренебрежения процессуальными обязанностями, либо вследствие злого умысла должностных лиц. Надзорная инстанция не занимается установлением этих моментов, а применяет правоохранительные меры, отменяя указанные решения. Следовательно, основанием процессуальной ответственности в данном случае выступает не состав правонарушения (преступления или дисциплинарного проступка), а ненадлежащее выполнение должностными лицами своих уголовно-процессуальных обязанностей.

Процессуальная ответственность (отмена незаконных решений, отстранение от дальнейшего расследования и т. д.) имеет цель — восстановление нормальных правовых связей и отношений. Наказательный характер обеспечивает уголовная ответственность, а сфера процессуальных отношений используется как метод, способ установления ответственности. Процессуальная ответственность в данном случае устанавливает несостоятельность принуждения, отсутствие оснований к его применению, а факт совершенного должностным лицом правонарушения, явившийся необходимой предпосылкой процессуальной ответственности, становится основанием приме-

⁴³ См. Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Указ. соч. М., 1971, с. 90—91; Алексеев С. С. Общая теория социалистического права, вып. 2. Свердловск 1964, с. 194.

нения принуждения в отношении должностного лица, уголовная ответственность которого также устанавливается в сфере уголовного судопроизводства. Таким образом, объективно противоправное поведение может стать основанием процессуальной ответственности должностных лиц, но не может быть основанием принимаемых ими решений о применении принуждения, так как эти решения являются незаконными и, в конечном итоге, порождают наступление процессуальной ответственности.

2. И процессуальное принуждение, и процессуальная ответственность⁴⁴ всегда выражаются в форме правоотношений — урегулированного нормами уголовно-процессуального права общественного отношения между лицом, нарушившим требование закона и поэтому подвергаемым принуждению или ответственности, и компетентным органом государства, применяющим принуждение или возлагающим на него ответственность. И то и другое правоотношение носит ярко выраженный государственно-властный характер требований к субъекту судопроизводства, последний обладает коррелятивными правами на информацию об основаниях принимаемых решений, обжалование действий следователя прокурору, действий прокурора — вышестоящему прокурору, действий суда — в вышестоящий суд и т. д. Отличие этих двух видов правоотношений заключается в основаниях их возникновения. Обязанность субъекта понести процессуальную ответственность возникает в момент нарушения им требований процессуального закона. Несмотря на то, что реально процессуальная ответственность в этот момент может еще не наступить, нарушение процессуального закона является тем юридическим фактом, который порождает право компетентного органа государства ее применить и обязанность нарушителя ее понести. Правоотношение по поводу процессуальной ответственности возникает тогда, когда отношение по поводу процессуального принуждения уже сложилось для уточнения уголовно-правового отношения. Связь процессуального отношения с уголовно-правовым отношением по поводу принуждения — более близкая и непосредственная, чем связь с ним процессуальной ответственности. Назначение принудительных

⁴⁴ Обоснование процессуальной ответственности см.: Чечина Н. А., Элькин Д. С. Об уголовно-процессуальной и гражданской процессуальной ответственности. — «Сов. государство и право», 1973, № 9, с. 33—41.

процессуальных действий — установление преступного деяния и виновного лица, т. е. установление уголовно-правового отношения. В свою очередь, совершение преступного деяния может быть единственным основанием (обязательство о явке) или совершенно необходимой предпосылкой при наличии процессуальных оснований применения мер принуждения. Связь процессуальных отношений с уголовно-правовым отношением по поводу применения процессуальной ответственности — более далекая, опосредствованная через уголовно-процессуальные отношения, сложившиеся в процессе применения принудительных мер. А факт совершения преступления не является основанием процессуальной ответственности, так как выступает тем юридическим фактом, который порождает уголовную ответственность.

Таким образом, правоотношение по поводу процессуального принуждения играет служебную роль в уточнении правоотношений уголовно-правового характера, получающих окончательное оформление во вступившем в законную силу приговоре, и в уточнении процессуальных отношений по поводу процессуальной ответственности, получающей свое оформление в решении компетентных должностных лиц. В этом смысле процессуальное принуждение шире процессуальной ответственности, но ответственность всегда есть принуждение.

Вместе с тем и процессуальное принуждение и процессуальная ответственность, обеспечивая достижение целей уголовного судопроизводства, служат правильному назначению и реализации уголовно-правовой ответственности.

В отличие от круга субъектов процессуального принуждения, круг субъектов процессуальной ответственности уже, так как принуждению может быть подвергнут как гражданин, так и организация (учреждение), ответственности — только граждан.

Отличие процессуального принуждения от процессуальной ответственности не исключает их тесной связи, которая особенно наглядна, когда процессуальное принуждение предшествует процессуальной ответственности и последняя является как бы логическим завершением принуждения. Например, личное поручительство как мера пресечения является процессуальным принуждением. Ответственность личными поручителями в случае совершения подозреваемым или обвиняемым действий, для предупреждения которых была применена эта мера пресечения, является процессуальной ответст

венностью (ст. ст. 94 и 323 УПК РСФСР). Удаление свидетеля из зала суда в результате нарушения им порядка в судебном заседании — процессуальное принуждение, наложение штрафа на свидетеля в этом случае — процессуальная ответственность (ст. 263 УПК РСФСР)⁴⁵. Особенно наглядна эта связь, когда само процессуальное принуждение превращается при определенных условиях в процессуальную ответственность (применение к обвиняемому, нарушившему подписку о невыезде, заключения под стражу). Возникает вопрос, не смешиваются ли здесь понятия ответственности и принуждения? Думается, что нет. Во-первых, применение принуждения возможно не только в форме ответственности за виновное деяние, но и в форме психологической угрозы для предупреждения такого деяния. Процессуальная ответственность в виде психологической угрозы выступать не может. В этом смысле нельзя считать ответственностью отобрание обязательства о явке, ставящей целью не допустить неправомерное поведение обвиняемого. Во-вторых, процессуальная ответственность может наступить и не в связи с применением процессуального принуждения, убедительным подтверждением чему служат, например, положения ст. 342 УПК РСФСР (основания к отмене или изменению приговоров); ст. ст. 214 и 232 УПК РСФСР (возвращение уголовного дела для дополнительного расследования) и т. д. Указанные статьи рассчитаны на существенное нарушение органами дознания, следствия, прокуратуры и суда самых различных по своему конкретному проявлению правил поведения.

На основании изложенного представляется правомерным выделение процессуальной ответственности из принуждения в широком понимании этой категории⁴⁶. Уголовно-процессуальное принуждение — это средство для преодоления возникших препятствий в процессе установления объективной истины. При применении этих средств частично ограничиваются субъективные права граждан и интересы организаций — участников уголовного судопроизводства. Процессуальная ответственность как последствие правонарушения

⁴⁵ См. также: Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР. 1938—1969 гг., М., 1971, с. 328.

⁴⁶ Мнение о том, что «процессуальной ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности не существует», отстаивают И. С. Самощенко и М. Х. Фарукшин (Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Указ. соч., с. 187).

состоит в лишении правонарушителя определенных прав, возложении на него дополнительных обязанностей или одновременное лишение прав и возложение дополнительных обязанностей⁴⁷. Процессуальная ответственность тесно связана с реализацией санкции, к которой уголовно-процессуальное принуждение имеет более отдаленное отношение, опосредствованное через процессуальную ответственность.

Обзор литературных источников, касающихся трактовки правовой нормы и ее структуры, приводит нас к выводу, что авторы, признающие санкцию в качестве неотъемлемого элемента правовой нормы, придают понятию санкции самое различное значение; как следствие этого происходит отождествление понятий «принуждение», «ответственность», «санкция»⁴⁸. Одни авторы определяют санкцию как указание на меру государственного принуждения, которая должна быть применена уполномоченным на то органом к нарушителю⁴⁹; другие понимают под санкцией указание на неблагоприятные юридические последствия несоблюдения нормы права⁵⁰. Не оспаривая эти мнения по существу, мы уточним некоторые положения в пользу нетождественности указанных понятий.

Как ранее указывалось, процессуальная ответственность заключается в применении и реализации санкций правовых норм, а санкции определяют меру, объем ответственности применяемых к нарушителям норм права. Будучи структурным элементом правовой нормы, санкция, как и вся норма в целом, обеспечивается принудительной силой, и в этом смысле говорить о процессуальной санкции как мере государственного принуждения представляется правильным. Но именовать санкциями отдельные меры процессуального принуждения (задержание, привод, меры пресечения)⁵¹ пред-

⁴⁷ См. Чечина Н. А., Элькин П. С. Указ. соч., с. 35—36.

⁴⁸ См. Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961, с. 202; Коршик М. Г., Степичев С. С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. М., 1969, с. 47—48.

⁴⁹ См. Общая теория советского права. Под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самошенко. М., 1966, с. 204; Теория государства и права. Под ред. А. И. Денисова. М., 1967, с. 291.

⁵⁰ См. Пиголкин А. С. Нормы советского социалистического права и их структура.— В кн.: Вопросы общей теории советского права. М., 1960, с. 181.

⁵¹ Подробное обоснование этого мнения дает В. И. Каминская (Демократические основы советского социалистического правосудия. Под ред. М. С. Строгович. М., 1965, с. 113—114).

ставляется неправильным отождествлением двух различных категорий. Определяя объем, размер ответственности, санкция преследует те же цели, что и ответственность (хотя этим цели ее не ограничиваются) — лишение правонарушителя определенных прав и возможностей и возложение на него обязанностей. Ни одна из мер процессуального принуждения этих целей не преследует; их назначение — обеспечить успешное выполнение задач уголовного судопроизводства.

Меры уголовно-процессуального принуждения нельзя относить к санкциям и потому, что две санкции одновременно не могут быть применены за одно и то же противоправное действие к одному и тому же лицу. В противном случае нужно признать, что свидетель, подвергнутый приводу, не может быть привлечен к уголовной ответственности за уклонение от дачи показаний, на обвиняемого нельзя возложить обязанности по возмещению государству сумм, затраченных на его розыск и т. д.

Несколько неточным для раскрытия специфики процессуальной санкции представляется понимание ее как неблагоприятных юридических последствий несоблюдения норм права. Неблагоприятные последствия — понятие более широкое по объему, чем санкция. Причина возникновения неблагоприятных последствий может быть связана и с правонарушением, и с неисполнением нормативных предписаний, реализация которых предоставлена на усмотрение лица. Например, отказ обвиняемого от защиты, от заявления ходатайств, пропуск без уважительной причины срока обжалования и т. д. влекут определенные отрицательные последствия: обвиняемый не реализует полностью свое право на защиту, жалоба остается без рассмотрения. Но указанные последствия не означают ни ответственности, ни санкции, хотя и являются неисполнением требований норм права. В их основе не лежат правонарушения. Следовательно, в основе процессуальной санкции находится такое правонарушение, которое связано со злоупотреблением правом или невыполнением процессуальной обязанности императивного характера. Специфика процессуальной санкции состоит также в том, что она может быть направлена не против тех лиц, в отношении которых применены меры процессуального принуждения, а против должностных лиц, злоупотребивших своими правами и нарушивших требования уголовно-процессуального закона.

Хотя санкция предусматривает меру ответственности и вне соответствующего вида ответственности утратила бы свою реальность, нельзя отождествлять эти две категории. Санкция как структурный элемент правовой нормы существует всегда как возможное последствие за неисполнение правовых требований; ответственность представляет собой действительное следствие совершенного правонарушения, реализацию санкции, когда правонарушение имеет место в действительности.

Если исходить из традиционного расчленения правовых норм на три элемента, то следует указать, что в уголовно-процессуальном праве имеются идеальные нормы, формулирующие гипотезы, диспозиции и санкции. Примером может служить ст. 94 УПК РСФСР. Гипотезой здесь будет указание на возможность применения в качестве меры пресечения личного поручительства, диспозицией — указание на необходимость обеспечить надлежащее поведение подозреваемого или обвиняемого; санкцией — указание на то, что в случае недобросовестного исполнения взятых на себя обязательств на каждого поручителя может быть наложено денежное взыскание или применены меры общественного воздействия. Таких норм, которые четко бы разграничивались на структурные элементы и в которых бы санкция обеспечивалась собственно процессуальной ответственностью, в уголовно-процессуальном праве меньшинство. Для подавляющего большинства норм рассматриваемой отрасли права характерно формулирование в них гипотезы и диспозиции. Санкция же формулируется применительно не к одной, а к нескольким однородным нормам или к целому комплексу диспозиций и гипотез. К подобным санкциям относится предусмотренная уголовно-процессуальным законом возможность принудительного устранения последствий правонарушений, допущенных в уголовном процессе, путем отмены или изменения незаконных процессуальных актов (отмена незаконного задержания, наложения ареста на имущество, отстранения от занимаемой должности и т. д.).

Процессуальные санкции делятся на две группы⁵². К первой группе относятся санкции, целевое назначение ко-

⁵² Исходя из направленности мер, предусмотренных санкциями, их делят на две группы: а) санкции штрафные, карательные; б) санкции правосстановительные (см. Лейст О. Э. Санкции в советском праве. М., 1962, с. 102 и сл.).

торых — оказать непосредственное воздействие на правонарушителя. В их число входит изменение подписки о невыезде на более строгую меру пресечения (ст. 93 УПК РСФСР), наложение денежного взыскания (ст. 94 и ч. 4 ст. 394, ч. 4 ст. 263 УПК РСФСР), отторжение залоговой массы в доход государства (ст. 99 УПК РСФСР), отстранение лица, производящего дознание, или следователя от дальнейшего ведения расследования (п. «е» ст. 211 УПК РСФСР) и т. д. К этой группе процессуальных санкций примыкают уголовно-правовые санкции, обеспечивающие явку свидетелей, потерпевших, экспертов по вызову компетентных органов государства (ст. 182 УК РСФСР) и предусматривающие меру ответственности за заведомо незаконный арест, задержание (ст. 178 УК РСФСР), незаконное лишение свободы (ст. 126 УК РСФСР), незаконное нарушение тайны переписки (ст. 135 УК РСФСР), незаконное производство обыска (ст. 136 УК РСФСР), а также санкции норм административного права (Положение о дисциплинарной ответственности судей, Положение о прокурорском надзоре).

Ко второй группе процессуальных санкций относятся меры по восстановлению законности и предохранению от наступления последствий противозаконных действий. В одних случаях незаконное процессуальное действие отменяется и тем самым восстанавливается законность (отмена незаконного задержания возвращает свободу гражданину; освобождение имущества от ареста в случаях, когда арест наложен на имущество, на которое по закону не допускается обращение взыскания). Иногда применение процессуальной санкции не влечет за собой прекращения процессуального действия, так как оно уже совершено (незаконный обыск, выемка). В этих случаях действие процессуальной санкции должно быть направлено на то, чтобы парализовать правовые последствия незаконного действия с тем, чтобы доказательства, добытые таким путем, не легли в основу выводов следствия и суда.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы:

1. Процессуальное принуждение, процессуальная ответственность и процессуальная санкция, являющиеся способами правового принудительного обеспечения уголовно-процессуальных норм, — понятия не тождественные. Они различа-

ются по своей целенаправленности, основаниям, условиям, формам; пределам и порядку применения.

2. Основанием применения мер уголовно-процессуального принуждения служит совокупность фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии признаков уголовного преступления и уголовно-процессуального правонарушения. Основанием применения процессуальной ответственности и процессуальной санкции является только уголовно-процессуальное правонарушение.

3. Процессуальная ответственность и процессуальная санкция имеют своей целью лишение правонарушителя определенных прав и возложение обязанностей, дополнительных к тем основным, которые нарушитель не исполнил, создание невыгодных последствий для правонарушителя. Уголовно-процессуальное принуждение никогда эти цели не преследует. Его основное назначение — обеспечить реальную возможность раскрытия преступления, изобличения лица, его совершившего, и установления по делу объективной истины.

4. Меры уголовно-процессуального принуждения, как и нормы уголовно-процессуального права в целом, обеспечиваются возможностью применения как собственно процессуальных санкций, так и санкций различных отраслей права (уголовного, административного, гражданского). Процессуальные санкции выражаются в восстановлении нарушенной законности или воздействии на правонарушителей. Иногда они могут заключаться в одновременном восстановлении законности и возложении дополнительных обязанностей на правонарушителя.

5. Процессуальная ответственность, реализуя санкцию в случае правонарушения, допущенного при применении мер уголовно-процессуального принуждения, усиливает их государственно-властный характер и способствует предотвращению нарушений законности в будущем.

§ 3. Отличие уголовно-процессуального принуждения от иных видов государственного принуждения

Чтобы яснее понять специфические особенности уголовно-процессуального принуждения, его юридическую природу и место в системе социалистического права, представляется необходимым рассмотреть соотношение его с иными видами

государственного принуждения (гражданского процессуального, административного и уголовно-правового) и отличие от них.

Общность всех видов государственного принуждения состоит в том, что они имеют социалистическую природу, отвечают интересам советского общества и государства и каждый из них реализует задачи коммунистического строительства. Им присущ государственно-властный характер, так как именно государство в лице своих представительных органов принуждает к исполнению требований права, оказывает воздействие, заставляя подчиниться правовым предписаниям.

Кроме того, все виды процессуального принуждения представляют собой способ достижения реализации материальных правовых норм различных отраслей права (уголовно-процессуальное — уголовно-правовых норм, административно-процессуальное — административных норм и т. д.).

В то же время каждый вид принуждения регулируется соответствующими отраслями права, различающимися между собой по предмету и методу правового регулирования. Как ранее указывалось, уголовно-процессуальное регулирование — это такая форма правового воздействия государства на поведение участников общественных отношений, которые возникают, развиваются и прекращаются в сфере уголовного процесса. Следовательно, уголовно-процессуальное право имеет предметом своего регулирования отношения, складывающиеся в сфере возбуждения, расследования и разрешения дел о преступлениях между субъектами уголовно-процессуальных прав и обязанностей. Одним из элементов метода правового регулирования является способ обеспечения субъективных прав и юридических обязанностей участников общественных отношений. Среди различных способов правового обеспечения важное место занимает вид принуждения, используемый в данной отрасли права для регулирования общественных отношений. Следовательно, специфика метода уголовно-процессуального регулирования в значительной степени определяет специфику уголовно-процессуального принуждения как способа обеспечения требуемого законом поведения участников процесса.

Советский суд стоит на страже советских законов и социалистического правопорядка «и принуждает нарушителей закона повиноваться закону — в гражданском процессе

не в меньшей мере, чем в уголовном»⁵³. Вместе с тем процессуальные отношения в уголовном и в гражданском процессах различны по своему содержанию: в первом случае речь идет об уголовном преследовании совершивших преступление лиц, во втором — о разрешении спора о праве гражданском. Этим, в основном, обусловлено различие между уголовно-процессуальным и гражданско-процессуальным принуждением. Гражданскому процессу известны такие меры принуждения, как привод свидетеля (ст. 62 ГПК РСФСР), наложение судебных штрафов (ст. 97), меры по обеспечению иска (ст. 134), меры, применяемые в отношении нарушителей порядка в судебном заседании (ст. 149), привод ответчика по делам о взыскании алиментов (ст. 159) и т. д. Однако острое гражданско-процессуального принуждения направлено против ответчика только тогда, когда он добровольно не исполнит решения суда. В таком случае решение приводится в исполнение в принудительном порядке — в порядке исполнительного производства.

Особенность гражданского исполнительного производства заключается в том, что оно может быть возбуждено и не в связи с судебным рассмотрением гражданского дела. Государство, создав специальные органы для принудительного исполнения решений, вынесенных судом, и определив порядок исполнения, поручает этим органам проведение и ряда других актов, например, решений арбитража, третейских и товарищеских судов и др. На основании этих актов возбуждается исполнительное производство без предшествующих стадий процесса. По гражданско-процессуальному праву обе стороны (взыскатель и должник) могут заключить мировое соглашение, исключающее всякое принудительное исполнительное производство. И, наконец, гражданско-процессуальное законодательство предусматривает случаи, когда исполнение судебных решений осуществляется без обращения к судебному исполнителю — единственному органу, осуществляющему принудительное исполнение. Так, исполнительные документы по взысканию денежных сумм с одной организации в пользу другой представляются непосредственно в соответствующее отделение Госбанка. В несколько иных условиях протекает применение уголовно-процессуального принуждения.

⁵³ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968, с. 94.

Уголовный процесс ведется для того, чтобы установить преступление и совершившее его лицо, определить его вину и подвергнуть наказанию⁵⁴. Поэтому без уголовного преследования уголовный процесс вообще был бы беспредметен и беспредметен. Для успешного выполнения судом своих задач по охране от преступных посягательств государственного и общественного строя, прав и интересов граждан, учреждений и организаций, необходимо применение принудительных мер, обеспечивающих изобличение обвиняемого и применение к нему наказания. Меры процессуального принуждения являются средством выявления преступлений и относятся к числу наиболее характерных признаков, отличающих уголовно-процессуальное право от гражданско-процессуального, которое использует государственное принуждение в значительно меньшей степени.

«Насыщенность» уголовно-процессуального законодательства мерами процессуального принуждения, применяемыми на всех стадиях процесса, особенно на досудебных, объясняется в значительной степени тем, что раскрытие преступлений и изобличение виновных часто связано с преодолением активного сопротивления со стороны заинтересованных лиц. Меры уголовно-процессуального принуждения допускаются только в строго ограниченных законом пределах, когда при наличии фактических и юридических условий возбуждается и ведется уголовное дело. При этом лица, к которым применяются меры процессуального принуждения, обладают субъективными процессуальными правами. Применение мер принуждения в уголовном процессе ни в какой степени не зависит от участников процесса точно также, как от примирения сторон не зависит возникновение и прекращение уголовного дела (исключение составляет краткий перечень дел частного обвинения).

Публичность, публичное начало пронизывает весь уголовный процесс, все его стадии и институты и заключается в том, что органы следствия и дознания, прокуратура и суд при возбуждении, расследовании и разрешении уголовных дел действуют в интересах государства и общества и обязаны принимать все законные меры (в том числе принудитель-

⁵⁴ Этим, однако, не исчерпывается цель уголовного процесса. См. подробнее: Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956, с. 68 и сл.; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. I. М., 1968, с. 39—44.

ные) и совершать все законные действия для раскрытия преступлений, изобличения и наказания виновных, не ставя совершение этих действий в зависимость от усмотрения заинтересованных лиц и организаций. И, наконец, в уголовном процессе правом на применение принудительных мер пользуются государственные органы, наделенные властными полномочиями, органы следствия и дознания, прокуратура и суд. Эти органы обладают правом возбуждения уголовного дела, его расследования и разрешения. Поскольку применение принудительных мер преследует цель изобличения виновного, воспрепятствования тому, чтобы он получил возможность скрыть следы преступления, фальсифицировать доказательства, предупредить соучастников и сговориться с ними, скрыться от следствия и избежать наказания (а это необходимо для успешного расследования и разрешения уголовного дела), то и право на применение указанных мер производно от основного права органов следствия и дознания, прокуратуры и суда на возбуждение, расследование и разрешение уголовного дела. Различие уголовно-процессуального и гражданско-процессуального принуждения, предопределенное характером правоотношений, не исключает их тесной связи и взаимопроникновения. Нормы гражданского процессуального права, предусматривающие меры принудительного исполнения, участвуют в реализации определенных отношений, возникающих в сфере уголовного судопроизводства. Речь идет об удовлетворении гражданского иска в уголовном процессе, когда именно мерами принудительного исполнения обеспечивается изъятие из имущественной сферы лица, совершившего преступление, определенных материальных ценностей для передачи их потерпевшему или продаже в соответствующем порядке в целях принудительного исполнения обязанностей, имеющих денежное выражение. В случае возмещения ущерба, причиненного преступником, именно мерами принудительного исполнения обращается взыскание на общее имущество супругов, имущество колхозного двора или единоличного крестьянского хозяйства, если приговором по уголовному делу было установлено, что имущество приобретено на средства, добытые преступным путем⁵⁵.

Предметом регулирования административно-процессу-

⁵⁵ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1967, № 5, с. 48.

ального права являются общественные отношения, возникающие в связи с разрешением индивидуально-конкретных дел в сфере советского государственного управления, и деятельность исполнительно-распорядительных органов государственной власти. Различие предметов уголовно-процессуального и административно-процессуального регулирования является основным критерием, позволяющим разграничить и нормы права, и метод правового регулирования, и принуждение как необходимый компонент такого метода. Как известно, уголовно-процессуальные нормы устанавливаются только высшими органами государственной власти Союза ССР и союзных республик, и правом на их применение обладает строго ограниченный круг субъектов. Многоплановость сферы управленческой деятельности обуславливает такое положение, при котором административно-процессуальные нормы устанавливаются не только высшими органами государственной власти, но и содержатся в актах управления, издаваемых исполнительно-распорядительными органами, что, в свою очередь, расширяет круг субъектов, применяющих нормы административно-процессуального права, реализация которых связана с необходимостью оказать принудительное воздействие на участников правоотношений. В то же время административное принуждение осуществляется в рамках особого рода правоотношений — охранительных административно-правовых отношений, складывающихся на основе охранительных административно-правовых норм и имеющих своим назначением охрану правопорядка и социалистической законности в сфере государственного управления, пресечение или предупреждение явлений, препятствующих нормальному процессу управления⁵⁶.

В отличие от уголовно-процессуального принуждения административное принуждение хотя и имеет правоохранительные задачи, но, будучи частью управленческой деятельности, выступает как один из способов реализации целей и задач всей исполнительно-распорядительной деятельности, поэтому реализация административно-процессуальных норм далеко не всегда связана с необходимостью оказать принудительное воздействие на участников правоотношений. При-

---

⁵⁶ Более подробное обоснование указанных положений см.: Алексеев С. С. Указ. соч., с. 59—60, 189—191; Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право. М., 1972, с. 61, 84—85.

нудительный характер, присущий уголовно-процессуальным нормам, не специфичен для административно-процессуальных норм.

Административно-процессуальное принуждение отличается от уголовно-процессуального своим назначением. Если уголовно-процессуальное принуждение служит уточнению уголовно-правового отношения, возникшего в связи с совершением уголовного преступления, то задача административно-процессуального принуждения состоит в обеспечении реализации административной нормы, предусматривающей ответственность за административный проступок.

Однако несхожесть указанных двух видов принуждения не означает отсутствия всяких связей между ними. В административном порядке реализуется ряд отношений, возникающих в сфере уголовного судопроизводства. Если нарушение должностным лицом обязанностей, связанных с применением уголовно-процессуального закона, лишено признаков уголовного преступления, оно влечет дисциплинарную ответственность, предусмотренную нормами административного права. Так, в Положении о дисциплинарной ответственности судей, в Положении о прокурорском надзоре предусмотрена ответственность за должностные проступки, небрежность, недисциплинированность судей, работников прокуратуры и следственного аппарата. Сфера процессуальных отношений может использоваться в таких случаях как метод установления ответственности.

Вопрос о соотношении и отличии уголовно-процессуального и уголовно-правового принуждения в юридической литературе сводится фактически к соотношению и отличию уголовно-процессуального принуждения и наказания, так как понятия уголовно-правового принуждения и наказания представителями науки уголовного права отождествляются⁵⁷. На этом основании процессуалисты проводят различие по следующим признакам: 1) процессуальное принуждение применяется к обвиняемым, подозреваемым, свидетелям, потерпевшим, в то время как наказание применяется к лицам, признанным виновными в совершении преступления; 2) цели процессуального принуждения отличаются от целей наказания; 3) меры процессуального принуждения могут быть при-

⁵⁷ См. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973, с. 61—74; Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. М., 1973, с. 12—15.

менены дознавателем, следователем, прокурором и судом, тогда как наказание может быть назначено только по приговору суда⁵⁸. Специалисты в области уголовного права, не возражая против такого сопоставления, уточняют его указанием на то, что наказание всегда связано с карой, с принудительным ограничением или лишением преступника каких-либо, нередко важнейших и существеннейших для него благ, прав и интересов⁵⁹.

Вызывает сомнение, прежде всего, правильность отождествления наказания с понятием уголовно-правового принуждения, так как последнее понятие более широкое, емкое и многогранное; им охватываются и уголовные законы с их карательными санкциями, и уголовная ответственность, и наказание, и исправительно-воспитательное воздействие, и состояние судимости после отбытия наказания. Несомненно, эта проблема нуждается в разработке и ждет своих исследований.

Вызывает сомнение также возможность сопоставления таких понятий как уголовно-процессуальное принуждение и наказание. На наш взгляд, они несопоставимы. Наказание как определяемую судом в пределах карательной санкции уголовного закона меру ответственности скорее можно сопоставить с процессуальной ответственностью или с процессуальной санкцией, нежели с теми способами создания условий для определения оснований уголовной ответственности, какими являются меры процессуального принуждения.

Соотношение уголовно-правового и процессуального принуждения определяется соотношением уголовного права и уголовного процесса в целом. Уголовное право определяет условия возникновения и содержание правоотношения между виновным и государством с тем, чтобы суд в своем приговоре назначил виновному наказание в пределах, предусмотренных законом. Нормы уголовно-процессуального права определяют те правоотношения, которые возникают в про-

⁵⁸ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, с. 150; Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1951, с. 205—206; Давыдов П. М., Якимов П. П. Применение мер процессуального принуждения по Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Свердловск, 1961, с. 10; Лившиц Ю. Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964, с. 12.

⁵⁹ См. Ной И. С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962; Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963; и др.

цессе расследования, судебного рассмотрения дела в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления, и назначения осужденному наказания. Уголовно-процессуальные правоотношения, в том числе и правоотношения, возникающие при применении уголовно-процессуального принуждения,— это правовая форма установления в действиях обвиняемого состава преступления и назначения виновному соответствующего наказания, иными словами, правовая форма установления и реализации уголовно-правового принуждения. Служебная роль уголовного процесса в целом предопределяет вспомогательно-правовой характер его институтов⁶⁰. Служебная роль уголовно-процессуального принуждения выражается в том, что уголовно-правовое принуждение устанавливается и реализуется с помощью уголовно-процессуальных принудительных мер, а последние существуют для того, чтобы дать жизнь уголовно-правовому принуждению.

В результате изложенного наши выводы сводятся к следующему:

Все виды государственного принуждения имеют социалистическую природу, отвечают интересам советского общества и государства, каждый из них реализует задачи коммунистического строительства, каждому присущ государственно-властный характер и все виды процессуального принуждения представляют собой способ реализации материальных правовых норм.

Определяющим критерием в разграничении их на виды являются специфические свойства предмета и метода правового регулирования, позволяющие различать виды государственного принуждения по сферам воздействия, назначению, целям, степени общественной опасности правонарушений, характеру их последствий и т. д. Различие видов государственного принуждения не исключает их взаимосвязи и взаимопроникновения.

По отношению к уголовно-правовому принуждению уголовно-процессуальное принуждение играет служебную роль, создавая условия, наиболее благоприятные для установле-

⁶⁰ В советской юридической литературе на необходимость отличать материально-правовые институты от институтов вспомогательно-правовых указывали С. И. Аскназий (см. Аскназий С. И. Некоторые вопросы гражданско-правовой ответственности.— «Учен. зап. ЛГУ», 1953, вып. 151, с. 159—160) и Н. Н. Полянский (см. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956, с. 242).

ний необходимости применения и реализации уголовно-правового принуждения.

§ 4. Основания и условия применения уголовно-процессуального принуждения

Уголовно-процессуальное принуждение может быть по-настоящему действенным и эффективным методом охраны социалистической законности и правопорядка, если оно применяется в строгом соответствии с законом. Применение незаконных мер или процессуального принуждения вопреки закону является грубейшим нарушением законности, худшим проявлением произвола. В связи с этим огромную практическую важность имеет определение оснований и условий, при которых применение того или иного вида уголовно-процессуального принуждения считается законным, обоснованным, практически целесообразным.

Под основанием в науке понимаются те явления или стороны явлений, которые служат первоначальным источником, определяющим существо и развитие всех остальных производных явлений или их сторон, находясь с ними в отношении диалектической взаимообусловленности. Понятие термина «основание» предполагает такие явления, которые делают необходимым применение мер уголовно-процессуального принуждения и являются их причиной, поводом⁶¹. Нам представляется, что основанием для применения уголовно-процессуального принуждения может быть названа совокупность следующих обстоятельств: 1) назначение процессуальной нормы — обеспечение условий реализации материальной нормы, это обстоятельство является наиболее существенным и необходимым для применения процессуального принуждения (если нет развивающегося материального правоотношения, не может быть и процессуального принуждения); 2) обстоятельств, характеризующих совершенное преступление или личность преступника; 3) обстоятельств, указывающих на основании чего и за что возможно применение процессуального принуждения.

Применение уголовно-процессуального принуждения воз-

⁶¹ Словарь русского языка объясняет термин «основание» как: «причина, повод, которые объясняют, оправдывают, делают понятными поступки, поведение и т. п. кого-либо». («Словарь русского языка», т. 1. М., 1968).

можно только в сфере уголовного судопроизводства, когда уголовное дело возбуждено. Уголовное дело может быть возбуждено только в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления (ст. 108 УПК РСФСР). Поэтому нельзя установить основания уголовно-процессуального принуждения вне связи с совершенным преступлением, вне соответствующих правоотношений. Тот, кто совершил преступление, ставит себя в особое отношение к государству, и это отношение регулируется в первую очередь нормами уголовного права. Вместе с тем наличие уголовно-правового отношения создает необходимость уголовно-процессуальных отношений между личностью предполагаемого преступника (обвиняемого) и иными лицами, силой обстоятельств совершенного преступления втянутыми в уголовный процесс, и соответствующими следственными, прокурорскими или судебными органами. Вся уголовно-процессуальная деятельность, которая осуществляется в форме уголовно-процессуальных правоотношений, направлена на то, чтобы установить, есть ли в действительности или отсутствует соответствующее уголовно-правовое отношение между личностью обвиняемого и государством. Уголовно-процессуальное принуждение, которое также всегда выступает в форме правоотношения, является тем средством, использование которого позволяет преодолеть или устранить препятствия в процессе установления уголовно-правового отношения. Поэтому говорить об основаниях уголовно-процессуального принуждения вне связи с совершенным преступлением не представляется возможным. Это положение, однако, само по себе не обосновывает необходимости мер уголовно-процессуального принуждения. Оно лишь устанавливает, когда, при каких обстоятельствах наступает возможность его применения.

Для государства и общества далеко не безразлично, каковы характер совершенного преступления и личность виновного. В силу этого ст. 96 УПК РСФСР устанавливает, что к лицам, обвиняемым в совершении тяжких преступлений, заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено по мотивам одной лишь опасности преступления. Наличие прежних судимостей у лица, вновь совершившего преступление, также свидетельствует о его повышенной опасности. Поэтому практика неуклонно идет по пути обязательного применения к ним меры пресечения факти-

чески по мотивам лишь общественной опасности этих лиц. Причем и тяжесть совершенного преступления и общественная опасность лица, совершившего преступление, — это такие явления, которые объективно существуют и представляют реальную угрозу государству и обществу. Естественно, эти явления вызывают ответные меры ограничений и являются существенными и необходимыми для применения принуждения государственными органами, призванными осуществлять борьбу с преступностью.

Тяжесть совершенного преступления законодателем признается самостоятельным основанием применения меры пресечения — заключения под стражу. Несколько иначе обстоит дело с личностью совершившего преступление. Применение меры пресечения по мотивам одной лишь общественной опасности лица, совершившего преступление, законодателем не признается как самостоятельное основание⁶². Ст. 91 УПК РСФСР рекомендует при разрешении вопроса о необходимости избрать меру пресечения учитывать, помимо обстоятельств, указанных в ст. 89, также личность подозреваемого или обвиняемого.

Данные о личности бывают двоякого рода — данные, свидетельствующие о возросшей общественной опасности лица (наличие неоднократных прежних судимостей при совершении нового преступления), и данные, помогающие определить значимость совершившего преступление лица для общества (сведения о психологических особенностях виновного, общественно-производственная, общественно-политическая, общественно-бытовая характеристики, данные о его поведении в ходе следствия). Представляется, что сведения первой группы можно положить в основу решения о применении меры пресечения и выделить в самостоятельное основание⁶³. Сведения второго порядка нужно учитывать как со-

---

⁶² Исключения составляют УПК Азербайджанской (ст. 165), Латвийской (ст. 76), Киргизской (ст. 78) ССР, которые наряду с тяжестью совершенного преступления указывают на повторность как на основание применения заключения под стражу.

⁶³ Ранее нами указывалось, что практика неуклонно идет по пути признания общественной опасности личности как самостоятельного основания применения мер пресечения. Анализ и обобщение следственной практики г. Воронежа за 1972—1974 гг. свидетельствуют о том, что в ряде случаев применения мер пресечения в качестве основания указывается «наличие неоднократных прежних судимостей».

путствующие совершению преступления обстоятельства (условия).

Предложение выделить общественную опасность субъекта в самостоятельное основание применения меры пресечения может вызвать возражение по той причине, что основанием становится не только конкретное преступное деяние, а неопределенные качества лица, свидетельствующие о его общественной опасности, независимо от совершенного деяния. Поэтому представляется необходимым уточнить некоторые положения.

Ни социальная опасность личности, ни отдельные особенности поведения лица вне связи с преступлением не могут быть основанием для применения мер пресечения. Тем более, что до совершения преступления в их применении нет надобности. Если же уголовно наказуемое деяние совершено и установлено его соответствие признакам состава преступления, — это обстоятельство обосновывает по делу любое решение, в том числе и об избрании меры пресечения. Однако наличие общего основания, порождающего право на применение процессуального принуждения, еще не означает необходимости применения какого-либо вида мер пресечения. Возможность применения порождается иными обстоятельствами, связанными с фактом совершения преступления. Этими иными обстоятельствами, или специальными основаниями, и являются тяжесть совершенного преступления или опасность лица, его совершившего.

Виновный в преступлении всегда общественно опасен, но степень этой опасности различна. Уголовный закон придает большое значение оценке степени общественной опасности личности, учитывая ее при определении конкретного наказания (ст. ст. 37, 38 и 39 УК РСФСР), при назначении условного осуждения (ст. 44 УК РСФСР), при признании лица особо опасным рецидивистом (ст. 24 УК РСФСР) и т. д. В этих случаях степень общественной опасности личности виновного «является самостоятельным основанием освобождения от уголовной ответственности или наказания, самостоятельным основанием для смягчения наказания»⁶⁴. По аналогии с нормами уголовного права представляется необходимым придать оценке степени общественной опасности

⁶⁴ Келлина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 1974, с. 71.

личности самостоятельное значение и при применении некоторых видов уголовно-процессуального принуждения (таких, например, как: меры пресечения, задержания, отстранения от занимаемой должности).

Обстоятельства, характеризующие степень общественной опасности личности, можно разделить на три группы.

Обстоятельства, характеризующие личность в момент совершения преступления. Они тесно связаны со степенью общественной опасности совершенного преступления. Иногда фактические обстоятельства преступления с очевидностью свидетельствуют об общественной опасности личности виновного. Совершение тяжкого преступления само по себе означает, что виновный представляет значительную общественную опасность, и к нему необходимо применить меру пресечения. Действующее уголовное законодательство предусматривает в качестве признаков, характеризующих субъект некоторых преступлений, повторность, неоднократность, рецидив, особо опасный рецидив, совершение преступления с особой жестокостью. Эти признаки имеют значение как условия формирования составов (простых и квалифицированных) в тех случаях, когда они включены в диспозиции статей. В тех случаях, когда законодатель не использует указанные признаки в качестве квалифицирующих, они все равно должны найти отражение в материалах дела, должны быть положены в основу решения об избрании меры пресечения, а впоследствии учитываться в процессе индивидуализации наказания. Представляется, что наличие хотя бы одного из указанных признаков при совершении преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы, влечет за собой обязательность применения меры пресечения.

Обстоятельства, характеризующие личность до совершения преступления (наличие или отсутствие прежних судимостей).

Обстоятельства, характеризующие личность после совершения преступления: ее критическое отношение к своему преступному поведению, раскаяние, помощь в раскрытии преступления или ненадлежащее поведение, создание препятствий в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела, нарушение норм уголовно-процессуального права, устанавливающих определенные запреты. С обстоятельствами, характеризующими личность после совершения преступле-

ния, в их отрицательном варианте ст. 33 Основ и ст. 89 УПК РСФСР связывают возможность применения уголовно-процессуального принуждения, в частности мер пресечения. Эти обстоятельства характеризуют ненадлежащее поведение обвиняемого (подозреваемого), выражающееся в нарушении возложенных на него процессуальных обязанностей. Ненадлежащее поведение указанных лиц может выражаться в двух формах: в форме стремления, подготовки к уклонению от возложенных процессуальным законом обязанностей (увольнение с работы, выписка с места постоянного проживания и т. д.) и в форме совершения действий, запрещенных нормой права.

В связи с этим представляется ошибочным мнение В. М. Корнукова о том, что «уголовно-процессуальное законодательство не содержит нормы, обязывающей обвиняемого (подозреваемого) не скрываться от дознания, следствия и суда, не препятствовать установлению истины по делу...»⁶⁵. Если бы уголовно-процессуальное законодательство не осуждало указанное поведение обвиняемого, оно бы и не предусматривало возможности принудительного воздействия на него при поведении, препятствующем установлению по делу истины. Высказанное мнение приводит к отрицанию общеобязательности уголовно-процессуальной нормы, устанавливающей правила поведения участников процесса, и открывает свободу субъективного усмотрения в сфере уголовного судопроизводства.

Чтобы ненадлежащее поведение участников уголовного процесса явилось основанием применения уголовно-процессуального принуждения, оно должно отвечать следующим требованиям:

1. Закон должен запрещать определенную форму поведения. Без запрета того или иного деяния законом принудительное воздействие недопустимо. Наличие предписания закона и возложение обязанностей подчиниться этим предписаниям предполагает определенную форму поведения участника процесса, которую он обеспечивает добровольно. Если же добровольность исполнения отсутствует, имеет место форма поведения, запрещенная законом, при которой возможно принудительное воздействие. Предусмотренная зако-

⁶⁵ Корнуков В. М. К понятию мер процессуального принуждения в советском уголовном процессе. — «Учен. зап. Саратовского юрид. ин-та», 1970, вып. XIX, с. 266.

ном возможность принудительного воздействия является правовым основанием уголовно-процессуального принуждения.

2. Поведение участника уголовного процесса должно выражаться в нарушении обязанностей, возложенных на него нормой уголовно-процессуального права. При трактовке этого положения, однако, неправильно было бы отождествлять принудительность с обязательностью. Своим общеобязательным воздействием нормы уголовно-процессуального права охватывают не всех участников уголовного судопроизводства, а только тех из них, которые стали субъектами уголовно-процессуальных прав и обязанностей. Кроме того, не все нормы уголовно-процессуального права носят обязательный характер. Среди них немало таких, которые предоставляют адресату право выбора поведения. Например, лицо, понесшее материальный ущерб от преступления, вправе предъявить к обвиняемому или к лицам, несущим материальную ответственность за действия обвиняемого, гражданский иск. Решение вопроса о предъявлении иска предоставляется потерпевшему (гражданскому истцу). Однако решив предъявить гражданский иск, указанное лицо обязано действовать в рамках предписанного законом поведения, методами и способами, точно регламентированными нормами уголовно-процессуального права.

Обязанность — понятие широкое, включающее в себя и добровольное принятие, исполнение предписаний закона, и принудительное его обеспечение. Но обеспеченность принуждением — это не само принуждение, которое вступает в действие в определенных случаях, когда норма уголовно-процессуального права не оставляет адресату возможности выбора поведения, а возлагает на него определенные обязанности. Если эти обязанности добровольно не выполняются, а тем самым нарушаются нормы уголовно-процессуального права, вступает в действие механизм уголовно-процессуального принуждения. Обвиняемый или свидетель, например, могут быть подвергнуты приводу только в случае, если они не являются по вызову соответствующих органов добровольно, удаление подсудимого из зала судебного заседания допускается, если, несмотря на сделанное ему предупреждение, он продолжает нарушать порядок судебного заседания и т. д.

Применение мер уголовно-процессуального принуждения должно быть обосновано конкретными данными, доказатель-

ствами того, что поведение субъекта уголовно-процессуальной деятельности создает угрозу интересам правосудия. Здесь речь идет о фактических данных, свидетельствующих о поведении субъекта не в прошлом, а в настоящем, в период расследования или судебного рассмотрения уголовного дела. Это фактическое обоснование уголовно-процессуального принуждения. В этой связи нельзя согласиться с мнением, что применение «таких наиболее распространенных мер процессуального принуждения, как задержание подозреваемого, избрание меры пресечения и т. п., не ставится в непосредственную зависимость от наличия или отсутствия процессуального правонарушения, совершенного лицом, подвергающимся действию этих мер»⁶⁶.

Перечень оснований, с которыми законодательство связывает применение мер пресечения, задержания и т. д., опровергает мнение авторов, допускающих возможность реализации этих мер в тех случаях, когда никакого нарушения нормы права еще не произошло. С нашей точки зрения, допускать применение принуждения, основываясь только на одном предположении о будущем возможном правонарушении, — значит открывать свободу субъективного усмотрения при применении принудительных мер в сфере уголовного судопроизводства, а следовательно, и действовать в противоречии с интересами укрепления социалистической законности. Мнение указанных авторов уязвимо еще и потому, что все они понимают природу процессуального принуждения как метод воздействия, ответную реакцию государства, «средства, использование которых позволило бы преодолеть реальные, уже возникшие... препятствия в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела»⁶⁷.

Возникает вопрос, если не против нарушения норм права, то против чего направлен принудительный способ воздействия, в чем выражаются те конкретные препятствия, средством преодоления которых служит уголовно-процессуальное принуждение? Сторонники указанного мнения, обосновывающие возможность принудительного воздействия для предотвращения предполагаемых отрицательных для правосудия действий, вместе с тем вообще не говорят о том,

⁶⁶ Филющенко А. А. Об уголовно-процессуальном принуждении. — «Правоведение». 1974, № 3, с. 109—110. См. также: Корнуков В. М. Указ. соч., с. 266.

⁶⁷ Корнуков В. М. Указ. соч., с. 269.

на чем должно быть основано данное «предположение», кто и как должен определять достаточность данных, позволяющих считать имеющееся «предположение» законным основанием для применения принуждения. И если действительно в основу решения о применении уголовно-процессуального принуждения можно положить предположение о ненадлежащем поведении участника процесса, а не фактические данные, свидетельствующие об этом, то в тех случаях, когда это предположение не подтверждается в ходе дальнейшего следствия, отмена незаконного решения не может быть поставлена в вину следователю, который допускал и имел право допускать такую возможность. Незаконное применение уголовно-процессуального принуждения не является, к сожалению, критерием качества работы следователя, прокурора, суда, но оно, бесспорно, ущемляет гарантированные законом права и интересы личности в уголовном судопроизводстве и не способствует задаче укрепления социалистической законности.

В юридической литературе было высказано сомнение в возможности достоверного определения будущего поведения обвиняемого, и в связи с этим авторы считают, что следователь или суд могут сделать приблизительный, вероятный вывод об этом, но все же достаточный для решения вопроса о применении меры пресечения⁶⁸. Такая постановка вопроса не согласуется ни с интересами социалистического правосудия, ни с задачей охраны чести, свободы, неприкосновенности и иных законных личных интересов каждого лица. Все принимаемые в уголовном процессе решения должны иметь в своей основе определенную совокупность фактических обстоятельств, установленных по делу. Несомненно, что к моменту принятия решения об избрании меры пресечения должна быть выявлена совокупность обстоятельств, свидетельствующих о ненадлежащем поведении обвиняемого в процессе расследования и разрешения уголовного дела.

Если в основу решения об избрании меры пресечения будут положены достоверные факты, реальные доказательства

⁶⁸ См. Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе. Спб, 1906, с. 427; его же. Меры пресечения. М., 1926, с. 22. В современной процессуальной литературе эти взгляды отстаивают: Лившиц Ю. Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964, с. 22; Галкин И., Кочетков В. Применение мер пресечения.— «Советская милиция», 1966, № 2, с. 66.

ва ненадлежащего поведения обвиняемого, а не субъективное мнение о его вероятном поведении, то и само решение будет иметь достоверный характер.

Вероятность возможного уклонения обвиняемого, какой бы твердой она ни была, является субъективной категорией и не может приниматься за основание применения мер пресечения. В советском уголовном процессе таким основанием признаются лишь конкретные фактические данные, придающие этому понятию вполне определенное содержание. Таким образом, основанием применения мер пресечения является не субъективное представление о вероятном поведении обвиняемого, а достоверно доказанное его ненадлежащее поведение⁶⁹. Требование о достаточности доказательств означает такую степень доказанности, при которой соответствующие обстоятельства можно считать достоверно установленными. Если эти обстоятельства еще не установлены, а лишь предполагаются с большей или меньшей вероятностью — в наличии будет либо недостаточность, либо сомнительность доказательств, достоверность которых еще не проверена. В этой связи следует согласиться с В. А. Давыдовым, считающим, что «принятие такого решения должно быть результатом только доказывания, оно не может строиться на предположениях. Доказывание же в этом случае должно быть не менее тщательным, чем по поводу других обстоятельств, хотя оно и не охватывает всех вопросов, влияющих на окончательное решение по делу»⁷⁰.

Несмотря на то, что каждое решение об избрании меры пресечения должно основываться не на вероятных, а на достоверно установленных фактах, и само решение должно быть достоверным, возможность того, что оно таковым не окажется, остается, и это необходимо учитывать. Такое положение естественно, так как в процессе дальнейшего рас-

---

⁶⁹ См. Карнеева Л. М., Миньковский Г. М. Особенности пределов доказывания при принятии некоторых процессуальных решений в стадии предварительного следствия.— «Вопросы предупреждения преступности», вып. 4. М., 1966, с. 90; Буряков А. Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. Автореф. канд. дисс. М., 1967, с. 9. См. также: Уголовный процесс РСФСР. Под ред. проф. В. Е. Чугунова и Л. Д. Кокорева. Воронеж, 1968, гл. VI.

⁷⁰ Давыдов В. А. Возможность для обвиняемого скрыться от следствия и суда как основание к заключению его под стражу.— «Проблемы государства и права на современном этапе». М., 1973, вып. 7, с. 191.

следования обстоятельства дела исследуются полнее и в ряде случаев следователь приходит к иным, более верным выводам. С этой целью ст. 101 УПК РСФСР устанавливает правило, согласно которому «мера пресечения отменяется, когда в ней отпадает дальнейшая необходимость, или изменяется на более строгую или более мягкую, когда это вызывается обстоятельствами дела». Но из этого вовсе не следует, что каждое решение об избрании меры пресечения носит вероятный, а не достоверный характер. Напротив, как показывает практика, в подавляющем большинстве случаев избранная мера пресечения позднее не отменяется и не изменяется ни при окончании расследования, ни в судебном разбирательстве⁷¹.

3. Ненадлежащее поведение участника уголовного процесса должно быть связано с расследуемым и рассматриваемым преступлением. Если же связь между поведением участника процесса и расследуемым преступлением не может быть установлена, то такое поведение не служит основанием применения уголовно-процессуального принуждения. Ненадлежащее поведение обвиняемого должно быть направлено, например, на уклонение от грозящего наказания за совершенное преступление. Оно выражается в уклонении от следствия и суда, сокрытии и уничтожении следов преступления, фальсификации доказательств и т. д. в связи с тем преступлением, по поводу которого расследуется или разрешается уголовное дело. Однако, если названные действия входят в состав иного преступления и сами подлежат доказыванию, то они не могут быть отнесены к основаниям уголовно-процессуального принуждения по данному делу (например, уклонение от следствия по делу о побеге из места предварительного заключения).

4. Чтобы стать основанием применения уголовно-процессуального принуждения, ненадлежащее поведение субъекта уголовно-процессуальной деятельности должно выражаться в нарушении процессуальной нормы, но не достигать степени общественной опасности, соответствующей преступлению.

⁷¹ По данным Л. Д. Кокорева, «суды изменили меры пресечения в стадии предания суду в отношении 0,7% обвиняемых, в ходе судебного разбирательства эти меры вообще не изменялись, а по приговору суда они были изменены в отношении 4% осужденных». (Кокорев Л. Д. Подсудимый в советском уголовном процессе. Воронеж, 1973, с. 206).

Нарушение процессуальных обязанностей может выражаться в стремлении обвиняемого (подозреваемого) воспрепятствовать установлению истины по делу путем: а) искажения, скрывания, фальсификации доказательств или создания препятствий для их получения; б) запугивания, подкупа свидетелей или экспертов, искажения или подлога письменных доказательств, уничтожения следов преступления и вещественных доказательств, незаконного влияния на следователя и других лиц, принимающих непосредственное участие в расследовании и разрешении уголовного дела; в) сговора обвиняемых между собой, а также сговора обвиняемого и свидетелей с целью согласования показаний и направления следствия по ложному пути, затрудняющему установление истины, и т. д. и т. п.

Нарушение процессуальных обязанностей может выразиться в совершении новых преступных действий (аналогичного или более тяжкого преступления или определенных действий, связанных с расследуемым преступлением, но образующих самостоятельные составы преступлений, — понуждение свидетеля, потерпевшего или эксперта к даче судебным органам заведомо ложных показаний или ложного заключения, совершенное путем угрозы убийством, насилием, истреблением имущества этих лиц или их близких, а равно подкуп свидетеля, потерпевшего или эксперта с той же целью; побег из-под стражи — ст. 183 и 188 УК РСФСР), однако степень общественной опасности выводит их из сферы уголовно-процессуального регулирования по данному делу.

Будучи самостоятельными составами преступлений, указанные действия вызывают новый самостоятельный цикл уголовно-процессуальных способов установления уголовной ответственности за эти деяния. К уголовному делу, в сфере расследования и разрешения которого они совершены, преступные действия имеют отношение только лишь с точки зрения характеристики личности. Как обстоятельства, свидетельствующие о возросшей общественной опасности правонарушителя, они обосновывают необходимость применения к нему мер уголовно-процессуального принуждения в связи с расследованием и разрешением нового преступления, либо замены меры пресечения на более строгую, если оба дела будут объединены в одно производство.

В этой связи представляется неточным указание ст. 89

УПК РСФСР о возможности применения мер пресечения, если обвиняемый «будет заниматься преступной деятельностью». В данном случае представляется более целесообразным преступную деятельность, т. е. совершение преступлений, выделить в общее материально-правовое основание применения любого вида уголовно-процессуального принуждения, не перечисляя их вместе с процессуальными основаниями, либо, оставив в этой статье закона, указать на поведение обвиняемого, свидетельствующее о его возросшей общественной опасности, представляющей угрозу интересам правосудия.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что основания применения мер уголовно-процессуального принуждения служат: 1) наличие признаков уголовного преступления и развивающееся в связи с этим уголовно-правовое отношение и 2) конкретные фактические данные, подтверждающие необходимость применения уголовно-процессуального принуждения. Эти данные различаются между собой в зависимости от вида принудительного воздействия. В отношении мер пресечения к фактическим данным, подтверждающим необходимость их применения, относятся обстоятельства, устанавливающие тяжесть совершенного преступления, общественную опасность лица, его совершившего, или ненадлежащее поведение обвиняемого (подозреваемого), представляющее угрозу интересам правосудия и выражающееся в нарушении требований уголовно-процессуального закона.

Что же может быть отнесено к условиям применения мер уголовно-процессуального принуждения и что вообще следует понимать под условием? В марксистско-ленинской философии под условием понимаются такие обстоятельства, которые, сопутствуя какому-либо явлению, влияют на ход его развития, обеспечивая достижение определенных результатов⁷². В уголовном процессе условия сопутствуют основанию применения мер принуждения, способствуя правильному разрешению вопроса о необходимости их применения. Если к основаниям относятся наиболее существенные и необходимые обстоятельства, при отсутствии которых исключается возможность применения принуждения, то к условиям следует отнести обстоятельства, сопутствующие основаниям, вспомогательные в смысле наилучшего обеспечения режима социалистической законности и гарантии прав лич-

⁷² См. Марксистско-ленинская философия. М., 1965, с. 200—205.

ности при выборе конкретного вида принудительного воздействия. Основания и условия различаются между собой по степени значимости. Обстоятельства, которые являются основаниями, вызывают безусловную необходимость применения принуждения, влияют на законность и обоснованность решения о его применении. Обстоятельства, которые являются условиями, не достигают такой степени значимости и не влияют на законность и обоснованность решения о применении мер принуждения. Основанием могут быть только негативные обстоятельства, условиями же — и негативные и позитивные. В этой связи представляется ошибочным утверждение Ф. М. Кудина о том, что обстоятельства, перечисленные в ст. 91 УПК РСФСР, обосновывают необходимость применения мер пресечения и определяют их конкретный вид⁷³. Фактически автор отождествляет основания и условия применения мер пресечения, придавая одинаковое значение обстоятельствам, указанным ст. 89 и ст. 91 УПК РСФСР, что приводит его к еще более глубокому заблуждению относительно того, что возраст, состояние здоровья, наличие или отсутствие постоянного места жительства являются основаниями избрания обвиняемому меры пресечения⁷⁴.

Условия могут влиять на основания, т. е. на ход развития тех обстоятельств, которым они сопутствуют. Одни условия оказывают благотворное влияние, подчеркивая наличие оснований, и способствуют достижению положительного результата применения мер принуждения, другие помогают правильно определить вид меры принуждения, при отсутствии третьих невозможно применение принуждения даже при наличии оснований (ч. 2 ст. 122 УПК РСФСР). Это, однако, не придает им значения тех общих, существенных и необходимых положений, которые позволили бы отнести их к основаниям или отождествить с последними. Вспомогательный характер условий выражается в том, что сами по себе, при отсутствии оснований они не определяют необходимости применения принуждения. Например, состояние здоровья обвиняемого не может быть названо основанием применения к нему меры пресечения, так как нельзя утверждать,

⁷³ См. Кудин Ф. М. Обстоятельства, учитываемые при избрании мер пресечения по советскому уголовно-процессуальному праву.— В кн.: Проблемы уголовного процесса и криминалистики. Свердловск, 1973, с. 34—35.

⁷⁴ Там же, с. 38—39.

представляет ли большую угрозу интересам правосудия лицо здоровое или больное; лицо, подозреваемое в совершении преступления или привлеченное в качестве обвиняемого; осуществляющее трудовую деятельность или не работающее и т. д. Эти обстоятельства не вызывают необходимости применения мер пресечения, но при наличии оснований помогают выбрать их вид, наиболее целесообразный в конкретном случае.

Меры процессуального принуждения обусловлены обвинением, однако ни свойством самого обвинения, ни его основанием не являются. По этой причине нельзя, например, судить о наличии обвинения, исходя только из того, что подозреваемому избрана мера пресечения. Законодатель предусматривает и другие случаи, когда меры принуждения предшествуют началу обвинения, или, наоборот, отсутствуют на протяжении всего процесса, хотя обвинение успешно осуществляется. Вместе с тем в подавляющем большинстве случаев уголовно-процессуальное законодательство связывает применение процессуального принуждения с наличием обвинения, установлением фактических обстоятельств совершенного преступления и лица, его совершившего. В этой связи нельзя согласиться ни с мнением авторов, считающих привлечение лица в качестве обвиняемого единственным основанием применения к нему мер пресечения⁷⁵, ни с мнением авторов, рассматривающих наличие обвинения как общее основание, а обстоятельства, указанные ст. 89 УПК РСФСР, как специальные основания мер пресечения⁷⁶.

Обвинение — это те общественно опасные противоправные факты в социально-правовом выражении, которые вменяются обвиняемому в вину. В процессуальном смысле под обвинением следует понимать основанную на законе деятельность по изобличению обвиняемого и обоснованию его уголовной ответственности. Процессуальное принуждение по отношению к обвинению выступает как средство, обеспечи-

⁷⁵ См. Настольная книга следователя. М., 1949, с. 412; Тарасов-Родионов П. И. Предварительное следствие. Пособие для следователей. М., 1955, с. 208; Лившиц Ю. Д. Основания применения мер пресечения в Советском уголовном процессе. — «Учен. зап. Казахского ун-та», 1957, вып. IV, с. 266—267; Гуткин И. М. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1963, с. 21.

⁷⁶ См. Давыдов П. М., Якимов П. П. Применение мер процессуального принуждения по Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Свердловск, 1961, с. 13—15.

вающее эту деятельность и способствующее ей. С точки зрения характера правовой природы и институт обвинения, и институт уголовно-процессуального принуждения предназначены для реализации уголовной ответственности. Как явления одного порядка они не могут друг друга порождать, ибо порождены оба событием преступления.

Однако в силу того, что применение некоторых видов принуждения связано с серьезным ограничением личных и имущественных прав граждан (меры пресечения, наложение ареста на имущество, отстранение от должности и т. д.) или с серьезными материальными затратами государства (розыск обвиняемого, отстранение от должности и т. д.), необходимо создание таких условий, при которых эти виды принуждения применялись бы с максимальной меткостью, т. е. именно к тем лицам, которых действительно необходимо обезвредить в интересах общества. Поэтому закон прямо предусматривает в качестве основного условия применения некоторых наиболее репрессивных видов принуждения — наличие обвинения, предъявленного в установленном законом порядке. Возможность допущения ошибки в таком случае снижается, а если даже она будет допущена, то причиной тому будет не только ошибочная оценка оснований применения мер пресечения, но и ошибочная оценка исходных данных, обосновывающих обвинение.

Представляется, что наличие достаточных доказательств виновности определенного лица, предъявление ему на этом основании обвинения следует рассматривать не как основание для избрания меры пресечения, а как необходимое условие, с помощью которого достигается максимальная меткость при применении мер пресечения и иных видов процессуального принуждения⁷⁷.

В соответствии со ст. 33 Основ и ст. 90 УПК РСФСР в исключительных случаях мера пресечения может быть применена в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, и до предъявления ему обвинения, а в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 206 УК РСФСР, и до возбуждения

---

⁷⁷ На это обстоятельство правильно указывают В. Г. Асташенков и В. М. Корнуков (см. Асташенков В. Г., Корнуков В. М. К вопросу о применении мер пресечения в советском уголовном процессе. — «Учен. зап. Саратовского юрид. ин-та», 1969, вып. XVI, с. 195—196).

уголовного дела (ч. 3 ст. 418 УПК РСФСР). Сложность складывающихся ситуаций заключается в том, что в первом случае применение процессуального принуждения предшествует обвинению, т. е. установлению общественно опасных и противоправных фактов, составляющих существо того конкретного состава преступления, за который лицо несет уголовную ответственность. Во втором случае не доказано даже событие, признаки которого могут послужить основанием к возбуждению уголовного дела. И хотя необходимость в доказывании хулиганских действий как очевидного события отпадает, обоснование соответствия этого деяния составу преступления остается задачей компетентных лиц. Если в первом случае отсутствует основное условие, обеспечивающее применение мер пресечения к надлежащим лицам, то во втором — не установлено даже наличие признаков уголовного преступления, которое является правовым основанием применения этого вида процессуального принуждения.

По буквальному содержанию ст. 52 УПК РСФСР подозреваемым признается лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, и лицо, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения. К моменту задержания лица в порядке ст. 122 УПК РСФСР должны быть выявлены такие обстоятельства, как факт поимки в момент совершения преступления или непосредственно после его совершения; сообщения очевидцев и потерпевшего, прямо указывающие на подозреваемого как на лицо, совершившее преступление; обнаружение на подозреваемом, при нем или в его жилище следов преступления; иные факты, позволяющие заподозрить лицо в совершении преступления. Каждое из этих обстоятельств, установленное достоверно, свидетельствует о виновности лица и позволяет его поставить в положение подозреваемого.

Совсем иначе обстоит дело во втором случае. Основанием для избрания меры пресечения является ненадлежащее поведение лица в процессе расследования уголовного дела. Эти обстоятельства никак не свидетельствуют о его виновности в совершении именно данного преступления, так как заподозренный может по всякому себя вести, неправильно понимая свое право на защиту. Таким образом, основания для избрания меры пресечения, свидетельствующие только лишь о неправомерном поведении лица в процессе расследо-

вания и разрешения дела, не могут обосновать его виновность в совершении конкретного преступления и служить основанием для признания его подозреваемым.

На практике, как правило, при решении вопроса об избрании меры пресечения до предъявления обвинения выясняются не только основания применения принуждения, но и доказательства виновности каждого в совершении конкретного преступления. Эти доказательства виновности фактически и являются основанием для признания лица подозреваемым, но к моменту избрания меры пресечения их еще недостаточно, чтобы предъявить обвинение. В этой связи представляется необходимым изменить действующий уголовно-процессуальный закон (ст. 52 УПК РСФСР) таким образом, чтобы в нем нашли отражение основания признания лица подозреваемым, потому что ни ст. 52 УПК РСФСР в нынешней редакции, ни тем более ст. 90 УПК РСФСР, к которой она отсылает, этот вопрос не разрешают. Предлагаемую норму можно было бы сформулировать следующим образом: «Подозреваемым признается лицо, в отношении которого имеются достаточные данные считать, что оно виновно в совершении преступления, и к которому в связи с этим и в порядке, установленном законом, применено задержание или избрана мера пресечения до предъявления обвинения»⁷⁸.

Возможность избрания меры пресечения закон связывает с соблюдением ряда других условий. Так, согласно ст. 96 УПК РСФСР, заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется лишь по делам о преступлениях, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы.

Условием применения меры пресечения в отношении подозреваемого является установленное ст. 90 УПК РСФСР правило, согласно которому обвинение должно быть предъявлено не позднее десяти суток с момента применения к подозреваемому меры пресечения. Если это условие в указан-

⁷⁸ Аналогичное мнение высказано многими процессуалистами. См., например, Цыпкин А. Л. Право на защиту в советском уголовном процессе. Саратов, 1959, с. 177; Строгович М. С. О. подозреваемом. — «Соц. законность», 1961, № 2, с. 33—34; Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961, с. 204; Акинча Н. А. Подозреваемый и обвиняемый на предварительном следствии. Саратов, 1964, с. 6; Шешук М. П. Подозреваемый по уголовно-процессуальному законодательству Латвийской ССР. — «Правоведение», 1972, № 3, с. 62—63; и др.

ное время не будет выполнено, закон предусматривает необходимость восстановления прежнего правового положения лица путем отмены меры пресечения (ст. 90 УПК РСФСР).

В соответствии со ст. 11 и ч. 2 ст. 89 УПК РСФСР непременным условием применения в качестве меры пресечения содержания под стражей и залога является наличие санкции прокурора или определения суда. К условиям применения заключения под стражу в качестве меры пресечения должно быть отнесено положение, установленное ст. 98 УПК РСФСР, заключающееся в том, что орган дознания, следователь, прокурор и суд обязаны: 1) при наличии у лица, заключенного под стражу, несовершеннолетних детей, остающихся без надзора, передать их на попечение родственников либо других лиц или учреждений; 2) при наличии у лица, заключенного под стражу, имущества или жилища, остающегося без присмотра, принять меры к охране их⁷⁹. Непременным условием избрания всех видов мер пресечения (кроме подписки о невыезде и заключения под стражу) является уведомление лиц или организаций, отвечающих за надлежащее поведение обвиняемого (подозреваемого), о сущности дела, по которому избрана данная мера пресечения.

К условиям применения мер пресечения необходимо также отнести обстоятельства, указанные в ст. 91 УПК РСФСР: «При разрешении вопроса о необходимости применить меру пресечения, а также об избрании той или иной из них, лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, суд учитывают, помимо обстоятельств, указанных в ст. 89 настоящего Кодекса, также тяжесть предъявленного обвинения, личность подозреваемого или обвиняемого, род его занятия, возраст, состояние здоровья, семейное положение и другие обстоятельства».

Все преступления, ответственность за которые предусмотрена советским уголовным законодательством, обладают общими признаками — это общественно опасные и уголовно противоправные деяния. Однако в зависимости от социаль-

---

⁷⁹ Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев дело по обвинению Артеменко, осужденной Магаданским областным судом за умышленное убийство, вынесла частное определение, в котором обратила внимание на недопустимость нарушения требований ст. 98 УПК РСФСР. («Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1969, № 5, с. 11—12).

ной природы и степени общественной опасности все преступления в советском законодательстве подразделяются на несколько категорий (малозначительные преступления; преступления, не представляющие большой общественной опасности; тяжкие преступления; все иные преступления). Отнесение преступления к той или иной категории влечет различные правовые последствия. При совершении тяжких преступлений заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено по мотивам одной лишь опасности преступления (ст. 96 УПК РСФСР). Однако все остальные преступления отличаются друг от друга степенью тяжести и опасности внутри категории или между оставшимися категориями. Необходимость учитывать тяжесть каждого преступления внутри категории или в зависимости от категории (исключая категорию тяжких преступлений, о которой говорит ст. 96 УПК РСФСР) и рекомендует ст. 91 УПК РСФСР при разрешении вопроса о мере пресечения.

Выше нами указывалось, что сведения о личности могут иметь разнообразный характер и неодинаковое значение. Некоторые из них могут быть положены в основу решения об избрании меры пресечения, другие учитываются при выборе той или иной из них.

Внешне однородные поступки совершаются по самым различным мотивам. Человеческие действия могут быть необходимыми и случайными, и если первые вызваны мотивами, существенными для данной личности, то вторые возникают, главным образом, под влиянием **скоропроходящего** настроения, вызванного особой ситуацией. Поэтому одинаковые по своей объективной опасности деяния могут быть совершены разными по степени опасности людьми. Эти моменты должны учитываться при избрании меры пресечения. Отдельные указания о необходимости изучения личности содержатся в Основах уголовного законодательства и судопроизводства, в Уголовных и Уголовно-процессуальных кодексах союзных республик. В общей форме такое указание имеется в ст. 68 УПК РСФСР. Перечисляя обстоятельства, подлежащие доказыванию по всякому уголовному делу, ст. 68 УПК РСФСР устанавливает, что при производстве дознания, предварительного следствия и при разбирательстве уголовного дела в суде подлежат доказыванию: «... обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности, указанные в ст. 38 и 39 УК РСФСР, а также иные обстоятельства.

характеризующие личность обвиняемого...». В ст. 151 УПК называются сведения, относящиеся к биографическим данным (фамилия, имя, отчество, время и место рождения, гражданство, национальность, образование, семейное положение, место работы, род занятий, должность, место жительства, прежняя судимость); в ст. 91 УПК в числе других называется состояние здоровья, которое учитывается при избрании меры пресечения.

Верховный Суд СССР неоднократно давал указания о том, какие данные о личности должны содержаться в делах. Так, в Постановлении от 4 июня 1960 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» Пленум Верховного Суда СССР указал, что сведения о личности совершившего преступление «должны включать не только сведения о его имени, отчестве, фамилии, но и данные о его семейном положении, о его занятиях, отношении к производству, о поведении в быту, о его прошлом, а также иные сведения, положительно или отрицательно характеризующие подсудимого»⁸⁰.

Тем не менее законодатель не дает полного перечня подлежащих установлению сведений о личности совершившего преступление, предоставляя решение этого вопроса органам дознания, следствия и суда в зависимости от обстоятельств каждого конкретного уголовного дела.

В последние годы появился ряд работ, авторы которых делают попытку решить вопрос об объеме сведений о личности, расшифровать общую формулу изучения личности субъекта преступления. Несмотря на некоторые различия в их взглядах, все они в общем приходят к единому мнению, что при изучении личности субъекта, совершившего преступление, необходимо учитывать сведения о семейном и материальном положении, о состоянии здоровья, психологические особенности виновного, общественно-производственную, общественно-политическую, общественно-бытовую характеристики, отношение виновного к содеянному и его поведение в ходе следствия (явка с повинной, раскаяние в содеянном, способствование раскрытию преступления, заpirationство в ходе следствия). Эти сведения, бесспорно, создают цельное представление о личности субъекта преступления.

⁸⁰ Сборник постановлений пленума Верховного Суда СССР. 1924—1973 гг. М., 1974, с. 473—474.

Подчеркивая важность сведений о личности обвиняемого для правильного применения мер пресечения⁸¹, никто из авторов не разграничивает эти сведения на такие, которые по своей значимости вызывают необходимость применения мер пресечения, и вспомогательные, способствующие правильному выбору конкретного вида меры пресечения. Вместе с тем теоретическая разработка вопроса об объеме исследования личности обвиняемого должна учитывать эти потребности при классификации данных об обвиняемом, придерживаясь которой следователь, суд, прокурор могли бы с большим успехом обеспечить обоснованность применения уголовно-процессуального принуждения или выбор наиболее оптимальных его видов.

Предшествующее изложение показывает, что уголовно-процессуальное принуждение, как сложное родовое явление, состоит из различных групп, видов, мер, отличающихся друг от друга назначением и специфическими основаниями своего применения. При этом следует иметь в виду, что обоснованным должно быть не только решение об избрании меры пресечения, но и решение следователя, прокурора, суда и лица, производящего дознание, о применении любого вида или любой меры уголовно-процессуального принуждения. Вопрос об иных видах принуждения (кроме мер пресечения и задержания) в процессуальной литературе не подвергался сколько-нибудь значительной теоретической разработке. Однако усвоение специфики каждого вида принуждения необходимо для научного определения форм, пределов законного и обоснованного применения принудительных мер и обусловлено также задачей дальнейшего совершенствования законодательства, устанавливающего эти меры.

Исходя из действующего законодательства возможность применения иных видов уголовно-процессуального принуждения возникает также в связи с фактом совершения преступления и тогда, когда субъект не определил своего общественного поведения свободно, или его поведение характеризуется игнорированием правовых требований и даже отрицательным отношением к ним.

---

⁸¹ См., например, Коршик М. Р., Степичев С. С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. М., 1969, с. 45—49; Кривошеев А. С. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. М., 1971, с. 40—42; Цветков П. П. Исследование личности обвиняемого. Л., 1973, с. 16; и др.

Единственным основанием применения такого вида уголовно-процессуального принуждения как отобрание обязательства о явке (ст. 89 ч. 4 УПК РСФСР) являются фактические данные, указывающие на признаки преступления. К условиям применения данного вида принуждения законодатель относит два положения: 1) наличие доказанного обвинения, оформленного постановлением о привлечении в качестве обвиняемого и 2) отсутствие оснований, делающих применение меры пресечения необходимым.

Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, может иметь место только при наличии одного из следующих оснований: 1) когда лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; 2) когда очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо укажут на данное лицо как на совершившее преступление; 3) когда на подозреваемом или на его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления (ст. 32 Основ, ст. 122 УПК РСФСР). Предположение о фактах, положенных в основу задержания, не может быть голословным, а должно основываться на доказательствах.

Когда лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения, одновременно с задержанием должны производиться и другие неотложные следственные действия (допрос потерпевшего или заявителя, осмотр места происшествия, опознание задержанного и т. д.) для обнаружения доказательств. Если очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо укажут на данное лицо как на совершившее преступление, необходимо допросить потерпевшего и других очевидцев. Закрепленные в процессуальных документах данные, указывающие на лицо как на совершившее преступление, могут явиться основанием к его задержанию. При обнаружении на теле подозреваемого или на его одежде, при нем или в его жилище явных следов преступления, необходимо произвести личный обыск и освидетельствование этого лица, осмотр его одежды, осмотр обнаруженных при нем и изъятых у него предметов с тем, чтобы выявленные доказательства положить в основу задержания. Для обнаружения и процессуального закрепления явных следов преступления (орудий преступления, похищенного имущества, окровавленной одежды и т. д.) может быть произведен обыск в жилище подозреваемого и выемка соответствующих пред-

метов и документов. Кроме того, необходимо допросить свидетелей, которые заметили на подозреваемом или на его одежде, при нем или в его жилище следы преступления.

Статья 122 УПК РСФСР предусматривает еще одно основание к задержанию — наличие иных данных, дающих основания подозревать лицо в совершении преступления. Под «иными данными» нужно понимать доказательства виновности определенного лица в совершении преступления, взятые из показаний свидетелей (очевидцев и неочевидцев), из сообщений должностных лиц, из материалов ревизий и экспертиз, из показаний самих подозреваемых и т. д. Представляется необоснованным мнение, высказанное в процессуальной литературе, о том, что «иные данные» могут быть получены в результате оперативно-розыскной деятельности⁸². Оперативно-розыскная деятельность является непроцессуальной деятельностью, очевидно, и данные, полученные таким образом, не могут быть положены в основание решения процессуального вопроса о задержании. А. Д. Соловьев правильно указывал: «Поскольку данные, полученные из непроцессуального источника, не имеют необходимых гарантий их достоверности, сами по себе они не могут рассматриваться в качестве уголовно-процессуальных доказательств»⁸³.

Таким образом, под «иными данными» следует понимать все доказательства, имеющиеся в материалах уголовного дела и указывающие на определенное лицо как на совершившее преступление. Бесспорно, что подозрение как основание к задержанию должно основываться на объективных данных, указывающих на причастность данного лица к совершению преступления. Иное решение этого вопроса, как справедливо отмечается в литературе, открывает широкий простор для необоснованных арестов⁸⁴.

Кроме оснований ст. 122 УПК РСФСР предусматривает ряд условий, при наличии которых возможно задержание

---

⁸² См. Лившиц Ю. Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964, с. 34; Бекешко С. П., Матвиенко Е. А. Подозреваемый в советском уголовном процессе. Минск, 1969, с. 89.

⁸³ Соловьев А. Д. Процессуальные вопросы установления истины на предварительном следствии. Автореф. докт. дисс., Киев, 1969, с. 17.

⁸⁴ См. Мариупольский Л. Некоторые правовые вопросы института задержания. — «Труды Высшей школы МВД СССР», 1958, вып. 3, с. 86; Стремовский В. А. Участники предварительного следствия. Ростов-на-Дону, 1966, с. 93; и др.

подозреваемого. Общим условием для задержания подозреваемого является наличие подозрения в совершении только такого преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы. Задержание недопустимо при наличии подозрения в совершении преступления, санкция закона за которое не предусматривает лишение свободы. При иных данных (кроме перечисленных в пп. 1, 2 и 3 ст. 122 УПК РСФСР), дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть подвергнуто задержанию только при наличии одного из перечисленных в законе трех дополнительных условий: 1) если это лицо покушалось на побег, или 2) когда оно не имеет постоянного места жительства, или 3) когда не установлена его личность (ч. 2 ст. 122 УПК РСФСР). Задержание в этих случаях допускается только при сочетании данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, с одним из названных дополнительных условий. Процессуальное значение каждого из дополнительных условий состоит в том, что они укрепляют подозрение в совершении преступления данным лицом.

Взаимозависимость дополнительных условий и иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, такова, что при отсутствии того или другого не может состояться задержание этого лица. Только иных данных, в отличие от перечисленных в пп. 1, 2 и 3 ч. 1 ст. 122 УПК РСФСР, недостаточно для задержания, если они не подкреплены одним из дополнительных условий. В свою очередь, наличия любого из трех дополнительных условий тем более недостаточно для задержания лица, если отсутствуют иные данные, дающие основание подозревать это лицо в совершении преступления. Покушение на побег, например, может быть вызвано не причастностью к совершению преступления, а совершенно иными причинами, как-то: боязнь быть необоснованно опороченным в глазах родных и сослуживцев хотя бы на короткий период и т. д. Тем более не может служить доказательством причастности данного лица к совершению преступления отсутствие постоянного места жительства или отсутствие сведений о личности.

Следовательно, для применения такого вида уголовно-процессуального принуждения, как задержание подозреваемого необходимо наличие совокупности: общего условия — данных о совершении лицом преступления, за которое мо-

жет быть назначено наказание в виде лишения свободы, одного из оснований, перечисленных в ч. 1 ст. 122 УПК РСФСР или иных данных (ч. 2 ст. 122 УПК РСФСР), дающих возможность подозревать лицо в совершении преступления, при наличии одного из трех дополнительных условий, перечисленных в ч. 2 ст. 122 УПК РСФСР.

Основанием применения такого вида уголовно-процессуального принуждения как привод свидетелей, обвиняемых, потерпевших, экспертов является неявка этих лиц без уважительной причины по вызову следователя, лица, производящего дознание, прокурора, суда, т. е. невыполнение ими процессуальных обязанностей. Прежде чем принять решение о приводе, соответствующие органы должны убедиться в том, что причина неявки лица не может быть признана уважительной, т. е. что лицо умышленно своим поведением препятствует успешному решению задач социалистического правосудия.

Процессуальным основанием отстранения обвиняемого от должности являются сведения, фактические данные, свидетельствующие о том, что обвиняемый, находясь на прежней должности, использовал свое служебное положение для сокрытия следов преступления путем уничтожения, подделки и иной фальсификации документов, изъятия и изменения содержания документов, воздействия на свидетелей, потерпевших из числа подчиненных и т. д., а также при наличии данных, что обвиняемый продолжает заниматься преступной деятельностью.

Закон не предусматривает возможность отстранения от должности подозреваемого, поэтому обязательным условием применения данного вида уголовно-процессуального принуждения является наличие обвинения, предъявленного в установленном законом порядке.

Вопрос о розыске обвиняемого возникает тогда, когда он не является по вызову в органы расследования или суда и никаких конкретных сведений о его местонахождении получить не представляется возможным. Для того чтобы объявить розыск такого лица, необходимо убедиться в отсутствии его на территории данного населенного пункта, а также в отсутствии иных обстоятельств, делающих розыск ненужным. В этой связи органы расследования наводят справки в адресном столе, по месту работы и жительства обвиняемого, у его родственников и знакомых. Органы расследования,

кроме того, выясняют, не произошел ли с обвиняемым несчастный случай и не находится ли он на излечении в каком-либо медицинском учреждении, не поступил ли труп разыскиваемого в морг, не содержится ли он под стражей в связи с совершением другого преступления или в связи с привлечением к административной ответственности, не призван ли он для исполнения воинской обязанности и не уехал ли по трудовому договору в отдаленные места. Все эти обстоятельства устанавливаются путем запросов в соответствующие учреждения, а также допроса людей, которым может быть что-либо известно о местонахождении обвиняемого. Таким образом, основанием объявления розыска являются фактические данные, свидетельствующие о неизвестности местонахождения обвиняемого.

Обязательным условием розыска следует считать наличие обвинения, так как по смыслу ст. 196 УПК РСФСР розыск может объявляться только в отношении обвиняемого. Вторым неперенным условием производства розыска представляется необходимым признать избрание в отношении разыскиваемого обвиняемого меры пресечения. Статья 196 УПК РСФСР предусматривает возможность избрания в отношении разыскиваемого меры пресечения при наличии оснований, указанных в ст. 89 или 96 УПК РСФСР. Однако необходимость производства розыска и наличие оснований к объявлению розыска сами по себе свидетельствуют об умышленном или неумышленном уклонении обвиняемого от следствия и суда, и, естественно, делают обязательным избрание меры пресечения.

Основанием этапирования являются сведения о местонахождении обвиняемого, добытые в результате розыска, а также необходимость его присутствия для успешного осуществления задач социалистического правосудия. Непременное условие этапирования обвиняемого — наличие обвинения и меры пресечения, санкционированной прокурором.

Основанием применения мер к нарушителям порядка в судебном заседании является ненадлежащее поведение любого из участвующих в процессе лиц и присутствующих в зале судебного заседания граждан. Ненадлежащее поведение может выражаться в нарушении порядка во время судебного заседания или в неподчинении распоряжениям председательствующего. Обязательным условием удаления из зала

заседания подсудимого, нарушившего порядок, является повторность означенных действий и предупреждение председательствующего.

С обоснованием уголовно-процессуального принуждения связаны такие его признаки, как государственно-властное начало и субъективная воля, являющиеся инструментом воздействия на поведение участников уголовного судопроизводства в направлении, соответствующем задачам уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальное принуждение предполагает сложное взаимодействие воли компетентного органа государства и субъективной воли участников уголовного процесса, что обосновывает деление всех мер принуждения на две категории. К первой из них следует отнести такие, в которых определяющая и решающая роль принадлежит воле компетентного органа государства и его представителям (средства пресечения), поскольку субъект не определил сам линию своего общественного поведения, с учетом государственных потребностей, выраженных в законе.

Указанные виды принуждения ограничивают субъективную волю индивидуума, исключают выбор между различными вариантами поведения, причиняют определенные стеснения, лишения. Нельзя, однако, согласиться с утверждением, что «в той мере, в какой человека принуждают, он не выступает как действующий субъект. Он является объектом воздействия со стороны внешних по отношению к нему сил»⁸⁵. Это утверждение не соответствует истине, так как праву следователя, прокурора, органа дознания и судьи принять решение об избрании меры пресечения соответствует право обвиняемого или подозреваемого быть своевременно поставленным в известность об основаниях такого решения и право ходатайства о его изменении. Значение процессуальных прав личности в советском уголовном судопроизводстве состоит в реальных гарантиях, важное место в системе которых занимают обязанности компетентных органов государства по обеспечению участникам процесса их прав. Если воспринять точку зрения И. Ребане и М. А. Чельцова, то зако-

---

⁸⁵ Ребане И. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок.— «Учен. зап. Тартуского гос. унта», 1966, вып. 182, с. 180—181. Аналогичное мнение высказал М. А. Чельцов (см. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1962, с. 16).

подательное закрепление процессуальных прав личности превратилось бы в пустую декларацию⁸⁶.

Ко второй категории мер уголовно-процессуального принуждения следует отнести такие, самый факт существования которых побуждает субъектов к поведению, соответствующему задачам уголовного судопроизводства (средства обеспечения). Требования, заложенные в уголовно-процессуальных нормах, предусматривающих перечисленные действия, являются юридическими обязанностями, понять и осознать которые может каждый гражданин. Поэтому в большинстве случаев лица свободно, по внутреннему убеждению избирают требующийся вариант поведения. При этом надо учесть, что не всякие побуждения, в силу которых человек выполняет правовые нормы и избирает требующийся вариант поведения, можно признать его убеждениями. Нет убеждений, когда лицо в порядке внешнего приспособленчества выполняет предъявляемые ему требования. Такое приспособленчество может быть результатом внушения или страха. П. С. Стучка по этому поводу писал: «Право, вошедшее в сознание людей, проводится в жизнь в громадном большинстве случаев без всякого принуждения..., вследствие добровольного подчинения и т. д., хотя **наблюдение власти, возможная охрана, допустимое, эвентуальное принуждение** все-таки остается в силе»⁸⁷.

Существование норм права, предусматривающих порядок обыска, выемки, наложения ареста на имущество и т. д., обусловлено не необходимостью государственного принуждения, а возможностью его применения к лицам, не желающим согласовывать свое поведение с требованиями правовых норм, оно стимулирует отказ от их нарушения. Принуждение как лишение определенных возможностей нельзя смешивать с подчинением добровольным, по внутреннему убеждению или порожденным воздействием различных факторов, в том числе и угрозой принуждения. Подчинение — это поведение «лица, которое сообразуется с требованиями публичной

---

⁸⁶ По справедливому замечанию М. С. Строговича эта «концепция носит явно выраженный антидемократический характер и противоречит действительным отношениям между органами социалистического государства и гражданами» (Демократические основы советского социалистического правосудия. Под ред. М. С. Строговича. М., 1965, с. 239).

⁸⁷ Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964, с. 94.

власти»⁸⁸, а определяющая и решающая роль в нем принадлежит субъективной воле индивида, свободно избирающего требуемый вариант своего общественного поведения. С этой точки зрения добровольная выдача предметов, лиц и т. д. не есть осуществление принуждения. Несмотря на общественную необходимость соответствующих поступков, человек в этих случаях сам определяет линию своего поведения, и оснований для принудительного воздействия на него нет⁸⁹.

Проведение судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертиз вызывается необходимостью установления важных по делу обстоятельств с помощью специальных познаний в медицине и психиатрии. В основе проведения этих экспертиз всегда лежат сведения, факты, имеющиеся в материалах уголовного дела и вызывающие необходимость исследования состояния здоровья, физических и психических особенностей живого лица, которые требуют анализа и истолкования в заключении специалиста в указанной отрасли знания. В случае отказа добровольно подвергнуться исследованию, оно может быть проведено принудительно. Для этого следователь помещает обвиняемого в соответствующее медицинское учреждение. Непременным условием помещения обвиняемого или подозреваемого, не содержащегося под стражей, в лечебно-психиатрическое учреждение является санкция прокурора (ст. 188 УПК РСФСР).

Для производства обыска во всех случаях должны быть «достаточные основания полагать, что в каком-либо помещении, или ином месте, или у какого-либо лица находятся орудия преступления, предметы и ценности, добытые преступным путем, а также другие предметы или документы, могущие иметь значение для дела...» (ст. 168 УПК РСФСР). Закон не дает разъяснения «достаточным основаниям», но думается, что основанием для производства обыска признаются такие факты, установленные материалами уголовного де-

---

⁸⁸ Ардашкин В. Д. О принуждении по советскому праву.— «Сов. государство и право», 1970, № 7, с. 35.

⁸⁹ Следует согласиться с В. Д. Ардашкиным, что установление «юридических обязанностей должно быть обусловлено действительными государственными потребностями, объективно вытекающими из существующего уровня материального и культурного развития общества. Возведение в ранг общеобязательных юридических потребностей поведения, которые не имеют объективной основы, ведет к волюнтаризму» (Ардашкин В. Д. О принуждении по советскому праву.— «Сов. государство и право», 1970, № 7, с. 36).

ла и проверенные в ходе расследования, которые свидетельствуют о месте, где скрываются разыскиваемые лица, или о наличии у определенного лица или организации предметов или документов, которые имеют значение вещественных доказательств. Данные сведения могут быть получены из показаний свидетелей, потерпевших, иногда обвиняемых, при проведении осмотров и т. д.

Основанием для производства выемки являются фактические данные, осведомляющие следователя, лицо, производящее дознание, прокурора, суд о том, что определенный предмет или документ хранится у определенного лица или организации. Основанием для производства выемки почтово-телеграфной корреспонденции служат данные, полученные в результате расследования, о том, что из корреспонденции можно получить письменные или вещественные доказательства и сведения, имеющие значение для успешного расследования уголовного дела.

Непременным условием производства обыска, выемки документов, содержащих сведения, являющиеся государственной тайной, и выемки почтово-телеграфной корреспонденции является санкционирование этих действий прокурором или проведение их по определению или постановлению суда.

Основанием наложения ареста на имущество в случае удовлетворения гражданского иска является наличие у следователя или лица, производящего дознание, достаточных данных о причинении преступлением материального ущерба потерпевшему (физическому или юридическому лицу). В случае обеспечения возможной конфискации имущества основанием наложения ареста на имущество является установление в действиях подозреваемого или обвиняемого признаков преступления, за которое судом может быть назначена конфискация имущества.

Обязательным условием производства обыска, выемки почтово-телеграфной корреспонденции, наложения ареста на имущество является присутствие понятых при проведении этих действий (ст. ст. 169, 174, 181, 175 УПК РСФСР).

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Основанием применения уголовно-процессуального принуждения являются наиболее существенные обстоятельства, вызывающие необходимость принудительного воздействия в сфере уголовного судопроизводства. К ним относятся

обстоятельства, свидетельствующие о наличии признаков уголовного преступления и развивающегося в связи с этим уголовно-правового отношения и конкретные фактические данные, подтверждающие тяжесть совершенного преступления, или общественную опасность лица, его совершившего, или ненадлежащее поведение участника уголовного процесса, препятствующее успешному осуществлению задач социалистического правосудия. Совокупность фактических обстоятельств, дающих право компетентным органам использовать уголовно-процессуальное принуждение, устанавливается применительно к конкретной следственной и судебной ситуации в зависимости от вида принудительного воздействия.

Ненадлежащее поведение участника уголовного процесса может служить основанием применения уголовно-процессуального принуждения только в том случае, если: а) закон запрещает эту форму поведения; б) поведение выражается в нарушении обязанностей, возложенных нормой уголовно-процессуального права; в) ненадлежащее поведение участника процесса связано с расследуемым и рассматриваемым преступлением; г) нарушение процессуальной нормы не достигает степени общественной опасности, соответствующей преступлению.

2. Условиями применения уголовно-процессуального принуждения следует считать различные, установленные законом обстоятельства, сопутствующие основаниям и помогающие обеспечить режим социалистической законности при применении всех видов уголовно-процессуального принуждения, его максимальную меткость, целесообразность и гарантировать права личности от их неосновательного ограничения.

§ 5. Цели уголовно-процессуального принуждения

Уголовно-процессуальное принуждение как средство правового регулирования поведения участников уголовного процесса достигает посредством своего воздействия определенных целей. Они вытекают из общих задач уголовного судопроизводства и свое конкретное выражение получают в результате деятельности участников уголовного судопроизводства. Поэтому уяснение целей уголовно-процессуального принуждения связано с ответом на вопросы: ради чего эта

деятельность осуществляется, на что направлена и каким образом через уголовно-процессуальные средства достигается цель.

Определение понятия процессуальных целей сопряжено с многоаспектностью и многогранностью этой категории в марксистско-ленинской философии⁹⁰, а специфичность ее в сфере уголовно-процессуального регулирования определяется советским правоведением⁹¹ следующими положениями. Цель в уголовно-процессуальном праве, подобно самому праву, может рассматриваться и как объективная, и как субъективная категория. Она объективна, поскольку определяется, в конечном счете, материальными условиями жизни общества и, будучи закрепленной в действующем праве, выражает волю всего народа и является идеальным предопределением желаемого результата поведения участников уголовного судопроизводства, установленного процессуальным законом. Реализация уголовно-процессуальных норм есть субъективный процесс, поскольку он направляется сознанием компетентных должностных лиц.

Как и всякая цель, цель в сфере уголовного судопроизводства представляет собой продукт сознательного творчества, целенаправленной деятельности, результаты которой обеспечивают эффективность уголовно-процессуального права в целом. Таким образом, цель является движущей силой соответствующей деятельности и одновременно направляющим фактором в этой деятельности. Будучи идеально выраженным результатом желаемого поведения участников уголовного судопроизводства, цель всегда выступает как задача, которую предстоит разрешить с помощью уголовно-процес-

⁹⁰ См. об этом, например, Макаров М. Г. К вопросу категории «цель» в философии диалектического материализма.— «Учен. зап. Тартуского гос. ун-та», 1960, вып. 83; Борзенко А. В. Проблема цели в общественном развитии. М., 1963; Трубников Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968; и др.

⁹¹ См. об этом, например, Самощенко И. С. О нормативно-правовых средствах регулирования поведения людей.— «Правоведение», 1967, № 1; Томин В. Т. Понятие цели советского уголовного процесса.— «Сов. государство и право», 1969, № 4; Экимов А. И. Категория цели в науке права.— В кн.: Философские проблемы государства и права. Л., 1970; Рабинович П. М. О юридической природе целей правовых актов.— «Правоведение», 1971, № 5; Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972; Элькин П. С. Категория «цель» и «средство» в сфере уголовно-процессуального регулирования.— «Сов. государство и право», 1972, № 8; и др.

суальных средств, указывающих пути в процессе достижения цели. Путь к цели лежит через средство, а средство определяется через цель. «Без средств цели нереальны, неосуществимы, равно как и при отсутствии целей существующие средства не приводят к какому-либо результату. Более того, при наличии и целей, и средств нужна еще деятельность, которая при помощи средств превращает цели в результат»⁹².

Цели уголовно-процессуального принуждения предполагают, требуют и соответствующих средств их реализации, по отношению к которым цели выступают в качестве определяющей доминанты. Но чтобы соотноситься со своей целью, средства должны отвечать определенным требованиям:

1. Они должны быть зафиксированы в законодательстве в виде определенных правил поведения субъектов, предоставленных им процессуальным законом прав и возлагаемых на них обязанностей. Именно с помощью этих средств поведение участников уголовного судопроизводства вводится в необходимые рамки, приводится в соответствие с государственной волей, требованием процессуального закона. Взаимосвязанные, корреспондирующие друг другу права и обязанности составляют содержание средства, регулирующего поведение участников уголовно-процессуальных отношений.

2. Они обязаны обладать способностью служить цели. Эту способность средства приобретают только в процессе практической деятельности, объективируясь в свою цель. Только в процессе использования средств проявляется их исключительное назначение — служить достижению целей. Вместе с тем возможность использования средств (право на их применение) ограничивается необходимостью достижения целей (выполнение обязанностей). Способность экономично служить цели обеспечивает конкретность принудительных средств и их оптимальную эффективность. 3. Средства должны быть необходимо связаны с целями и применяться только в соответствии с их назначением. В противном случае право субъекта на применение средств не пользуется защитой государства, а их осуществление может стать противоправным и повлечь ответственность. 4. Специфичность целей уголовно-процессуального принуждения определяет специфичность средств принудительного воздействия, но реализуясь в

⁹² Керимов Д. А. Указ. соч., с. 381.

своих средствах, цели сами превращаются в средства достижения последующих целей. Таким образом, уголовно-процессуальное принуждение, как и все право в целом, характеризуется единством целей и средств их достижения.

В зависимости от степени обоснованности, формы выражения и последовательности осуществления цели в сфере правового и, в частности, уголовно-процессуального регулирования делят на общеправовые и специальные, перспективные и ближайшие, общие, конкретные и функциональные⁹². Эта классификация представляется правильной и научно обоснованной, так как позволяет уяснить целенаправленность уголовного судопроизводства в целом, а также отдельных его стадий и институтов. В плане изучаемых нами вопросов вызывают интерес прежде всего конкретные цели, характерные для каждого конкретного вида уголовно-процессуального принуждения. Для реализации этих целей уголовно-процессуальное законодательство предусматривает необходимые условия и средства. Они отражают последствия, которые должны наступить сразу вслед за осуществлением уголовно-процессуального закона как непосредственный результат его воздействия на поведение участников процесса. Разграничение конкретных целей практически важно для определения, выбора средств их реализации.

Каковы же конкретные цели различных видов уголовно-процессуального принуждения?

В силу того, что из всех разновидностей мер процессуального принуждения теоретической разработке подвергались, в основном, меры пресечения, по данному вопросу высказаны мнения, представляющие определенный интерес. Так, проф. П. И. Люблинский указывал: «Основной целью принятия мер пресечения является воспрепятствование обвиняемому способам уклонения от следствия и суда». И далее, разъясняя понятие «уклонение от следствия и суда», он писал, что это понятие сводится к двум возможностям: 1) возможность обвиняемому скрыться от следствия и суда (опасение побега) и 2) возможность своими действиями препятствовать раскрытию истины. Следовательно, для устранения этих возможностей меры пресечения имеют соответственно две задачи. Подчеркнув основную цель и задачи, вытекающие из этой

---

⁹² См. Элькин Д. П. С. Указ. соч., с. 100—102; Керимов Д. А. Указ. соч., с. 378—380.

цели, проф. П. И. Люблинский возражал против применения мер пресечения в иных целях⁹⁴.

М. М. Гродзинский писал, что меры пресечения имеют «своей целью обеспечить явку обвиняемого к следствию и суду. Речь идет о мерах, имеющих целью помешать обвиняемому уклониться от следствия и суда, иначе говоря, о мерах, которые обеспечивают неуклонение обвиняемого от следствия и суда, которые носят в действующем УПК сокращенное название «мер пресечения»⁹⁵. Это определение, во-первых, лишено ясности, так как обеспечение явки и неуклонения не совсем тождественные понятия, во-вторых, нет указаний на другие цели, кроме создания препятствий уклонению.

Указанные выше определения целей мер пресечения были распространенными в течение длительного периода времени и объясняются, видимо, в какой-то мере отсутствием решения этого вопроса в ранее действовавшем уголовно-процессуальном законодательстве. Принятие нового законодательства и дальнейшая разработка этого вопроса привели к выводу, что целью применения мер пресечения является воспрепятствование обвиняемому или подозреваемому скрыться от дознания, предварительного следствия и суда, помешать установлению истины по делу, продолжать преступную деятельность или уклониться от отбытия наказания⁹⁶.

Именно таким образом определены цели мер пресечения ст. 33 Основ уголовного судопроизводства, ст. 89 УПК РСФСР и соответствующими статьями УПК союзных республик.

Кроме того, применение мер пресечения преследует воспитательные цели, так как эти меры имеют принудительно-воспитательный характер. Правильно избирая меры пресечения, органы следствия и суда оказывают воспитательное воздействие как на самого обвиняемого тем, что заставляют

⁹⁴ См. Люблинский П. И. УПК, практический комментарий. М., 1923, с. 20.

⁹⁵ Гродзинский М. М. Обвиняемый, его обязанности и права в процессе. М., 1926, с. 7.

⁹⁶ См. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1962, с. 221—222; Давыдов П. М. Меры пресечения в советском уголовном процессе. Л., 1953, с. 5; Гуткин И. М. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964, с. 14; Иванов Ю. А. Воспитательное воздействие советского предварительного следствия. М., 1967, с. 51; Сергеев А. И. Свобода личности и меры уголовно-процессуального принуждения. — «Труды ВШ МВД СССР», 1971, вып. 28, с. 150; и др.

его воздержаться от совершения новых преступных действий, продумать свои действия и осудить их, так и на окружающих граждан, которые получают уверенность в том, что органы, применяющие меры пресечения, активно борются с преступлениями и обладают надежными средствами, исключаящими возможность обвиняемому скрыться от следствия и суда, совершить новое преступление, помешать другими действиями осуществлению правосудия.

Исходя из буквального текста различных статей Основ и УПК союзных республик, можно сделать вывод, что целями мер пресечения являются: 1) воспрепятствование уклонению обвиняемого (подозреваемого) от следствия и суда; 2) устранение препятствий раскрытию истины; 3) устранение общественной опасности, вызываемой обвиняемым (подозреваемым) при нахождении его на свободе (ст. 33 Основ уголовного судопроизводства, ст. ст. 89, 90, 91, 96 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК союзных республик); 4) воспрепятствование уклонению обвиняемого от отбытия наказания (ст. ст. 221, 222, 260, 303, 319 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК союзных республик); 5) воспитание правонарушителей в духе исполнения советских законов и необходимости надлежащего поведения (ст. 2 Основ, ст. ст. 2, 94, 95, 394 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК союзных республик).

Известно, что мера пресечения в ходе производства по уголовному делу может быть избрана, изменена и отменена в любой стадии процесса, причем при решении вопроса об отмене или изменении ранее избранной меры пресечения учитывается достижение тех целей, для реализации которых она была избрана.

При отсутствии оснований для применения мер пресечения у обвиняемого отбирается обязательство являться по вызовам и сообщать о перемене места жительства (ст. 89 ч. 4 УПК РСФСР). Цель применения данного вида процессуального принуждения заключается, во-первых, в обеспечении своевременной явки обвиняемого по вызовам в следственные и судебные органы; во-вторых, в своевременном поступлении от обвиняемого сведений о перемене им места жительства с тем, чтобы следственные и судебные органы по необходимости организовали его вызов.

В процессуальной литературе было высказано несколько мнений по вопросу о целях привода. М. М. Гродзинский

относил привод к мерам принуждения, которые имеют «... своей целью обеспечить для судебных органов возможность производства тех или иных отдельных следственных или судебных действий»⁹⁷. Ю. Д. Лившиц считает, что привод «может быть применен в отношении обвиняемых, подсудимых, свидетелей, экспертов, понятых и переводчиков в случае невыполнения ими соответствующих процессуальных обязанностей»⁹⁸. М. А. Чельцов видит цель привода в обеспечении в определенный момент следствия или судебного разбирательства явки к следователю и в суд⁹⁹.

С таким определением цели привода можно согласиться, уточнив его. Прежде всего, целью привода является получение доказательств, а показания доставляемых приводом лиц являются источником доказательств. Кроме того, указанные в законе лица могут доставляться в следственные и судебные органы и тогда, когда они уклоняются от иных процессуальных обязанностей, не связанных с процессом доказывания и исследования доказательств. Таким образом, целью привода является доставление лиц в следственные и судебные органы для выполнения ими соответствующих процессуальных обязанностей и получения доказательств по расследуемым и разрешаемым делам.

В законе нет указаний на цель задержания. В ранее действовавшем законодательстве (в ст. 100 УПК РСФСР 1923 г.) целью задержания считалось предупреждение уклонения подозреваемого от следствия и суда. Однако такое определение целей нельзя признать полным. По-разному определяются цели задержания и в процессуальной литературе. М. А. Чельцов считает, что задержание подозреваемого проводится «с целью обеспечения его явки к следственным органам»¹⁰⁰. П. М. Давыдов и П. П. Якимов, давая развернутую характеристику задержания, видят его цель в предупреждении уклонения подозреваемого от следствия и суда и совершения им новых преступлений¹⁰¹.

⁹⁷ Гродзинский М. М. Указ. соч., с. 7.

⁹⁸ Лившиц Ю. Д. Меры процессуального принуждения в Советском уголовном процессе. Автореф. канд. дисс. М., 1958, с. 13.

⁹⁹ Чельцов М. А. Указ. соч., с. 229.

¹⁰⁰ Там же, с. 229.

¹⁰¹ См. Давыдов П. М., Якимов П. П. Применение мер процессуального принуждения по Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Свердловск, 1961, с. 59. Аналогичную по существу точку зрения о целях задержания высказали: Ю. Д. Лившиц

Недостатком указанных определений является сужение тех целей, для достижения которых применяется задержание

Если подозреваемый застигнут на месте преступления в момент его совершения, целью задержания является пресечение преступления. Если имеются сведения о том, что подозреваемый намеревается совершить еще и другое преступление, целью задержания является предупреждение готовящегося преступления. Целью задержания может быть также воспрепятствование осуществлению подозреваемым намерения помешать установлению истины по делу. В ряде случаев целью задержания является установление личности подозреваемого. Если задержанию подвергаются лица, бежавшие из исправительно-трудовых учреждений, камер предварительного заключения и из-под конвоя, то целью задержания является воспрепятствование уклонению от следствия и суда, обеспечение исполнения приговора, предупреждение дальнейшей преступной деятельности.

Цели задержания не всегда совпадают с целями мер пресечения, иногда бывают шире и к ним можно отнести: 1) предупреждение и пресечение преступной деятельности; 2) воспрепятствование уклонению от следствия, суда и исполнения приговора; 3) пресечение попыток помешать установлению истины по уголовному делу; 4) установление личности подозреваемого.

Целью розыска обвиняемого в порядке ст. 196 УПК РСФСР является установление местонахождения обвиняемого тогда, когда он скрывается от следствия и суда и когда по иным причинам его местопребывание не установлено.

Цель этапирования — принудительное перемещение обвиняемого, подсудимого, осужденного из места его фактического нахождения в место, где его присутствие необходимо для успешного осуществления задач социалистического правосудия и исполнения приговора.

Цель отстранения обвиняемого от занимаемой должности состоит: 1) в воспрепятствовании последнему помешать нормальному ходу следствия и установления истины по делу; 2) в воспрепятствовании обвиняемому совершить новые преступления в силу занимаемого служебного положения;

(см. Лившиц Ю. Д. Указ. соч., с. 34), В. А. Похмелкин (см. Похмелкин В. А. Задержание по советскому уголовному законодательству. — «Сов. государство и право», 1959, № 12, с. 103).

3) в сохранении престижа учреждения, если совершенно обвиняемым преступление дискредитирует должностное лицо в глазах окружающих; 4) в воспитании в духе исполнения советских законов сотрудников учреждения, которые получают уверенность в незыблемости законов и в том, что органы осуществляют активную борьбу с их нарушителями. Это положение приобретает особое значение в связи с тем, что посягательства на советский правопорядок оказывают разлагающее действие на сознание людей даже после наступления внешнего результата правонарушения. Поэтому важной целью применения данного вида принуждения является пресечение этого разлагающего действия. Выраженное в конкретной практической форме, отстранение обвиняемого от должности оказывает воздействие не только на самого обвиняемого, но отражается на сознании других лиц, побуждая их внутренне, нравственно отмежеваться от правонарушителя, практически осознать неприкосновенность советского правопорядка, испытать реальность общенародной законности.

Цель производства обыска: 1) обнаружение и изъятие вещественных и письменных доказательств; 2) отыскание имущества для обеспечения конфискации и возмещения ущерба, причиненного преступлением; 3) обнаружение лица, совершившего преступление и скрывающегося от следственных органов; 4) обнаружение трупа.

Цель выемки значительно уже, так как выемка применяется для изъятия вещественных доказательств и письменных документов, местонахождение которых известно следователю.

Цель выемки почтово-телеграфной корреспонденции: 1) получение письменных и вещественных доказательств; 2) установление местопребывания скрывшегося преступника; 3) установление лиц, причастных к совершению преступлений; 4) установление преступных связей обвиняемого; 5) установление места нахождения материальных ценностей, ставших предметом посягательства.

Известно, что обязанности следователя заключаются в собирании (обнаружении и изъятии), проверке и оценке доказательств в целях раскрытия преступления, выявления виновного и устранения условий, сделавших возможным совершение преступления. Для выполнения этих обязанностей сложились и получили законодательное закрепление следст-

венные действия, выполнение которых обеспечивает достижение истины в уголовном судопроизводстве. Необходимо учитывать также, что виновный, чтобы остаться неразоблаченным и безнаказанным, совершает действия, направленные на сокрытие содеянного. Неоправданным оптимизмом страдало бы утверждение, что все без исключения лица, втянутые силой обстоятельств в процесс исследования преступного события, добросовестно относятся к своим процессуальным обязанностям и исполнены стремления способствовать правосудию. Нежелание одних лиц нести тяжесть изобличения, стремление уйти от разоблачения, запутать следы и попытки других смягчить или, напротив, усугубить участь обвиняемого, подчас уговоры, запугивание заинтересованных лиц, обывательское нежелание «впутываться в дело» и т. д. могут создать условия, затрудняющие установление истины и препятствующие правильному разрешению уголовного дела. Поэтому законодатель предусмотрел возможность проведения некоторых следственных действий по получению доказательств принудительным порядком.

Исключительно цели получения и проверки доказательств для установления истины по делу служит обыск, выемка, выемка почтово-телеграфной корреспонденции, помещение обвиняемого или подозреваемого в медицинское учреждение для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы. Эти действия проводятся с целью получения доказательств, имеющих существенное значение для дела, с целью проверки предположения следователя, возникшего на основе уже имеющихся доказательств и их объясняющего. Судебно-медицинская экспертиза производится с целью определения тяжести телесных повреждений, состояния здоровья, половой зрелости и т. п. Судебно-психиатрическая экспертиза проводится для установления вменяемости обвиняемого в момент совершения преступления или в момент расследования или рассмотрения дела. Это необходимо для разрешения вопроса об уголовной ответственности лица, совершившего общественно опасное деяние (ст. 11 Основ уголовного законодательства). Принудительность указанных двух видов экспертиз обеспечивается возможностью помещения обвиняемого или подозреваемого следователем в соответствующее медицинское учреждение (ст. 188 УПК РСФСР).

Не подлежит сомнению возможность и необходимость

возмещения имущественного ущерба, причиненного потерпевшему от преступления физическому или юридическому лицу. Основной формой удовлетворения потерпевшего является возмещение убытков или устранение материального ущерба за счет виновного. Убытки могут быть возмещены добровольно и вред может быть устранен самим правонарушителем без содействия государственных органов. Принудительное взыскание убытков, а также устранение вредных последствий за счет имущества правонарушителя имеют место лишь тогда, когда потерпевший не получил удовлетворения от самого правонарушителя. В этом случае, чтобы получить защиту нарушенного права, потерпевший должен обратиться в соответствующие органы с иском. Процессуальная сторона иска характеризует форму и процессуальный порядок реализации притязания, а принудительность обеспечивается возможностью наложения ареста на имущество обвиняемого, подозреваемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, или иных лиц, у которых находится имущество, приобретенное преступным путем (п. 1 ст. 175 УПК РСФСР). Ущерб, нанесенный преступлением советскому правопорядку, обуславливает применение в качестве дополнительной меры наказания конфискации имущества, реальное исполнение которой также предполагает наложение ареста на имущество. Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что цель наложения ареста на имущество — обеспечить гражданский иск или возможную конфискацию имущества.

Меры, обеспечивающие порядок ведения судебного заседания, имеют своей целью создание нормальной обстановки деятельности суда и устранение нарушений порядка во время судебного заседания. Успешное выполнение стоящих перед судом задач по отправлению правосудия, дальнейшему укреплению социалистической законности в решающей степени зависит от правильной организации работы суда. В связи с этим главное значение имеет неуклонное соблюдение всех требований процессуального закона, которые гарантируют четкость организации процесса, полноту, всесторонность и объективность судебного рассмотрения дела. Председательствующий обязан соблюдать строгий порядок и дисциплину в ходе судебного заседания, следить, чтобы судебное заседание проходило в серьезной, деловой и культурной ат-

мосфере, чтобы присутствующие соблюдали строгий порядок, чтобы внешняя обстановка судебного процесса вызывала у присутствующих чувство уважения к суду. Требование дисциплины и соблюдения строгого порядка в ходе судебного заседания относится прежде всего к составу суда, прокурору, адвокату, общественному обвинителю и общественному защитнику и ко всем вызванным в суд лицам. В необходимых случаях председательствующий должен применять власть в отношении лиц, нарушающих порядок в зале суда, используя меры, предусмотренные ст. 263 УПК РСФСР.

На основании изложенного конкретные цели уголовно-процессуального принуждения можно классифицировать в следующие группы: 1) воспрепятствование уклонению от следствия, суда и отбывания наказания, воспрепятствование возможности помешать объективному, всестороннему и полному раскрытию преступления и установлению истины, воспрепятствование возможности заниматься дальше преступной деятельностью (меры пресечения, задержание, розыск, этапирование, отстранение от занимаемой должности); 2) предупреждение готовящихся и пресечение совершаемых преступлений (задержание); 3) обнаружение и получение доказательств (привод, обыск, выемка, помещение обвиняемого или подозреваемого в медицинское учреждение); 4) ограждение общества от общественно-опасных лиц (задержание, содержание под стражей в качестве меры пресечения); 5) обеспечение конфискации имущества и возмещения материального ущерба, причиненного преступлением (обыск, наложение ареста на имущество); 6) устранение нарушений порядка во время судебного заседания; 7) воспитание граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и соблюдения правил социалистического общежития (все меры принуждения).

Институт мер процессуального принуждения призван помочь осуществлению правосудия и противостоять любой попытке препятствовать этому со стороны обвиняемого и других лиц. Поэтому цели уголовно-процессуального принуждения, будучи достигнутыми с помощью перечисленных средств, сами превращаются в средства достижения общих целей уголовного судопроизводства (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства, ст. 2 УПК РСФСР), призванного быстро и полно раскрывать преступления, изобличать виновных, обеспечивать правильное применение закона. Законное и обосно-

важное применение уголовно-процессуального принуждения способствует также укреплению режима социалистической законности в стране, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития.

Конкретные цели уголовно-процессуального принуждения непосредственно претворяются в жизнь в силу таких объективных свойств принимаемых мер, результаты которых наступают как бы автоматически. Но они потеряли бы свое назначение, если бы не способствовали претворению в жизнь общих задач уголовного судопроизводства и если бы не имели организующего и мобилизующего значения в их обеспечении.

Краткие выводы следующие:

1. Важность и многогранность задач, на осуществление которых направлена деятельность органов расследования, прокурора и суда, вызывает необходимость конкретизации целей, подлежащих непосредственному осуществлению. Конкретные цели уголовно-процессуального принуждения вытекают из общих задач уголовного судопроизводства и после своей реализации сами превращаются в средства достижения этих задач.

Конкретные цели уголовно-процессуального принуждения реализуются в средствах воздействия на участников уголовного судопроизводства, предопределяя форму их поведения, и будучи сами реализованы в мерах уголовно-процессуального принуждения, служат обеспечению условий для успешного выполнения задач уголовного судопроизводства.

2. Для реализации цели необходимы соответствующие средства. Разный характер целей определяет разновидность средств, которые, чтобы быть соотносимыми со своими целями, должны быть закреплены в уголовно-процессуальном законе, обладать способностью служить цели, быть с нею связанными, использоваться только в соответствии со своим назначением.

3. Цель нужно рассматривать в единстве со средствами ее реализации и практической деятельностью, с помощью которых она превращается в результат, на достижение которого была направлена. В зависимости от направленности конкретных целей их можно классифицировать отдельными группами, отражающими специфику конкретных видов уголовно-процессуального принуждения.

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ И ПРАКТИКА ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

§ 1. Понятие мер пресечения

* Меры пресечения заключаются в принудительном ограничении свободы действий обвиняемого или подозреваемого и в обеспечении выполнения ими своих процессуальных обязанностей. Поэтому избрание мер пресечения требует строжайшего соблюдения социалистической законности, которая способна гарантировать применение принуждения в пределах, вызванных потребностями социалистического общества.

Статья 33 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ст. 89 УПК РСФСР устанавливают: «При наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, или воспрепятствует установлению истины по уголовному делу, или будет заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд вправе применить в отношении обвиняемого одну из следующих мер пресечения: подписку о невыезде, личное поручительство или поручительство общественных организаций, заключение под стражу.

С санкции прокурора или по определению суда в качестве меры пресечения может применяться залог.

К военнотружашим может применяться в качестве меры пресечения наблюдение за ними командования воинских частей, в которых они состоят на службе.

При отсутствии оснований, делающих необходимым применение меры пресечения, обвиняемому отбирается обязательство являться по вызовам и сообщать о перемене места жительства» (ст. 89 УПК РСФСР. Разрядка в первом и втором случае моя.— З. К.).

Статья 3 Положения о предварительном заключении под стражу указывает, что «основанием для предварительного заключения под стражу является постановление следователя или постановление лица, производящего дознание, санкционированное прокурором, постановление прокурора либо приговор или определение суда об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, вынесенные в соответствии с уголовным и уголовно-процессуальным законодательством Союза ССР и союзных республик» (разрядка моя.— З. К.).

Прежде всего обращает на себя внимание, что ст. 3 Положения о предварительном заключении под стражу определяет не основания меры пресечения, а процедуру принятия данного решения. Поэтому остановимся на анализе ст. 89 УПК РСФСР (ст. 33 Основ), требующей наличия достаточных оснований полагать, что обвиняемый будет вести себя ненадлежащим образом в процессе расследования, судебного рассмотрения дела и исполнения приговора. Что же понимать под «достаточностью оснований», каким объемом знаний должен располагать следователь, чтобы принять законное и обоснованное решение и, наконец, можно ли на основании предположения о возможном будущем поведении обвиняемого принять такое решение, которое было бы законным и обоснованным.

В процессуальной литературе при попытке разрешить этот вопрос высказано мнение, что предположение о достаточных основаниях имеет место «при установлении в соответствии с действительностью обстоятельств (порождающих такое предположение), характеризующих личность обвиняемого; его род занятий; семейное положение, и иных подобных обстоятельств»¹, могущих быть не основаниями для

¹ Кузнецова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 152.

избрания меры пресечения, а именно обстоятельствами, учитываемыми при выборе определенного вида меры пресечения. Подобное предположение не может служить серьезной гарантией законности и обоснованности данного решения, гарантиями прав и законных интересов личности, так как фактически основания применения мер пресечения не определяются.

Отсутствие определенности требований закона приводит к тому, что самой распространенной ошибкой практических работников при применении мер пресечения является либо неправильное определение оснований, либо ссылка на обстоятельства, не предусмотренные ст. 89 УПК РСФСР, либо избрание меры пресечения при отсутствии к тому всяких оснований². Этим же объясняется и то, что вопрос об основаниях и, следовательно, правомерности применения мер пресечения исследован недостаточно, а у большинства авторов, изучающих данный правовой институт, в определении понятия мер пресечения указание на основания их применения вообще отсутствует³.

Под «достаточными основаниями», на которые указывает ст. 89 УПК РСФСР, следует понимать «достаточные данные», т. е. фактические данные, полученные из предусмотренных законом источников и свидетельствующие о ненадлежащем поведении обвиняемого, нарушающего правомерные требования к нему следователя, суда. На наш взгляд, ничто иное и не может быть положено в основу решения о необхо-

---

² Весьма распространенная в практике формулировка оснований — «обвиняемый имеет постоянное место жительства» и «не может воспрепятствовать установлению истины по делу» — противоречит принятому решению и необходимости применения меры пресечения, а само решение противоречит закону, который в таком случае предписывает избрать не меру пресечения, а обязательство о явке по вызовам.

³ См. Лившиц Ю. Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964, с. 14; Гуткин И. М. Меры пресечения в советском уголовном процессе. Лекция. М., 1963, с. 6; Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1962, с. 221—222; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968, т. I, с. 273; Давыдов П. М., Якимов П. П. Применение мер процессуального принуждения по Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Свердловск, 1961, с. 10; Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965, с. 257; Савгирова Н. М. Меры пресечения и иные меры процессуального принуждения. Лекция. М., 1960, с. 9; и др.

димости ограничения свободы личности. Что же касается допускаемого законодателем термина «полагать», то его нельзя толковать только как «предположение», так как смысловое значение его более емко и включает в себя «считать находящимся в каком-нибудь положении (официальное)»⁴. Вместе с тем надо отметить, что большая четкость, конкретность и определенность требований ст. 89 УПК РСФСР предохранила бы данную правовую норму от субъективизма и произвольности в ее толковании. В процессуальной литературе было высказано предложение о редакционном изменении ст. 33 Основ на формулировку: «При наличии достаточных фактических данных, дающих основание полагать...»⁵.

С этим предложением следует согласиться, однако представляется, что закон обрел бы большую определенность и конкретность, если бы вообще освободился от термина «полагать». По этим соображениям следовало бы ст. 89 УПК РСФСР сформулировать примерно так: «При наличии достаточных фактических данных, дающих основание считать...» Это уточнение закона дало бы твердую правовую базу для применения мер пресечения, отразило бы доктринальное его толкование, повысило бы ответственность следователей за правильность и обоснованность применения мер пресечения и послужило бы устранению из практики случаев незаконного и необоснованного стеснения свободы лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений; усилило бы внимание прокурора и суда к контролю за правильностью применения мер пресечения и своевременностью их отмены и изменения; увеличило бы реальное значение уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности.

Ранее нами указывалось, что применение мер пресечения вызывается и обуславливается совершением преступления. В основание решения о применении меры пресечения должны быть положены фактические данные, свидетельствующие об опасности совершенного преступления или лица, его совершившего, а также данные, свидетельствующие о ненадлежащем поведении обвиняемого или подозреваемого, препятствующем правильному осуществлению задач социалистического правосудия. В связи с этим мы не можем полно-

⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 7-е, М., 1968, с. 542.

⁵ Давыдов В. А. Возможность для обвиняемого скрыться от следствия и суда как основание к заключению его под стражу.— «Проблемы государства и права на современном этапе». М., 1973, вып. 7, с. 195—196.

стью разделить мнение о том, что меры пресечения «применяются, как правило, при отсутствии нарушений уголовно-процессуальных норм»⁶. В первых двух случаях это соответствует действительности, так как тяжесть совершенного преступления является свойством преступного события, а общественная опасность лица — характерной чертой обвиняемого как личности. Наличие данных, свидетельствующих о ненадлежащем поведении обвиняемого или подозреваемого и составляющих фактическую основу решения о применении мер пресечения, предполагает нарушение требований уголовно-процессуальных норм, когда указанные лица добровольно не исполняют своих обязанностей. Перечисляя возможные варианты противодействия социалистическому правосудию, ст. 89 УПК РСФСР в категорическом порядке накладывает запрет на совершение обвиняемым этих действий и предоставляет возможность компетентным лицам применять меры пресечения при неисполнении этого запрета.

Требования ст. 89 УПК РСФСР необходимо рассматривать не только как возможность применения принудительных мер, но и как требования определенного характера поведения, в данном случае пассивного (воздержание от соответствующих действий), адресованные к обвиняемому или подозреваемому. Предписывая обязанности по воздержанию от совершения действий определенного рода, указанная процессуальная норма содействует формированию в психике обвиняемого сдерживающих мотивов и тем самым обеспечивает его надлежащее поведение в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела, обладая лишь силой психологического воздействия. В этом плане она носит предупредительный характер, так как предостерегает обвиняемого от нежелательного варианта поведения. Если обвиняемый не нарушает установленного запрета, добровольно исполняет свои обязанности, естественно, не возникает необходимости в стеснении его прав и законных интересов (если при этом отсутствуют иные основания для избрания меры пресечения — тяжесть преступления и опасность лица, его

⁶ Корнуков В. М. К понятию мер процессуального принуждения в советском уголовном процессе.— «Учен. зап. Саратовского юрид. ин-та», 1970, вып. XIX, с. 266; см. также: Кудин Ф. М. Обстоятельства, учитываемые при избрании мер пресечения по советскому уголовно-процессуальному праву.— В кн.: Проблемы уголовного процесса и криминалистики. Свердловск, 1973, с. 35.

совершившего). В подобном случае своевременность явки его по вызовам можно обеспечить обязательством о явке. Если же сама угроза применения мер пресечения, заложенная в норме права, не вызывает должного воздействия и обвиняемый нарушит запрет, т. е. совершит хотя бы одно из запрещенных ему ст. 89 УПК РСФСР действий, появляется основание для применения к нему меры пресечения.

Представляется надуманным и лишённым практического смысла предложение И. М. Гуткина дифференцировать основания применения мер пресечения в зависимости от запретного варианта поведения и процессуального положения лица, к которому мера пресечения применяется (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный)⁷. Во-первых, различные способы противодействия имеют единственную правовую форму выражения, заключающуюся в неисполнении возложенных законом обязанностей, т. е. в процессуальном правонарушении. Во-вторых, возможность применения мер пресечения нельзя обосновывать процессуальным положением лица, так как это разноаспектные явления, не связанные между собой.

Изложенное приводит нас к выводу, что мера пресечения может быть применена только при установлении факта нарушения обвиняемым возложенных на него обязанностей, только при нарушении ст. 89 УПК РСФСР, а не на основании предположений о его возможном ненадлежащем поведении, в каком бы способе противодействия оно не было выражено. Представляется, что только такое решение данного вопроса служит гарантией законности и обоснованности применения мер пресечения и гарантиями прав и законных интересов личности в уголовном процессе.

Юридическая природа мер пресечения определяется содержанием и характером принуждения. Общеизвестным в правовой литературе является мнение, что меры пресечения — это меры государственного принуждения. Только А. Д. Буряков обратил внимание на неоднородный характер принуждения, определив их как систему предусмотренных законом мер процессуального принуждения и морального воздействия⁸.

⁷ См. Гуткин И. М. Некоторые вопросы теории и практики применения мер пресечения в советском уголовном процессе. — «Труды ВШ МВД СССР», 1971, с. 154—155.

⁸ См. Буряков А. Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. Автореф. канд. дисс. М., 1967, с. 9.

• Принуждение, присущее мерам пресечения, по своему содержанию является физическим, психическим и моральным воздействием, а по характеру оно может быть государственным и общественным. Так, заключение под стражу как мера пресечения предполагает физическое воздействие на обвиняемого (подозреваемого) путем изоляции от общества, делающей физически невозможным его уклонение от исполнения процессуальных обязанностей и совершение новых преступлений. Подписка о невыезде является предписанием об ограничении свободы действий и передвижения и психическим воздействием путем угрозы замены ее на более строгую меру пресечения в случае нарушения обвиняемым (подозреваемым) принятых на себя обязательств.

При избрании в качестве меры пресечения залога, если залогодателем является сам обвиняемый (подозреваемый), психическое воздействие путем угрозы лишиться залоговой массы при невыполнении взятых на себя обязательств направлено непосредственно против него. Хотя ст. 99 УПК РСФСР и не говорит об иных последствиях нарушения принятых обязательств, следует все же считать, что над обвиняемым висит угроза замены данной меры пресечения на более строгую. Если же залогодателем является не обвиняемый, а иное лицо или организация, то психическое воздействие они делят между собой. Не будучи заинтересованным терять залоговую массу, залогодатель стремится выполнить взятые на себя обязательства и обеспечить надлежащее поведение обвиняемого. Но поскольку залогодатель не наделяется законом властными полномочиями, то и отношения между залогодателем и обвиняемым носят характер убеждения, морального воздействия. Представляется, что в данном случае переплетаются меры государственного воздействия в виде психической угрозы изменения меры пресечения на более тяжкую и меры морального воздействия.

Наблюдение командования воинской части и отдача несовершеннолетнего под надзор администрации закрытого детского учреждения также неоднородны по характеру и содержанию принуждения. С одной стороны, командование воинской части и администрация закрытого детского учреждения осуществляют физическое принуждение в пределах, предусмотренных Уставами Вооруженных Сил Союза ССР и Положением о закрытом детском учреждении. Это принуждение обеспечивается властью командования и администра-

тивной властью начальника детского учреждения. С другой стороны, надлежащее поведение обвиняемого достигается принятием мер воспитательного воздействия со стороны военнослужащих воинской части, общественных организаций и коллектива закрытого детского учреждения.

Личное поручительство, поручительство общественной организации и отдача несовершеннолетнего под присмотр родителей, опекунов и попечителей по своему характеру являются мерами и государственного, и общественного воздействия, так как они предполагают возможность изменения этих мер на более строгие в случае неисполнения взятых на себя обязательств и моральное воздействие с целью обеспечить взятые обязательства. Перед поручителями обвиняемый какой-либо ответственности, кроме моральной, не несет. В этих случаях обеспечение явки к следователю и в суд и надлежащего поведения обвиняемого может быть достигнуто лишь мерами морального воздействия. Их эффективность определяется не только опасениями ухудшить свое положение, подвергшись более строгой мере пресечения, но и чувством нравственного долга перед следственными и судебными органами, общественной организацией, коллективом трудящихся либо отдельными гражданами — поручителями.

На этом основании в процессуальной литературе было высказано суждение о необходимости пересмотра существующей системы мер пресечения и исключения из числа мер процессуального принуждения личного, общественного поручительства и отдачи несовершеннолетнего под присмотр⁹. В еще более категоричной форме значительно ранее подобное суждение в отношении общественного поручительства было высказано А. А. Лиеде¹⁰. Если при решении этого вопроса исходить только из неоднородного характера воздействия, оказываемого на правонарушителя, то из числа мер процессуального принуждения следует исключить все меры пресечения, кроме подписки о невыезде и заключения под стражу. Это касается и залога, когда залогодателем является не

---

⁹ См. Гуткин И. М. Некоторые вопросы теории и практики применения мер пресечения в советском уголовном процессе.— «Труды ВШ МВД СССР», 1971, вып. 28, с. 152—153.

¹⁰ Лиеде А. А. Общественное поручительство в уголовном судопроизводстве.— «Учен. зап. Латвийского гос. ун-та», 1963, т. 55, вып. 5, с. 97.

обвиняемый, а другое лицо или организация. Уязвимость данного суждения заключается в том, что некоторое сокращение уголовно-процессуального характера воздействия при применении указанных мер пресечения означает не устранение его полностью, а лишь определенное изменение объема. Основания и условия их применения находятся в сфере уголовно-процессуального регулирования, решение вопроса об их избрании — в компетенции следователя, прокурора, суда; личные поручители участвуют в уголовном процессе в силу правовой обязанности, невыполнение которой может повлечь применение к ним государственного принуждения в виде процессуальной ответственности (штраф, отторжение залоговой массы и т. д.); порядок их избрания также урегулирован уголовно-процессуальным правом.

Для характеристики мер пресечения большое практическое значение имеет вопрос о субъектах, уполномоченных законом на применение указанных мер, и сроках. Ст. 89 УПК РСФСР предоставляет право применять меры пресечения лицу, производящему дознание, следователю, прокурору и суду. Следователь и лицо, производящее дознание, вправе применить меру пресечения только по делу, находящемуся в их производстве. Прокурор может применить меру пресечения как по делу, находящемуся в его производстве, так и по делу, находящемуся в производстве следователя или органов дознания, за которыми он осуществляет надзор. Суд вправе применить меру пресечения как в отношении подсудимого и осужденного, так и к лицу, не являющемуся подсудимым, но в отношении которого в связи с обстоятельствами, установленными в судебном заседании, выносится определение о возбуждении уголовного дела.

Мера пресечения подозреваемому избирается на срок не более десяти суток, причем предъявление обвинения не требует вторичного решения этого вопроса, если оно не вызывается иными изменившимися обстоятельствами. Мера пресечения обвиняемому избирается на весь срок производства дознания и предварительного следствия, если обстоятельства дела не требуют ее пересмотра и отмены.

Содержание под стражей как мера пресечения при расследовании дела не может продолжаться более двух месяцев. Этот срок может быть продлен лишь ввиду особой сложности дела прокурором автономной республики, края, области, автономной области, национального округа, военным

прокурором военного округа, военного флота — до трех месяцев, а Прокурором РСФСР и Главным военным прокурором до шести месяцев со дня заключения под стражу. Дальнейшее продление срока содержания под стражей может быть произведено только в исключительных случаях Генеральным Прокурором СССР дополнительно на срок не более трех месяцев. (ст. 97 УПК РСФСР).

Мера пресечения подсудимому избирается на срок с момента вынесения определения распорядительного заседания о предании обвиняемого суду и до вынесения приговора. Этот срок включает в себя четырнадцать суток, в течение которых с момента предания суду дело должно быть рассмотрено в судебном заседании, и время, необходимое для рассмотрения дела в судебном заседании. Сроки применения меры пресечения, избранной судом подозреваемому, в отношении которого возбуждается уголовное дело в связи с обстоятельствами, установленными во время судебного разбирательства, исчисляются в общем порядке, установленном для расследования дела, т. е. на весь срок производства дознания или предварительного следствия.

Мера пресечения осужденному избирается судом на срок с момента вынесения обвинительного приговора и до вступления его в законную силу. В случае отмены приговора в порядке судебного надзора сроки содержания обвиняемых под стражей исчисляются по общему правилу, установленному ст. 97 УПК РСФСР, со дня вынесения определения или постановления суда. По смыслу ст. 19 Положения о прокурорском надзоре в СССР и ст. 51 Основ срок содержания под стражей при возвращении прокурором или судом дела на дополнительное расследование должен исчисляться не со дня возврата дела в органы расследования, а со дня заключения под стражу. При этом время нахождения дела в суде и у прокурора не должно включаться в установленный ст. 97 УПК РСФСР срок содержания под стражей при расследовании. В эти сроки не включается установленное процессуальным законом время нахождения дела в суде, если в результате рассмотрения его судом первой или кассационной инстанции оно возвращено на новое расследование¹¹.

¹¹ См. Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 3 сентября 1965 г. «О разъяснении статьи 34 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». — «Ведомости Верховного Совета СССР», 1965, № 37, с. 533.

Действие меры пресечения, примененной судом первой инстанции, прекращается с момента вступления приговора в законную силу, так как с этого времени осужденный начинает отбывать наказание.

Вопрос о мере пресечения возникает в кассационной и надзорной инстанциях. Известно, что кассационная инстанция может оставить приговор в силе, отменить его или изменить. Отменяя приговор, кассационная инстанция может направить дело на новое рассмотрение с любой стадии процесса либо вообще прекратить дело, а меру пресечения отменить. В случае изменения приговора кассационная инстанция должна также изменить меру пресечения или отменить ее вообще, если лишение свободы заменяется исправительными работами или другим наказанием, не связанным с лишением свободы. Когда же приговор отменяется и дело передается на новое рассмотрение с какой-либо стадии, то, если мера пресечения не была избрана ранее, кассационная инстанция при наличии оснований вправе ее применить или оставить в силе ранее избранную или совсем отменить. Это право кассационной инстанции вытекает из смысла ст. 339 и ст. 349 УПК РСФСР и, по нашему мнению, требует более прямого законодательного решения.

При пересмотре приговоров, вступивших в законную силу, надзорной инстанции также приходится решать вопрос о мере пресечения в случае отмены приговора и направления дела на новое рассмотрение, однако такое право надзорной инстанции не предусмотрено законом¹². Поскольку рассматриваемые вопросы имеют немаловажное значение, представляется совершенно необходимым, чтобы порядок применения мер пресечения судом надзорной инстанции был регламентирован УПК.

По смыслу ст. 33 Основ и ст. 89 УПК РСФСР применение меры пресечения есть право следователя и других указанных в законе лиц. Поэтому некоторые авторы делают вывод, что мерам пресечения присуща факультативность, т. е.

¹² В УПК некоторых союзных республик (Киргизской, Казахской, Латвийской и некоторых др.) содержатся указания, что в случае приостановления исполнения вступившего в законную силу приговора соответствующее компетентное лицо разрешает вопрос об избрании меры пресечения, не связанной с содержанием под стражей, если осужденный отбывает наказание в виде лишения свободы. Эти указания не могут удовлетворить нужды практики, так как не исчерпывают рассматриваемого вопроса.

необязательность¹³. Полагаем, что определяющим моментом в решении этого вопроса является наличие или отсутствие оснований применения мер пресечения.

Если по смыслу ст. 33 Основ и ст. 89 УПК РСФСР применение меры пресечения есть право следователя, то это не означает, что, имея в деле доказательства, обосновывающие необходимость ее избрания, следователь по своему усмотрению может как-то иначе решить этот вопрос. При наличии оснований к избранию меры пресечения право должностного лица превращается в обязанность, которая вызывается необходимостью создания наиболее благоприятной обстановки для расследования и рассмотрения уголовного дела. Отсутствие оснований к избранию меры пресечения следователь должен расценивать и как отсутствие у него права на применение меры пресечения. Именно эта мысль выражена в ч. 4 ст. 89 УПК РСФСР, устанавливающей, что «при отсутствии оснований, делающих необходимым применение меры пресечения, у обвиняемого отбирается обязательство являться по вызовам и сообщать о перемене места жительства». Вместе с тем отсутствие в законе четкого указания на эту взаимосвязь приводит к тому, что практика идет по пути обязательного применения мер пресечения к обвиняемому (подозреваемому) даже в случаях, когда к этому нет оснований¹⁴.

С учетом всего изложенного, меры пресечения можно определить как меры процессуального принуждения, ограничивающие свободу действий обвиняемого (подозреваемого) и применяемые в соответствии с уголовно-процессуальным законом в целях ограждения общества от опасных для него лиц и успешного осуществления задач социалистического правосудия. Основанием применения мер пресечения служат: 1) наличие признаков уголовного преступления и развивающееся в связи с этим уголовно-правовое отношение, 2) фактические данные, подтверждающие тяжесть совершенного преступления или общественную опасность лица, его совер-

---

¹³ См. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч., с. 257; Лившиц Ю. Д. Указ. соч., с. 12; и др.

¹⁴ На это обстоятельство правильно указывают ряд авторов. См., например, Корнуков В. Усилить контроль за применением мер пресечения. — «Советская юстиция», 1971, № 2, с. 17; Хоммадов О. Ошибки в применении мер пресечения. — «Соц. законность», 1971, № 12, с. 64—65.

шившего, или его ненадлежащее поведение, представляющее угрозу интересам правосудия.*

§ 2. Виды мер пресечения

Основы уголовного судопроизводства предусматривают следующие меры пресечения: а) подписку о невыезде; б) личное поручительство; в) поручительство общественной организации; г) заключение под стражу (ст. 33).

УПК РСФСР (ст. 89) и Таджикской ССР (ст. 82), кроме указанных выше мер пресечения, предусматривают залог.

В отношении военнослужащих в качестве меры пресечения может применяться наблюдение за ними командования воинских частей, в которых они состоят на службе (ч. 3 ст. 89 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

В отношении несовершеннолетних в качестве меры пресечения может также применяться отдача под присмотр родителей, опекунов, попечителей, а к несовершеннолетним, воспитывающимся в закрытых детских учреждениях, — отдача под надзор администрации этих учреждений (ст. 394 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Подписка о невыезде. Она состоит в отобрании от подозреваемого или обвиняемого обязательства не отлучаться с места жительства или временного нахождения без разрешения соответственно лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда (ст. 93 УПК РСФСР). Это наиболее распространенная мера пресечения в практике судебных следственных органов¹⁵. Обвиняемый (подозреваемый), в отношении которого мерой пресечения избрана подписка о невыезде, должен находиться постоянно в определенном месте (в определенной паспортизированной местности и по адресу постоянной или временной прописки) и может покинуть его только с разрешения органов следствия, дознания и суда.*

Местом жительства признается место, где лицо постоянно или преимущественно проживает. Местом жительства несовершеннолетних или граждан, находящихся под опекой,

¹⁵ Удельный вес дел, по которым применялась эта мера пресечения, по Воронежской области за 1972—1974 гг. составляет 49,7%.

признается место жительства их родителей, усыновителей или опекунов (ст. 17 ГК РСФСР). В процессуальной литературе было высказано мнение, что постоянное место жительства определяется «местом прописки или местом длительного проживания, где не введена паспортизация»¹⁶. По смыслу ст. 93 УПК РСФСР местожительство может быть постоянным и временным. Временное пребывание в данной местности не должно быть короче времени, требуемого на предварительное расследование и судебное рассмотрение конкретного уголовного дела.

Для судебно-следственных органов важно иметь точный адрес, по которому проживает или будет проживать обвиняемый во время предварительного расследования и судебного разбирательства. Это необходимо для поддержания постоянной связи с обвиняемым и обеспечения его своевременной явки по вызовам к следователю и в суд. Тем не менее подписка о невыезде не может препятствовать отлучке обвиняемого по служебным или личным надобностям на короткий промежуток времени в течение суток или рабочего дня.

Применяя к обвиняемому (подозреваемому) подписку о невыезде, следователь предупреждает его о том, что в случае нарушения им своих обязательств к нему будет применена более строгая мера пресечения.

По смыслу ст. 93 УПК РСФСР обвиняемый (подозреваемый) все же может отлучаться с места жительства, но только с разрешения лица или органа, избравшего данную меру пресечения. Для получения такого разрешения обвиняемый (подозреваемый) должен обратиться с заявлением к лицу, производящему дознание, следователю, прокурору или в суд в зависимости от того, в чьем производстве находится дело. Заявление рассматривается в общем порядке, установленном законом для разрешения ходатайств участников процесса. В случае отказа в удовлетворении просьбы обвиняемого или подозреваемого, отказавшее лицо составляет мотивированное постановление и сообщает об этом заинтересованным лицам (ст. 131 УПК РСФСР). Согласно ст. ст. 218, 219 УПК РСФСР решение следователя может быть обжаловано прокурору. Решения и действия прокурора обжалуются вышестоящему прокурору (ст. 220 УПК РСФСР).

¹⁶ Давыдов П. М., Сидоров Д. В., Якимов П. П. Судопроизводство по новому УПК РСФСР. Свердловск, 1962, с. 121.

В процессуальной литературе было высказано мнение, что подписка о невыезде применяется при расследовании не особо тяжких преступлений, совершенных обвиняемыми, имеющими постоянное место жительства или место постоянных занятий, и если нет данных, внушающих опасения, что пребывание обвиняемых на свободе будет мешать расследованию дела¹⁷. Мы не разделяем данного мнения в силу того, что наличие постоянного места жительства или места постоянных занятий ст. 91 УПК РСФСР относит всего лишь к обстоятельствам, учитываемым при определении вида меры пресечения, а совершение обвиняемым не особо тяжкого преступления и «отсутствие данных, внушающих опасение», что пребывание его на свободе будет мешать расследованию дела, являются не основаниями к избранию меры пресечения, а обстоятельствами, свидетельствующими об отсутствии таковых.

Правильное обоснование меры пресечения важно при избрании любого ее вида, но на практике наиболее часто допускаются ошибки при избрании именно подписки о невыезде¹⁸. Объясняется это тем, что у многих следователей твердо укоренилось мнение о мягкости, слабости и незначительности ограничений для обвиняемого, связанных с ее применением. Поэтому она обосновывается мотивами, которые не только не подтверждают правильность решения следователя, но, наоборот, исключают применение любой меры пресечения. При этом необходимо заметить, что суды не всегда исправляют ошибки предварительного расследования, а иногда и допускают подобные нарушения. Такое положение следует расценивать как нарушение режима социалистической законности, роли процессуальной формы, недостаточно четкое уяснение смысла закона, необоснованное стеснение прав и свободы личности, а также отсутствие надлежащего прокурорского надзора. В процессуальной литературе правильно указывалось на недопустимость сложившейся практи-

---

¹⁷ Лившиц Ю. Д. Указ. соч., с. 42—43; Жогин Н. В. Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел. М., 1968, с. 148.

¹⁸ В ряде случаев избрания в качестве меры пресечения подписки о невыезде она избиралась безосновательно, т. е. без указания на те обстоятельства, которые могут быть положены в основание решения данного вопроса.

ки, которая подрывает авторитет органов, ведущих борьбу с преступностью, и наносит урон выполнению воспитательной задачи социалистического правосудия¹⁹.

Личное поручительство. Оно состоит в принятии на себя заслуживающими доверия лицами письменного обязательства в том, что они ручаются за надлежащее поведение и явку подозреваемого или обвиняемого по вызову лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда (ст. 94 УПК РСФСР). По смыслу закона поручители могут брать на себя только такие обязательства, которые соответствуют целям мер пресечения. Обязательства, не соответствующие целям мер пресечения (например, обязательство возмещения обвиняемым материального ущерба и т. д.), не могут быть возложены на поручителей.

Уголовно-процессуальные кодексы Казахской ССР (ч. 1 ст. 67), Киргизской ССР (ч. 1 ст. 81), Азербайджанской ССР (ч. 1 ст. 87), Латвийской ССР (ч. 1 ст. 74) не предусматривают ручательства за явку обвиняемого или подозреваемого, а имеют в виду только ручательство за неуклонение их от следствия и суда. В этом отношении редакция ст. 94 УПК РСФСР представляется более правильной.

В основе поручительства лежит не только доверие поручителя к обвиняемому, но и доверие следователя к поручителям. Авторитет поручителя определяется его служебным положением в обществе, его поведением в коллективе, в быту, его личными свойствами. Эти данные должны быть известны не только лицу, применяющему личное поручительство, но и тем лицам, которые в дальнейшем будут пересматривать вопрос о мере пресечения, осуществлять надзор за ее законностью и обоснованностью. Поэтому характеристика поручителей должна найти отражение в постановлении об избрании меры пресечения. Применяя данную меру пресечения, лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд должны быть убеждены и в том, что лица, ручающиеся за обвиняемого, имеют на него решающее влияние и достаточно для него авторитетны. Поручитель, в зависимости от своих возможностей и взаимоотношений с

---

¹⁹ См. Иванов Ю. А. Воспитательно-предупредительное значение мер пресечения в советском уголовном процессе.— «Вестник Московского ун-та. Сер. XII. Право», 1966, № 5, с. 36; Его же. Воспитательное воздействие советского предварительного следствия. М., 1967, с. 57—58.

обвиняемым, основываясь на знании личных свойств обвиняемого и его характера, может по-разному воздействовать на него. Но в основе их взаимоотношений между собой лежит доверие поручителя, честь обвиняемого, моральный долг не нарушать свое слово перед поручителем, стремление обвиняемого поддержать перед ним свое достоинство.

Поручители, ввиду особого характера их обязательств перед судебно-следственными органами, не могут быть назначены без их просьбы или прямо выраженного согласия. Инициатива применения в качестве меры пресечения личного поручительства может исходить от обвиняемых и самих поручителей, а также судебно-следственных органов.

Число поручителей в каждом конкретном случае определяется лицом, производящим дознание, следователем, прокурором, судом, но для надежности поручительства их не может быть менее двух.

При личном поручительстве важно определить, какое обязательство может взять и берет на себя поручитель. Предмет этих обязательств может быть различным, в зависимости от возможностей и желания поручителя оказать определенное воздействие на обвиняемого, а также от конкретных обстоятельств дела и личности обвиняемого. Например, в одних случаях поручитель принимает меры к явке обвиняемого по вызовам, а осуществлять контроль везде и всюду за его поведением он не может. Поэтому в письменном обязательстве личного поручителя нужно указать лишь на те обязательства, которые фактически он может исполнить. Выполнение обязанностей поручителя зависит не только от добросовестности самого поручителя, но и от поведения обвиняемого. Вина поручителя в случаях противозаконного поведения обвиняемого состоит лишь в недостаточно продуманном оказании ему доверия. За такого рода нарушения процессуальных обязанностей поручитель должен нести не уголовную ответственность, а процессуальную, так как и сам обвиняемый, нарушающий данную меру пресечения, подвергается только более строгой мере процессуального принуждения.

К способам выполнения обязанностей по поручительству должно относиться непосредственное воздействие на обвиняемого, его задержание при попытке к побегу, предотвращение действий, направленных против следствия, а также пресечение продолжения преступных действий. Для успеш-

ного выполнения поручителем своих обязанностей он должен быть всякий раз извещен о вызове обвиняемого в органы следствия и суда и о неявке обвиняемого по вызову.

Часть 2 ст. 94 УПК РСФСР устанавливает, что «при отобрании подписки о личном поручительстве, поручитель должен быть поставлен в известность о сущности дела, по которому избрана данная мера пресечения, и об ответственности в случае совершения подозреваемым или обвиняемым действий, для предупреждения которых была применена мера пресечения в виде личного поручительства. В этом случае на каждого поручителя может быть наложено денежное взыскание в размере до ста рублей... или применены меры общественного воздействия».

Однако не по всякому факту ненадлежащего поведения обвиняемого либо неявки его без уважительных причин по вызову наступает ответственность поручителя. Она может наступить лишь в том случае, если органы расследования или суд будут располагать достаточными данными, указывающими на недобросовестное отношение поручителя к выполнению своих обязанностей. Полагаем, что только при этом условии поручитель должен нести ответственность за невыполнение принятого на себя обязательства.

Возникает вопрос, какого характера ответственность наступает для поручителей в случае неисполнения ими взятых на себя обязательств? В правовой литературе было высказано мнение, что к проступкам, направленным против социалистического правосудия и совершаемым лицами, призванными способствовать его осуществлению, следует отнести также невыполнение личным поручителем взятых на себя обязательств²⁰. Тем самым авторы относят невыполнение личным поручителем взятых на себя обязательств к уголовно-наказуемому деянию. Статья 200 УК Армянской ССР, в главе «Преступления против правосудия» предусматривает уголовную ответственность за невыполнение личным поручителем принятых на себя обязательств вследствие злоупотребления оказанным ему доверием. Представляется более правильной позиция уголовных кодексов других союзных республик, которые не включают неисполнение поручителем обязательств в число уголовно-наказуемых деяний, и тем самым относят

---

²⁰ См. Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против правосудия, М., 1968, с. 110.

их к процессуальным правонарушениям, влекущим процессуальную ответственность.

Согласно ст. 323 УПК РСФСР денежное взыскание на поручителя налагается судом, к подсудности которого относится соответствующее уголовное дело. Вопрос о наложении денежного взыскания решается судом в распорядительном заседании с вызовом лица, на которое может быть наложено денежное взыскание. Неявка вызванного лица без уважительных причин не останавливает рассмотрения дела. В распорядительном заседании оглашается протокол, составленный лицом, производящим дознание, следователем или прокурором, или выписка из протокола судебного заседания, в которой изложены обстоятельства допущенного нарушения. После этого заслушиваются объяснения лица, на которое может быть наложено взыскание, заключение прокурора и выносится определение. Суд, вынесший определение о наложении денежного взыскания на поручителя, вправе отсрочить или рассрочить его исполнение (ст. 207 ГПК). Определение суда о наложении взыскания может быть обжаловано лицом, подвергшимся взысканию и опротестовано прокурором (п. 1 ст. 381 УПК). Размер денежного взыскания устанавливается с учетом имущественного положения виновного, а взысканные суммы обращаются в доход государства.

К поручителю могут быть применены также меры общественного воздействия. С этой целью лицо, производящее дознание, следователь, прокурор или суд должны довести до сведения соответствующей организации, где работает или учится поручитель, что последний оказал доверие обвиняемому, который его не оправдал. Мерами общественного воздействия в отношении такого поручителя могут явиться: обсуждение поведения поручителя на собрании коллектива или общественной организации, наложение взыскания общественной организацией.

При определении существа личного поручительства следует указать на право поручителя отказаться от взятых на себя обязательств. Этот отказ возможен при соблюдении определенных условий. Прежде всего отказ должен быть заявлен судебно-следственным органам своевременно с тем, чтобы органы расследования или суд могли принять меры по обеспечению надлежащего поведения обвиняемого. Поручители освобождаются от ответственности за невыполнение своих обязательств в случаях принятия от них отказа, который

должен быть отражен в определенном процессуальном документе, например, в постановлении об изменении меры пресечения.

Поручительство общественной организации. Оно состоит в даче письменного обязательства о том, что общественная организация ручается за надлежащее поведение и явку подозреваемого или обвиняемого по вызовам лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда (ст. 95 УПК РСФСР). По своему содержанию поручительство общественной организации совпадает с личным поручительством. Различие заключается в том, что здесь в качестве поручителя выступает целая организация. Применение судебно-следственными органами этой меры пресечения создает условия для привлечения общественности к воспитанию обвиняемого уже со стадии предварительного расследования, усиливает нравственные, гуманные начала советского уголовного процесса, способствует широкой профилактике правонарушений²¹.

Согласно ст. 33 Основ правом на осуществление общественного поручительства обладают только общественные организации, т. е. такие объединения людей, в основе которых лежит общая программа, общая цель или задача. В этом смысле общественными организациями являются комсомольские, профсоюзные, кооперативные, религиозные, культурно-массовые, спортивные и другие организации и общества трудящихся.

В процессуальной литературе было высказано правильное мнение о том, что при избрании меры пресечения поручительство может исходить не только от общественной организации, но и от коллектива трудящихся (предприятия, учреждения, цеха, колхоза, бригады и т. д.)²². Именно так решает этот вопрос УПК УССР (ст. 90), в котором прямо гово-

²¹ Анализ практики приводит к выводу о недооценке судебно-следственными органами указанных возможностей, так как ни личное, ни общественное поручительство почти не применяются в качестве мер пресечения. Из общего количества расследованных органами МВД и прокуратуры дел за 1972—1974 гг. в г. Воронеже перечисленные меры пресечения применялись только в 0,08% случаев. Между тем эффективность воспитательного воздействия личного и общественного поручительства позволяет рекомендовать более широкое их использование.

²² См. Зусь Л. Б. Поручительство общественной организации как мера пресечения в советском уголовном процессе.— «Правоведение», 1964, № 4, с. 111.

рится о поручительстве общественной организации или коллектива трудящихся. Общественное поручительство применяется в практике военной юстиции. При этом правом ходатайства об общественном поручительстве пользуются командиры частей (кораблей) с учетом мнения общественности²³.

В юридической литературе нет единого мнения о том, кем может быть принято решение о даче общественного поручительства в виде меры пресечения. Одни авторы считают, что решение о даче общественного поручительства может быть принято на заседании представительного органа, например, заводского комитета, правления колхоза и т. д.²⁴. По мнению других, «общественное поручительство — это не только акт поручительства за обвиняемого, но и активная деятельность поручителя по обеспечению выполнения взятых на себя обязательств. А эта деятельность должна протекать в соответствующих условиях — таких, которые дают возможность постоянно воспитывать обвиняемого, непосредственно контролировать его поведение. Выборный представительный орган обычно такой возможности лишен»²⁵. Поэтому правильным следует признать мнение, что правом поручительства за своих членов, привлекаемых к уголовной ответственности, должны пользоваться первичные организации, а не избранные ими руководящие органы или отдельные руководители. Первичные организации лучше знают своих членов и располагают большими возможностями воздействия на их поведение.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не регламентирует порядок принятия решения о даче поручительства. Такое решение принимается в произвольной форме, но должно отвечать следующим требованиям. На общем собрании, обсуждающем вопрос о даче поручительства, необходимо присутствие не менее двух третей состава организации, может быть заслушано объяснение виновного, а решение о поручительстве считается принятым при подаче за него квалифицированного большинства голосов. На собра-

²³ Научно-практический комментарий УПК РСФСР. М., 1970.

²⁴ Давыдов П. М., Сидоров Д. В., Якимов П. П. Указ. соч., с. 126; Гуткин И. М., Белозеров Ю. Н., Мариупольский Л. А. Советский уголовный процесс. М., 1962, с. 118.

²⁵ Зусь Л. Б. Указ. соч., с. 112.

нии общественной организации должно присутствовать компетентное лицо, которое в соответствии с требованием ст. 95 УПК РСФСР ставит в известность организацию, дающую поручительство, о характере предъявленного обвинения, разъясняет способы выполнения организацией данного ею обязательства и другие, связанные с поручительством вопросы. Нужно довести до сведения организации, что обвиняемый до окончательного рассмотрения уголовного дела в суде не может отлучаться на длительное время с места жительства, что он в любое время может быть вызван органами следствия и суда. Поэтому общественная организация должна ставить каждый раз орган, избравший меру пресечения, в известность о возможных командировках обвиняемого, переводе на работу в другую местность и т. д. Решение общественной организации о поручительстве должно быть мотивированным и отражаться в протоколе собрания в виде обязательства в том, что общественная организация ручается за надлежащее поведение обвиняемого (ст. 154 УПК УССР, ст. 88 УПК Азербайджанской ССР). Следовательно, лицо, производящее дознание, прокурор, суд обязаны рассмотреть протокол решения собрания и, исходя из конкретных обстоятельств дела, либо удовлетворить просьбу, либо отклонить мотивированным постановлением.

Общественная организация может давать поручительство лишь за обвиняемого, являющегося ее членом. Такой вывод следует из положения, что дача общественного поручительства за обвиняемого предполагает доверие к нему коллектива-поручителя, которое формируется обычно в результате длительного и непосредственного общения членов данной общественной организации с обвиняемым, знания его положительных деловых и личных качеств. Только при наличии постоянного контакта с обвиняемым общественный поручитель может видеть результаты своего поручительства, информировать о них компетентный орган, или, например, сообщить о предстоящем выбытии обвиняемого из состава данной организации.

Вопрос о возможности и целесообразности применения общественного поручительства как меры пресечения решает в каждом конкретном случае следователь, лицо, производящее дознание, прокурор, суд в соответствии с характером дела и личностью обвиняемого, руководствуясь статьями 89 и

91 УПК РСФСР. Поэтому нельзя согласиться с Л. А. Мариупольским, утверждающим, что «общественное поручительство может избираться в тех случаях, когда нет оснований опасаться, что обвиняемый скроется от следствия и суда или примет меры к скрытию следов преступления, или совершит новое преступление»²⁶.

Большинство уголовно-процессуальных кодексов союзных республик предусматривают возможность применения общественного поручительства к обвиняемому и к подозреваемому. УПК Киргизской ССР (ст. 82), Украинской ССР (ст. 154), Узбекской ССР (ст. 77) предусматривают возможность поручительства общественной организации только лишь в отношении обвиняемого.

На практике могут иметь место случаи, когда обвиняемый нарушает свое обещание, уклоняется от следствия и суда, препятствует раскрытию истины по уголовному делу и т. д. Общественная организация в таких ситуациях должна принять меры к устранению опасного поведения обвиняемого и немедленно довести это до сведения органов расследования или суда. Она вправе также поставить вопрос о снятии с нее обязательства по общественному поручительству, тогда к обвиняемому применяется компетентными органами более строгая мера пресечения.

• **Отдача несовершеннолетних под присмотр.** Отдача обвиняемого (подозреваемого) под присмотр родителей, опекунов, попечителей или администрации закрытого детского учреждения является специальной мерой пресечения в отношении несовершеннолетних. Однако она не исключает применения к ним любой иной меры пресечения. Из смысла ч. 1 ст. 394 УПК РСФСР видно, что в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления, применяется: 1) отдача под присмотр родителей, опекунов, попечителей, 2) отдача под надзор администрации закрытого детского учреждения, в котором воспитывается несовершеннолетний. В некоторых УПК союзных республик (ст. 164 УПК УССР, ст. 97 УПК БССР) говорится не о закрытых, а просто о детских учреждениях. В законе не содержится указания на то, какие детские учреждения следует считать закрытыми. Авторы научно-практического Комментария УПК РСФСР к числу закрытых детских учреждений, являющихся специальными воспи-

²⁶ Гуткин И. М., Белозеров Ю. Н., Мариупольский Л. А. Указ. соч., с. 117.

тательными учреждениями для несовершеннолетних, относят детские воспитательные учреждения для несовершеннолетних, школы-интернаты, детские дома, приемники-распределители, специальные лечебно-воспитательные учреждения, трудовые колонии для несовершеннолетних²⁷.

Указанная мера пресечения может быть применена как по просьбе родителей, опекуна, попечителя, администрации закрытого детского учреждения, так и по инициативе следователя, прокурора, суда. Отдача под присмотр, бесспорно, может быть применена только с согласия родителей, опекунов, попечителей. Представляется, что отдача под надзор администрации также возможна лишь с ее согласия, хотя в процессуальной литературе было высказано мнение, что в принципе такое согласие следует иметь, но несогласие администрации на осуществление надзора должно рассматриваться как невыполнение ею своих обязанностей по воспитанию несовершеннолетних²⁸.

Вряд ли можно согласиться с этим мнением, так как, во-первых, сам факт совершения несовершеннолетним преступления следует рассматривать как невыполнение администрацией своих обязанностей по воспитанию, а, во-вторых, данная мера пресечения, как и всякая другая, имеет своей целью не только воспитание несовершеннолетнего, но и обеспечение его надлежащего поведения и неуклонения от следствия и суда. Воспитание подростков в детских закрытых учреждениях и без того является их главной задачей. Поэтому в случае совершения преступления его воспитанником, учреждение не может безучастно отнестись к судьбе последнего. Однако принятие на себя обязательств по осуществлению меры пресечения выходит за рамки только воспитательной деятельности и поэтому применяется лишь с согласия администрации закрытого детского учреждения.

Сущность отдачи обвиняемых под присмотр родителей, опекунов, попечителей, администрации закрытых детских учреждений состоит в принятии на себя кем-либо из указанных лиц письменного обязательства обеспечить явку несовершеннолетнего к следствию и в суд и его надлежащее поведение. По своему содержанию данная мера пресечения очень сходна с личным поручительством, однако между ни-

²⁷ См. Научно-практический Комментарий УПК РСФСР, под ред. Л. Н. Смирнова. М., 1970, с. 505.

²⁸ См. Лившиц Ю. Д. Указ. соч., с. 63.

ми есть различия. Отдача под присмотр применяется только в отношении несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых), а личное поручительство может применяться в отношении любого обвиняемого (подозреваемого). Число поручителей при личном поручительстве не должно быть менее двух, а несовершеннолетнего можно отдать под присмотр одному лицу. Обязательство о личном поручительстве может дать любое лицо, а при отдаче под присмотр — только родители, опекун, попечитель, администрация детского закрытого учреждения²⁹.

При решении вопроса о передаче несовершеннолетнего под присмотр родителей, опекунов, попечителей должны быть собраны необходимые данные о моральном облике и отношении этих лиц к своим обязанностям воспитателя. Должно быть также выяснено, имеют ли они возможность в силу состояния здоровья, характера работы и т. д. реально осуществлять присмотр за подростком. При отдаче под присмотр следователь и суд должны учитывать такие обстоятельства, как среда, окружающая подростка, условия его воспитания, необходимость немедленного пресечения вредных влияний. Анализ и оценка следователем этих обстоятельств должны быть обязательно отражены в мотивированном постановлении об избрании данной меры пресечения. В постановлении указываются основания к избранию данной меры и сведения о личности родителей или лиц, их заменяющих, обосновывающие вывод о возможности возложить на них присмотр за несовершеннолетними.

В соответствии с ч. 3 ст. 394 УПК РСФСР при отобрании обязательства о принятии под присмотр родители, опекуны, попечители, руководители закрытых детских учреждений предупреждаются о характере преступления, в котором подозревается или обвиняется несовершеннолетний (фактические обстоятельства дела, юридическая квалификация преступления, возможная мера наказания). Это очень важно, потому что указанные лица должны знать, в отношении кого, с точки зрения общественной опасности, они берут на себя соответствующие обязательства. Также целесообразно

²⁹ Авторы Комментария УПК БССР правильно указывают на необходимость предоставить наряду с родителями и другим родственникам право брать на себя обязательства по обеспечению надлежащего поведения и явки несовершеннолетнего к следствию и в суд (см. УПК БССР.— Комментарий. Минск, 1963, с. 80).

сообщить лицу, принявшему обязательство, обстоятельства, на которые с учетом материалов дела следует обратить особое внимание (например, на необходимость не допускать нахождения подростка на улице поздно вечером, не поддерживать некоторые знакомства и т. д.).

Ответственность родителей, опекунов, попечителей, осуществляющих надзор за несовершеннолетними обвиняемыми (подозреваемыми), наступает в тех случаях, когда они имели возможность предупредить неправомерные действия обвиняемого или своевременно сообщить о них органу, избравшему меру пресечения, но из-за халатности не сделали этого. О нарушении принятого обязательства соответствующий орган составляет протокол и приобщает его к уголовному делу. Вопрос о наложении денежного взыскания или применения мер общественного воздействия разрешается так же, как и при ответственности за невыполнение обязательства при личном поручительстве.

При отдаче несовершеннолетнего под присмотр лицо, принявшее на себя обязательство, вправе заявить мотивированный отказ от дальнейшего присмотра (надзора) за подростком, если придет к убеждению, что не сможет обеспечить его явку к следствию и суду, а также надлежащее поведение. Заявление об отказе от присмотра должно быть своевременно подано органу, избравшему меру пресечения, с тем, чтобы компетентный орган в случае убедительности мотивов отказа избрал другую меру пресечения.

По точному смыслу закона обязательство о принятии под надзор администрации несовершеннолетнего, воспитывающегося в закрытом детском учреждении, отбирается у руководителя этого учреждения или уполномоченного им другого должностного лица. При осуществлении надзора за несовершеннолетним администрация закрытых детских учреждений вправе принимать необходимые меры, не противоречащие внутреннему распорядку (поручение кому-либо из воспитателей повседневного наблюдения за подростком, ограничение возможности выхода из расположения учреждения, встреч с посторонними лицами и т. д.). Ответственности администрации закрытых детских учреждений за нарушение взятых на себя обязательств в связи с избранием меры пресечения ст. 394 УПК РСФСР не предусматривает. Однако представители администрации этих учреждений являются должностными лицами и в зависимости от характера и по-

следствий нарушения, допускаемого несовершеннолетним, отданным им под надзор, могут нести дисциплинарную или уголовную ответственность.

В процессуальной литературе было высказано по существу правильное мнение о том, что окончательное решение вопроса о возможности принять на себя обязательство о взятии под надзор несовершеннолетнего должно принадлежать учебно-воспитательному совету детского учреждения, собранию воспитанников и т. д., от имени которых выступает руководитель учреждения³⁰. Такой порядок повысит ответственность администрации, воспитателей, педагогов, мастеров, надзирателей, общественных организаций и советов колонии за надлежащее поведение воспитанника, обвиняемого в совершении преступления. Избрание этой меры пресечения должно самым серьезным образом способствовать положительному воспитательному воздействию на лиц, характер и нравственные качества которых еще только формируются.

Вместе с тем необходимо отметить, что в следственной практике отдача несовершеннолетнего под присмотр как мера пресечения применяется крайне редко³¹. В процессуальной литературе ряд авторов высказались за необходимость более широкого ее применения³². Соглашаясь с этим предложением, обращаем внимание на следующее. Обстоятельствами, способствующими совершению преступлений несовершеннолетними, являются, как правило, ненормальная обстановка в семье, наличие в ней антиобщественных нравов и взглядов, отсутствие авторитета родителей у детей, бесконтрольность подростков, плохая воспитательная работа в закрытом детском учреждении и т. д. Если родители, опекуны, попечители и администрация учреждения ранее не смогли оказать на несовершеннолетнего положительное воспитательное воздействие, то и при отдаче под присмотр они вряд ли справятся со взятыми обязательствами. Поэтому при избрании этой меры пресечения очень серьезно должен стоять во-

---

³⁰ См. Буряков А. Отдача несовершеннолетнего под присмотр как мера пресечения.— «Соц. законность», 1963, № 6.

³¹ Анализ судебно-следственной практики за 1972—1974 гг. по г. Воронежу свидетельствует о том, что указанная мера пресечения применялась только в 0,06% случаев.

³² См. Лившиц Ю. Д. Указ. соч., с. 63; Буряков А. Указ. соч., с. 45.

прос о реальности выполнения обязательств, возлагаемых на родителей, опекунов, попечителей и администрацию закрытых детских учреждений.

Наблюдение командования воинской части. В органах военной юстиции и в воинских подразделениях применяется специальная мера пресечения — наблюдение командования воинской части.

Согласно ст. 100 УПК РСФСР наблюдение командования воинской части за обвиняемым, являющимся военнослужащим, состоит в принятии мер, предусмотренных уставами Вооруженных Сил Союза ССР, для того, чтобы обеспечить надлежащее поведение и явку обвиняемого по вызовам лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда. Таким же образом решается этот вопрос в УПК БССР (ст. 96), в УПК УССР (ст. 163) и др. УПК Латвийской ССР (ст. 82) и Эстонской ССР (ст. 77) устанавливают, что на командовании лежит обязанность только обеспечить явку обвиняемого к следователю и суду. УПК Узбекской ССР (ст. 72) не раскрывает содержания данной меры пресечения. УПК Казахской ССР (ст. 69) указывает, что наблюдение командования применяется к лицам, «являющимся военнослужащими рядового состава».

Представляются наиболее правильными указания уголовно-процессуальных кодексов РСФСР, УССР и БССР о том, что наблюдение командования воинской части должно обеспечить своевременную явку и надлежащее поведение не только в смысле гарантий неуклонения от следствия и суда, но и в смысле подчинения определенному режиму. Наиболее точными представляются также указания тех УПК, которые позволяют применять наблюдение командования в отношении военнослужащих срочной службы, независимо от их воинского звания и служебного положения (см., в частности, ст. 88 УПК Киргизской ССР, ст. 82 УПК Латвийской ССР). Ст. 163 УПК УССР относит к категории военнослужащих солдат, матросов, сержантов и старшин срочной службы. Аналогичные указания дают УПК Киргизской ССР (ст. 88) и Латвийской ССР (ст. 82). Редакция ст. 100 УПК РСФСР не дает понятия категории военнослужащих, в связи с чем уступает в четкости формулировки вышеуказанным кодексам.

По точному смыслу ст. 100 УПК РСФСР данная мера

пресечения может применяться: 1) только к обвиняемым и 2) лишь к военнослужащим срочной службы.

Между тем п. 2 ст. 117 УПК РСФСР относит к органам дознания командиров воинских частей, соединений и начальников военных учреждений — по делам о всех преступлениях, совершенных военнообязанными во время прохождения ими учебных сборов. Отсюда вытекает, что в отношении этих лиц командиры воинских частей, соединений как органы дознания вправе применить меру пресечения в виде наблюдения командования воинской части³³.

Статья 117 УПК РСФСР указывает также, что командиры воинских частей, соединений, начальники учреждений ведут дознание по делам о преступлениях, совершенных лицами, работающими в воинских частях по вольному найму, если преступление связано с исполнением служебных обязанностей или совершено в расположении части, соединения, учреждения. Думается, что в отношении этих лиц нецелесообразно применять меру пресечения в виде наблюдения командования, потому что они не подчиняются нормам Устава Вооруженных Сил Союза ССР.

Военнослужащие, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано наблюдение командования воинской части, лишаются на время права ношения оружия, постоянно пребывают под наблюдением своих начальников или суточного наряда, не направляются на работу вне части в одиночном порядке, не назначаются в караул и другие ответственные наряды.

Постоянное наблюдение за военнослужащими со стороны начальников или суточного наряда исключает увольнение их за пределы части³⁴.

Избрание в качестве меры пресечения наблюдения командования воинской части для военнослужащих сержантского и старшинского состава срочной службы, находящихся на должностях командиров отделений, экипажей, оружейных расчетов и заместителей командиров взводов, влечет

---

³³ Общее, неточное указание закона (ст. 100 УПК РСФСР, ст. 96 УПК БССР) позволяет некоторым авторам сделать вывод, что данная мера пресечения не применяется к военнообязанным, даже в период прохождения ими военных сборов (см. Лившиц Ю. Д. Указ. соч., с. 68).

³⁴ См. Справочник по законодательству для работников органов прокуратуры, суда и Министерства внутренних дел. М., 1961, т. 1, с. 793—809; Общевоинские Уставы Вооруженных Сил СССР. М., 1972, с. 234.

определенные последствия по службе. Эти лица уже не могут выполнять функции по обучению и воспитанию своих подчиненных, так как сами существенно ограничены в правах, поэтому командование воинских частей должно сразу же решать вопрос об отстранении их от занимаемых должностей.

На основании ч. 2 ст. 100 УПК РСФСР, орган, избравший в качестве меры пресечения наблюдение командования воинской части, обязан сообщить письменно или устно командованию о сущности дела, по которому избрана данная мера пресечения. Об установлении наблюдения командование воинской части в письменной форме уведомляет орган, избравший данную меру пресечения.

Закон не содержит указаний об ответственности командования части за нарушение своих обязанностей. Этот вопрос решается в каждом конкретном случае, исходя из положений Устава Вооруженных Сил Союза ССР.

Залог. Часть 2 ст. 89 УПК РСФСР предусматривает возможность применения в качестве меры пресечения залога. При этом необходима санкция прокурора или определение суда. Согласно ст. 99 УПК РСФСР залог состоит в деньгах или ценностях, вносимых в депозит суда обвиняемым, подозреваемым либо другим лицом или организацией с целью обеспечения явки обвиняемого, подозреваемого по вызовам органов следствия или суда. Как видно из закона, при залоге определенная доля имущества или денежная сумма на некоторое время изымается из пользования залогодателя.

Залог представляет собой такую меру пресечения, которая опирается на экономическую заинтересованность в сохранении денежной суммы или ценностей и на моральные обязанности обвиняемого перед другими лицами или организацией, внесшими залог. Сумма залога определяется органом, избравшим эту меру пресечения, в соответствии с тяжестью обвинения, личностью обвиняемого, его имущественным положением, взаимоотношениями с залогодателем, личностью и положением залогодателя. Но сам залог, независимо от того, кем избрана мера пресечения, вносится в депозит суда, которому подсудно дело. В случае уклонения обвиняемого от следствия или суда, залог обращается в доход государства.

По содержанию ст. 99 УПК РСФСР залог направлен на достижение конкретной цели — обеспечение явки, неуклоне-

ние обвиняемого или подозреваемого от следствия и суда. Эта мера не преследует других целей, например, обеспечения гражданского иска. Поэтому определяется вне зависимости от размера иска, если таковой предъявлен.

Закон указывает, что кроме обвиняемого (подозреваемого) залог может быть внесен другими лицами или организацией, но точных указаний в отношении того, кто подразумевается под этими лицами и организациями, не содержит. Поэтому следует считать, что любое лицо, которое пожелает и в состоянии это сделать, может внести залог за обвиняемого. Однако, поскольку внесение залога посторонним лицом предполагает необходимость обеспечения надлежащего поведения обвиняемого на период предварительного следствия и судебного рассмотрения дела, выбор залогодателя не может всецело зависеть от обвиняемого. Лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, суд должны дать свое согласие на принятие залога от того или иного лица или нескольких лиц, предварительно выяснив их моральный облик с тем, чтобы предотвратить возможное злоупотребление данной мерой пресечения. Иное решение этого вопроса превратит залог в простой откуп от обязанности надлежащего поведения.

Кроме обвиняемого (подозреваемого), отдельного лица (лиц), залогодателем могут быть организации, в число которых не должны входить ни общественные³⁵, ни государственные организации³⁶, так как они не вправе использовать свои средства помимо их целевого назначения. К числу организаций, могущих стать залогодателем, следует отнести религиозные организации (их предприятия, учреждения и учебные заведения), существование которых допускается по советскому законодательству и которые в установленном законом порядке зарегистрированы. Сюда также следует отнести организации, учреждения, миссии иностранных государств, находящиеся на территории нашей страны и осуществляющие деятельность, допускаемую законодательством СССР. Представляется, что эти организации могут вносить залог для обеспечения надлежащего поведения и явки по вызову следственных и судебных органов иностранных гражд-

³⁵ См. Устав профессиональных союзов СССР. М., 1968, с. 55; Комментарий к Примерному Уставу колхоза. М., 1972, с. 72.

³⁶ См. Комментарий к положению о социалистическом государственном производственном предприятии. М., 1968, с. 100.

дан или лиц без гражданства, обвиняемых в совершении преступлений на территории нашей страны.

Как и всякая мера пресечения, залог состоит в обязательстве обвиняемого (подозреваемого) вести себя надлежащим образом и не уклоняться от следствия и суда. Если залогодателем являются иное лицо или организация, то они возлагают на себя обязательства обеспечить надлежащее поведение и неуклонение обвиняемого (подозреваемого) от следствия и суда. Гарантией выполнения обязательств при залоге служит опасность потери, отчуждения залоговой массы, принадлежащей обвиняемому или другим лицам или организациям, добровольно отданной в распоряжение государства на период времени, в течение которого действует данная мера пресечения. По истечении этого времени залоговая масса возвращается их владельцу.

Если залогодателем является не сам обвиняемый, а другое лицо или организация, то они должны быть поставлены в известность о сущности дела, по которому избирается данная мера пресечения, об ответственности, могущей наступить в случае невыполнения обязательств. Закон не устанавливает порядок выполнения залогодателем обязательств по явке обвиняемого. По нашему мнению, он сходен с порядком выполнения своих обязательств личным поручителем. Если залогодателем является не обвиняемый, а иное лицо или организация, заинтересованные в сохранении залоговой массы, то представляется целесообразным одновременно с вызовом обвиняемого сообщать об этом залогодателю.

Статья 99 УПК РСФСР не предусматривает автоматического обращения в доход государства залоговой массы по постановлению органов дознания или предварительного следствия, а отсылает к ст. 304 УПК РСФСР, определяющей порядок этого обращения, который, в свою очередь, регламентируется ст. 328 УПК РСФСР. Суд рассматривает указанный вопрос по своей инициативе или на основании представления органов следствия. Вопрос об обращении залога в доход государства может возникнуть в тех случаях, когда явку обвиняемого нельзя обеспечить вызовом или приводом, т. е. в тех случаях, когда он скрывается.

Уклонение обвиняемого должно быть подтверждено конкретными данными. Обращение в доход государства залоговой массы разрешается судом в распорядительном заседании с вызовом залогодателя для дачи объяснений. Если за-

логодатель докажет, что уклонение обвиняемого от явки по вызову имело место по причинам, от него не зависящим, и предотвратить такое уклонение ни своими средствами, ни путем обращения к органам власти он не мог или принял меры к обнаружению уклоняющегося, то в этом случае суд вправе своим определением освободить залогодателя от ответственности.

• **Предварительное заключение под стражу.** Оно является наиболее строгой мерой пресечения в отношении обвиняемого, подсудимого, а также подозреваемого в связи с совершением преступления, за которое по закону может быть назначено наказание в виде лишения свободы. Порядок предварительного заключения распространяется также на содержащихся под стражей осужденных, приговоры в отношении которых не вступили в законную силу. На практике предварительное заключение под стражу имеет самое широкое применение³⁷.

При заключении под стражу обвиняемый лишается свободы на определенный законом срок, изолируется от общества и испытывает другие ограничения своих личных прав. Применение данной меры пресечения влечет за собой особые последствия — зачет предварительного заключения в наказание лишением свободы, исправительными работами, направлением в дисциплинарный батальон, а также при осуждении к ссылке или высылке³⁸ (ст. 47 УК РСФСР). В соответствии с указаниями ст. 75 УПК Казахской ССР, ст. 97 УПК Туркменской ССР, указаниями Генерального Прокурора СССР³⁸ у обвиняемого изымаются ордена, медали и документы к ним.

В соответствии со ст. 177 положения о порядке назначения и выплаты государственных пенсий, в случае заключения пенсионера под стражу выплата пенсий приостанавливается³⁹. Лицам, находящимся под стражей, запрещается иметь при себе деньги и ценные вещи, а также предметы, ко-

---

³⁷ Анализ судебно-следственной практики г. Воронежа за 1972—1974 гг. свидетельствует о том, что применение данной меры пресечения составило примерно 50% от общего количества возбужденных уголовных дел.

³⁸ См. Сборник действующих приказов и инструкций Генерального Прокурора СССР, М., 1966, с. 200—202.

³⁹ Бюллетень текущего законодательства за август 1956 г. М., 1956, с. 93.

торые не разрешено хранить в местах предварительного заключения. Время ежедневных прогулок и количество свиданий с родственниками и близкими ограничены. Лица, заключенные под стражу, имеют право пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью только один час, а беременные женщины и женщины, имеющие при себе детей, а также несовершеннолетние — до двух часов. Свидание с родственниками разрешается не более одного раза в месяц, продолжительностью от одного до двух часов⁴⁰.

• Местами предварительного заключения взятых под стражу подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных до вступления приговора в законную силу являются следственные изоляторы. В отдельных случаях эти лица могут содержаться в тюрьме, камере предварительного заключения или на гауптвахте. В соответствии с ч. 2 ст. 4 Положения о предварительном заключении под стражу арестованные в камерах предварительного заключения могут содержаться не более трех суток. Если доставка заключенных в следственный изолятор невозможна из-за отдаленности и по иным причинам, устанавливается более длительный срок, но он не должен превышать 30 суток (ст. 96² УПК РСФСР). В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета ССР от 31 октября 1969 года этот срок не должен превышать 10 суток. А в Таджикской ССР Указом Президиума Верховного Совета от 26 февраля 1970 года установлено, что заключенные под стражу могут содержаться в камере предварительного заключения до 20 суток⁴¹.

Порядок содержания военнослужащих, заключенных под стражей на гауптвахте, определяется уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил СССР, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 августа 1963 года. На гауптвахте могут содержаться военнослужащие, арестованные следственными органами, но не свыше 20 суток. В тех исключительных случаях, когда места заключения находятся на большом удалении, на гауптвахте разрешается содержать следственных арестованных в течение всего срока следствия⁴². Военнослужащие, которые чис-

⁴⁰ Справочник по законодательству для работников органов прокуратуры, суда и Министерства внутренних дел. М., 1971, т. 2, с. 139—140.

⁴¹ Комментарий к Положению о предварительном заключении под стражу. М., 1971, с. 22—23.

⁴² Общевоинские Уставы Вооруженных Сил. М., 1973.

лятся за судом, могут содержаться под стражей на гауптвахте не свыше 10 суток. Кроме того, в соответствии со ст. 14 Положения о дисциплинарном батальоне в Вооруженных Силах СССР осужденные военным трибуналом с направлением в дисциплинарный батальон содержатся на гауптвахте до вступления приговора в законную силу, а осужденные к лишению свободы — до получения копии приговора⁴³.

Согласно ч. 1 ст. 4 Положения о предварительном заключении под стражу, те заключенные, которые отбывают наказание в местах лишения свободы и привлекаются к уголовной ответственности за совершение другого преступления, и если в отношении их избрана мера пресечения — заключение под стражу, могут содержаться в штрафном или дисциплинарном изоляторе исправительно-трудовой колонии. Эти лица содержатся в соответствии с правилами Положения о предварительном заключении под стражу, за исключением правил о получении посылок и передач и о покупке продуктов питания и предметов первой необходимости. В этой части сохраняют действия правила, существующие для данного вида колоний.

Уголовно-процессуальным законодательством установлены предельные сроки предварительного содержания обвиняемого под стражей. В связи с этим Генеральный Прокурор СССР обязал соответствующих прокуроров «...допускать продление сроков содержания обвиняемых под стражей лишь по особо сложным делам, требуя всякий раз объяснения причины нарушения сроков, в каждом случае проверять, как организовано следствие, обеспечить действенный контроль за дальнейшим расследованием, ... разбираться в причинах каждого случая волокиты в расследовании и незаконного содержания обвиняемых под стражей, повышать требовательность и строго взыскивать с виновников этих нарушений»⁴⁴. Во всех случаях продления срока содержания под стражей свыше шести месяцев, вопрос об этом предварительно обсуждается на заседаниях коллегий или оперативных совещаниях прокуратуры республики, края, области с вызовом следователей, ведущих расследование по делу, и прокурора, осуществляющего надзор за следствием. Ходатайства следователей органов внутренних дел о продлении сроков следст-

⁴³ Общевоинские Уставы Вооруженных Сил СССР. М., 1972, с. 342.

⁴⁴ Сборник действующих приказов и инструкций Генерального Прокурора СССР. М., 1971, с. 199.

вия и содержания обвиняемых под стражей свыше шести месяцев должны рассматриваться прокурорами республик после обсуждения на заседаниях коллегий управлений внутренних дел⁴⁵.

Как мы уже отмечали выше, заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется только с санкции прокурора или по определению суда. Однако в отдельных случаях, помимо санкции прокурора, требуется согласие высшего органа государственной власти СССР или РСФСР. Так, ст. 63 Закона о судеустройстве РСФСР и ст. 36 Основ законодательства о судеустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик устанавливают, что народные судьи, председатели, заместители председателей и члены краевых, областных, городских судов, судов автономных областей, национальных округов, а также Верховных судов автономных республик не могут быть арестованы без согласия Президиума Верховного Совета РСФСР; председатель, заместители председателя, члены и народные заседатели Верховного Суда РСФСР — без согласия Верховного Совета РСФСР, а в период между сессиями — Президиума Верховного Совета РСФСР. Председатель, заместитель председателя и члены Верховного Суда СССР, а также народные заседатели Верховного Суда СССР не могут быть арестованы без согласия Верховного Совета СССР, а в период между сессиями — Президиума Верховного Совета СССР; председатели, заместители председателей и члены военных трибуналов — без согласия Президиума Верховного Совета СССР.

В целях обеспечения депутатской неприкосновенности, согласно ст. 52 Конституции СССР, депутат Верховного Совета СССР не может быть арестован без согласия Верховного Совета СССР, а в период между сессиями Верховного Совета — без согласия Президиума Верховного Совета СССР. Депутат Верховного Совета союзной республики не может быть подвергнут аресту без согласия Верховного Совета союзной республики, а в период между сессиями — Президиума Верховного Совета. Депутат Верховного Совета автономной республики на всей территории союзной республики не может быть арестован без согласия Верховного Совета автономной республики, а в период между его сессиями — без согласия Президиума Верховного Совета авто-

⁴⁵ Там же, с. 195—197.

номной республики. Депутат краевого, областного Совета, Совета автономной области, национального округа, городского, районного, поселкового, сельского Совета депутатов трудящихся не может быть на территории этого Совета арестован без согласия соответствующего органа, а в период между сессиями — без согласия его исполнительного комитета.

УПК Украинской ССР (ст. 161), Грузинской ССР (ст. 90), Азербайджанской ССР (ст. 93), Литовской ССР (ст. 107), Латвийской ССР (ст. 78) и Эстонской ССР (ст. 75) содержат указание об обязательном направлении копии постановления об аресте в Министерство иностранных дел союзной республики, если арестованный является подданным иностранного государства. Прокуратура СССР, Министерство внутренних дел СССР, Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР, Министерство иностранных дел СССР утвердили Инструкцию «О порядке извещения посольств и консульств о задержаниях и арестах граждан представляемого ими государства, а также о порядке посещения консульскими должностными лицами и сотрудниками посольств арестованных и осужденных граждан»⁴⁶. Инструкция устанавливает, что посольства и консульства иностранных государств извещаются о задержаниях и арестах граждан представляемого ими государства в срок не позднее трех дней со времени задержания или ареста. Руководитель органа, осуществляющего задержание или арест иностранного гражданина, немедленно сообщает об этом по телефону, телеграфу Генеральному Прокурору СССР, в Министерство внутренних дел СССР и Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР. Извещение о задержании или аресте иностранного гражданина прокуратурой СССР направляется в Министерство иностранных дел СССР, которое доводит полученную информацию до посольства или консульства соответствующего иностранного государства. Не могут быть подвергнуты задержанию или аресту в соответствии со ст. 12 Положения о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории СССР глава дипломатического представительства и члены дипломатического персонала предста-

---

⁴⁶ Там же, с. 361—365.

вительства, которые пользуются личной неприкосновенностью⁴⁷.

В соответствии с советским законодательством солдаты и матросы могут быть арестованы за совершение воинского преступления, кроме дезертирства, только с согласия командира части, командира отдельной воинской части, командира корабля второго ранга. В случае совершения воинского преступления солдатом или матросом вне дислокации части, они подвергаются аресту с согласия ближайшего начальника гарнизона, пользующегося правом не ниже командира части. Сержанты, старшины и сверхсрочно служащие могут быть арестованы за совершение воинских преступлений с согласия командира соединения (командира корабля первого ранга). Для избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу за воинские преступления в отношении мичманов и прапорщиков требуется согласие командующего войсками округа ПВО, командующего группы войск или командующего флотом.

Офицеры могут быть арестованы за совершение воинских преступлений, кроме дезертирства, только с согласия Министра обороны СССР. Генералы и адмиралы в случае совершения ими преступлений привлекаются к уголовной ответственности и заключаются под стражу по решению Генерального Прокурора СССР, согласованному с Советом Министров СССР. Такой же порядок заключения под стражу военнослужащих распространяется на лиц рядового состава, а также прапорщиков, офицеров и генералов войск и органов Государственной безопасности, войск и внутренней конвойной охраны МВД СССР.

Не требуется согласия командования для ареста военнослужащего, совершившего общеуголовное преступление, а также дезертирство. Военные прокуроры при этом только лишь уведомляют командование об избранной мере пресечения. В том случае, когда командир не дает согласия на арест военнослужащего, а военный прокурор считает это решение неправильным, окончательное разрешение этого вопроса принадлежит вышестоящему командиру.

Предварительное заключение под стражу несовершеннолетнего применяется только в исключительных случаях (ст.

---

⁴⁷ См. Справочник по законодательству для работников органов прокуратуры, суда и Министерства внутренних дел. М., 1971, т. 1, с. 743.

393 УПК РСФСР). Оно допускается лишь тогда, когда необходимость его обуславливается тяжестью содеянного. Кроме того, нужно, чтобы по совокупности обстоятельств, характеризующих содеянное (условия жизни и воспитания, среда, особенности личности и поведения подростка), предварительное заключение под стражу было единственно возможной мерой. На необходимость крайне осторожного, внимательного и вдумчивого подхода к решению вопроса о предварительном заключении под стражу несовершеннолетних правонарушителей неоднократно обращалось внимание в руководящих указаниях Генерального Прокурора СССР, Верховного Суда Союза ССР и Верховного Суда РСФСР⁴³.

Положение о предварительном заключении под стражу устанавливает особый режим содержания несовершеннолетних. Они содержатся отдельно от взрослых и только в исключительных случаях с санкции прокурора в камерах, где находятся несовершеннолетние, допускается содержание взрослых (ст. 8 Положения). При злостном нарушении режима несовершеннолетние по мотивированному постановлению начальника места предварительного заключения могут быть водворены в карцер на срок только до пяти суток (ст. 15 Положения). При побеге из-под стражи несовершеннолетних применение оружия не допускается (ст. 17 Положения). Эти правила продиктованы заботой об интересах несовершеннолетних и возможностью их перевоспитания без излишних репрессивных мер.

При применении предварительного заключения под стражу всегда следует учитывать, что данная мера пресечения тесно связана с обеспечением принципа неприкос-

⁴³ См., например, приказы Генерального Прокурора от 14 июля 1956 г. № 83 «Об усилении прокурорского надзора по делам несовершеннолетних»; от 30 июня 1962 г. № 53 «О мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности органов прокуратуры в борьбе с преступностью и нарушениями законности»; Методическое указание Генерального Прокурора СССР от 2 января 1963 г. «Об организации прокурорского надзора по делам несовершеннолетних»; Указание заместителя Генерального Прокурора СССР «О применении мер пресечения к несовершеннолетним» от 26 сентября 1968 г. (Сборник действующих приказов и инструкций Генерального Прокурора СССР. М., 1971); постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 26 мая 1965 г. № 27 «О недостатках в работе судов по рассмотрению уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних и гражданских дел, возникающих из трудовых правоотношений подростка» и др. (См. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР. 1961—1971. М., 1972, с. 73—77).

новенности личности. Поэтому совершенно недопустимы факты необоснованного ареста граждан, которые еще имеют место в работе судебно-следственных органов⁴⁹. Такие нарушения уголовно-процессуального закона сами по себе являются преступлением против правосудия и влекут за собой применение санкции к должностным лицам, допустившим их (ст. 178 УК РСФСР). Вместе с тем не отвечают требованию успешного осуществления социалистического правосудия случаи безосновательного отказа прокурорами санкций на арест обвиняемых, совершивших тяжкие преступления. Это приводит к тому, что общественно опасные лица, оставаясь на свободе, совершают новые тяжкие преступления.

УПК РСФСР не содержит указания на то, что лица, избравшие предварительное заключение под стражу, должны сообщить об этом по месту работы и жительства обвиняемого (подозреваемого). УПК других союзных республик содержит такое указание (например, ст. 94 УПК БССР). Уведомление должно направляться, как правило, в кратчайшие сроки и в письменной форме. Учитывая это, УПК Азербайджанской ССР устанавливает, что сообщение о предварительном заключении должно быть направлено в течение не более трех суток (ст. 93). Полагаем, что правило об обязанности сообщать об аресте подозреваемого или обвиняемого необходимо распространить на территории тех союзных республик, в том числе и РСФСР, УПК которых его не содержат.

---

⁴⁹ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1962, № 6, с. 3—4; «Коммунист», 1963, № 1, с. 59; «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1965, № 9, с. 16.

ИНЫЕ ВИДЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ¹

§ 1. Привод

Для успешного расследования преступлений и изобличения виновных недостаточно одной активной деятельности органов государства, уполномоченных на эту деятельность. Необходимо также участие обширного круга лиц, с помощью которых происходит исследование обстоятельств преступления. Такими лицами являются: обвиняемый, то есть лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении к уголовной ответственности; потерпевший, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред; свидетель, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению по данному делу; лицо, обладающее специальными познаниями в науке, технике, искусстве, ремесле, необходимыми для выяснения обстоятельств дела, то есть эксперт, и другие лица. Для участия указанных лиц в процессе и активизации их деятельности лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, суд, наделены правом вызова их к себе. Явка по вызову в следственно-судебные органы лиц, самим фактом преступления и силой сложившихся обстоятельств втянутых в процесс доказывания, является их моральным долгом и процессуальной обязанностью. В случае неявки без уважительной причины и уклонения от выполнения процессуальных

¹ Из-за ограниченности объема работы, в данной главе мы остановимся на некоторых, наиболее репрессивных видах уголовно-процессуального принуждения.

обязанностей лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, суд вправе подвергнуть их принудительному приводу.

Возникает закономерный вопрос, с какого момента вступает в действие сила государственного принуждения, с момента ли вызова указанных лиц в следственно-судебные органы или с момента возникновения необходимости в их приводе? Представляется, что принудительным действием является не вызов, а привод в случае неявки по неуважительным причинам². Сам вызов нужно рассматривать как напоминание о гражданском долге и о времени его исполнения. Вызовом следователь и суд ставят в известность определенное лицо о том, что необходимо его участие в процессе. Вызов следует оценивать не как самостоятельное процессуальное действие, а как прелюдию к проведению процессуального действия с участием вызываемого. Потенциально право на принуждение возникает в момент неявки вызываемого к определенному в повестке сроку, а реализация принуждения начинается с момента принятия решения о приводе.

Закон определяет порядок вызова обвиняемого, свидетеля, потерпевшего. В ст. 145 УПК РСФСР говорится о том, что обвиняемый, находящийся на свободе, вызывается к следователю повесткой, которая вручается ему под расписку с указанием времени вручения. Повестка может быть передана также телефонограммой или телеграммой. В случае временного отсутствия обвиняемого повестка для передачи ему вручается под расписку кому-либо из совместно с ним проживающих взрослых членов семьи, домоуправлению или администрации по месту его работы, а также исполнительному комитету сельского или поселкового Совета депутатов трудящихся.

В повестке, которой вызывается обвиняемый, должно быть указано, кто вызывается в качестве обвиняемого, куда и к кому, день и час явки, а также последствия неявки. Обвиняемый, находящийся под стражей, вызывается через администрацию места заключения.

Для вызова несовершеннолетнего обвиняемого закон

² В процессуальной литературе было высказано иное мнение, согласно которому вызов для дачи показаний и заключений свидетелей и экспертов имеет принудительный характер, относится к мерам принуждения, обеспечивающим получение средств доказывания (см. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1962, с. 223).

предусматривает особый порядок. Вызов к следователю и в суд несовершеннолетнего производится, как правило, через родителей или других законных представителей. Определяя особый порядок вызова несовершеннолетнего обвиняемого, закон исходит из возрастных особенностей несовершеннолетнего и из обязанности следователя обеспечить законному представителю реальную возможность осуществления его прав и обязанностей в судопроизводстве.

Вызов свидетеля и потерпевшего осуществляется по правилам ст. 155 УПК РСФСР. Свидетель и потерпевший вызываются повесткой, которая направляется по почте или с нарочным. Повестка может быть передана также телефонограммой, адресованной должностному лицу по месту работы или жительства свидетеля, потерпевшего, или передана телеграммой с подписью следователя, заверенной учреждением связи.

Повестка вручается под расписку свидетелю, потерпевшему, а в случае их временного отсутствия кому-либо из взрослых членов семьи или домоуправлению, администрации по месту работы свидетеля, потерпевшего, исполнительному комитету сельского или поселкового Совета депутатов трудящихся. В случае отказа свидетеля или потерпевшего от получения повестки или от подписи, лицо, вручившее повестку, делает отметку об этом в соответствующем документе и возвращает его следователю. Неявка в этом случае приравнивается по своим последствиям к неявке при получении повестки в обычном порядке.

Статья 156 УПК РСФСР предусматривает порядок вызова свидетеля, не достигшего шестнадцатилетнего возраста. В этом случае вызов свидетеля производится через его родителей или иных законных представителей. Лишь в случаях, когда этого требуют обстоятельства дела, допускается иной порядок вызова: через администрацию учебного заведения, непосредственным уведомлением несовершеннолетнего и так далее.

Прежде чем принять решение о приводе, лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, суд должны убедиться в том, что причина неявки лица не может быть признана уважительной, и лишь после этого вынести мотивированное постановление или определение о приводе. Уголовно-процессуальный закон допускает применение привода по отношению к свидетелю, эксперту, потерпевшему только после пред-

варительного вызова этих лиц и неявки их по неуважительным причинам.

Статья 147 УПК РСФСР предусматривает два случая привода обвиняемого: а) без предварительного вызова; б) после неявки по вызову без уважительной причины. Обвиняемый может быть подвергнут приводу без предварительного вызова только в тех случаях, когда он скрывается от следствия или не имеет определенного места жительства (ч. 2 ст. 147 УПК РСФСР). Принятию решения о приводе по мотиву неявки обвиняемого без уважительной причины должна предшествовать проверка причин неявки.

Какова же процессуальная природа указанного вида принуждения? В процессуальной литературе привод определяется как «принудительное доставление какого-либо лица в суд или к следователю и лицу, производящему дознание, в случае отказа этого лица выполнить предъявленное ему письменное требование суда или следователя о немедленной явке»³ или как мера процессуального принуждения, которая, согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, может быть применена в отношении обвиняемых, подсудимых, свидетелей, экспертов, понятых и переводчиков, в случае невыполнения ими соответствующих обязанностей⁴.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством РСФСР привод может быть применен в отношении свидетеля (ч. 2 ст. 73 УПК РСФСР), потерпевшего (ч. 3 ст. 75 УПК РСФСР), эксперта (ч. 3 ст. 82 УПК РСФСР), обвиняемого (ст. 147 УПК РСФСР), подсудимого (ст. 247 УПК РСФСР). Согласно ст. 135 УПК Грузинской ССР может быть подвергнут приводу и переводчик с одновременным привлечением его к уголовной ответственности по ст. 198 УК Грузинской ССР за уклонение от явки или от исполнения своих обязанностей. УПК Латвийской ССР предусматривает привод понятого. Статья 139 данного УПК гласит: «В случае отказа понятых от исполнения их обязанностей или от явки, к ним могут быть применены те же меры, что и в отношении свидетелей», то есть при неявке понятого без уважительных причин органы дознания и следователь вправе подвергнуть неявившегося приводу с привлечением

³ Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1962, с. 229.

⁴ См. Лившиц Ю. Д. Меры процессуального принуждения в советском уголовном процессе. Автореф. канд. дисс. М., 1958, с. 13.

его к уголовной ответственности за отказ от исполнения своих обязанностей в порядке, предусмотренном ст. 54 УПК Латвийской ССР.

Нормы Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 года также предусматривали привод понятых и переводчика. В действующем УПК РСФСР привод переводчика заменен мерами общественного воздействия или наложением денежного взыскания в размере до 10 рублей при уклонении переводчика от явки или исполнения своих обязанностей (ч. 2 ст. 57 УПК РСФСР). Действующий УПК РСФСР отказался также от применения привода в отношении понятого. Такое решение представляется разумным, так как вызов понятого в большинстве случаев не терпит отлагательства, а применение привода к этим лицам требует определенного времени.

Следует согласиться с мнением М. Ю. Рагинского, который считает, что в случаях отказа понятого от выполнения своих обязанностей следователь может сообщить общественной организации или коллективу, в котором состоит гражданин, вызванный для участия в качестве понятого, о том, что тот уклонился от выполнения своего гражданского долга⁵. В воспитательных целях к данному лицу могут быть применены коллективом меры общественного воздействия.

Ранее уже отмечалось, что основанием привода в отношении свидетелей, потерпевших, экспертов, обвиняемых, подсудимых является неявка этих лиц без уважительной причины по вызову следователя, лица, производящего дознание, прокурора, суда. К уважительным причинам ст. 146 УПК РСФСР относит: 1) болезнь обвиняемого; 2) несвоевременное получение обвиняемым повестки; 3) иные обстоятельства, лишаящие обвиняемого возможности явиться в назначенный срок.

Болезнь, лишаящая обвиняемого возможности явиться, должна быть удостоверена врачом, работающим в медицинском учреждении. Несвоевременное получение обвиняемым повестки удостоверяется отметкой на повестке или объяснением лица, получившего повестку для вручения обвиняемому. К иным обстоятельствам, лишаящим обвиняемого возможности явиться в назначенный срок, могут быть отнесе-

---

⁵ Рагинский М. Ю. Комментарий к ст. 135 УПК РСФСР.— В кн.: Научно-практический Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. М., 1965, с. 221.

ны нарушения движения транспорта, стихийное бедствие (пожар, наводнение и т. д.), болезнь члена семьи при невозможности поручить кому-либо уход за больным и т. д.

Дать исчерпывающий перечень как уважительных, так и неуважительных причин неявки не представляется возможным. В каждом отдельном случае этот вопрос решается соответственно органом дознания, следствия или судом в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

Уважительными причинами неявки свидетеля, эксперта, потерпевшего следует признать те же причины, которые закон считает уважительными при неявке обвиняемого.

Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР (ст. 147), Молдавской ССР (ст. 129), Армянской ССР (ст. 161) запрещают привод обвиняемого в ночное время, кроме случаев, не терпящих отлагательства. Понятие ночного времени дает п. 15 ст. 34 УПК РСФСР, который устанавливает, что ночным временем считается время от 22 до 6 часов по местному времени. Случаями, не терпящими отлагательства, считаются ситуации, при которых промедление в получении и проверке объяснений обвиняемого может привести к утрате или фальсификации важных документов, помешать задержанию соучастников, пресечению новых преступных действий и т. д.

Нужно полагать, что запрещение привода в ночное время обвиняемого распространяется и на других лиц, к которым может быть применена данная мера процессуального принуждения.

Привлекает к себе внимание то обстоятельство, что ни один УПК союзной республики не предусматривает возможности привода подозреваемого. В этом нет необходимости, когда подозреваемый задержан или к нему в качестве меры пресечения применено предварительное заключение под стражу. Но она может возникнуть, когда к указанному лицу применена любая иная мера пресечения. На практике, прежде чем видоизменить меру пресечения, осуществляется привод. Представляется нелогичным отказывать в праве применения этого вида принуждения, когда законодатель допускает возможность использования к подозреваемому более репрессивных средств воздействия.

Хотя в законе нет указаний о возможности физического воздействия при осуществлении привода, но его принуди-

тельность предполагает право лиц, исполняющих постановление (согласно ст. 147 УПК РСФСР) или определение о приводе, силой доставлять лиц, отказывающихся подчиниться добровольно.

На основании изложенного можно сделать следующий вывод. Привод — это мера процессуального принуждения, заключающаяся в принудительном доставлении обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, подсудимого к лицу, производящему дознание, следователю, прокурору или в суд, в случае их неявки без уважительной причины по вызову, с целью обеспечения производства следственных или судебных действий.

§ 2. Задержание подозреваемого

✓ Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, является одной из широко применяемых мер процессуального принуждения. Оно затрагивает личную свободу и неприкосновенность граждан, гарантируемую Конституцией СССР. Поэтому применение задержания требует строжайшего соблюдения социалистической законности, которое предполагает четкое понимание юридической природы, оснований и порядка задержания. ✓

По смыслу ст. 122 УПК РСФСР, для задержания подозреваемого органы дознания и следователь должны располагать обоснованными данными, указывающими на конкретное лицо как на совершившее преступление; данными, свидетельствующими о характере совершенного преступления, и сведениями, позволяющими судить о личности подозреваемого. При наличии любого из предусмотренных ст. 122 УПК РСФСР оснований орган дознания или следователь вправе задержать подозреваемого.

М Представляется правильным высказанное в процессуальной литературе мнение о том, что наличие любого из оснований, предусмотренных ст. 122 УПК РСФСР, не влечет автоматически задержания подозреваемого⁶. Необходимость задержания обуславливается наличием цели, для достижения которой применяется этот вид принуждения. Возможна

⁶ См. Бекешко С. П., Матвиенко Е. А. Подозреваемый в советском уголовном процессе. Минск, 1969, с. 88. Противоположное мнение высказано В. Роциным (см. Роцин В. Задержание подозреваемого. — «Советская милиция», 1961, № 8, с. 76).

такое положение, когда очевидцы и потерпевший укажут на подозреваемого как на совершителя преступления, или у него будут обнаружены орудия преступления, или он будет застигнут в момент совершения преступления, однако немедленное задержание его не представляется необходимым. При наличии оснований задержание производится тогда, когда требуется пресечь преступную деятельность или попытки помешать установлению истины, или воспрепятствовать уклонению от следствия, а также для установления личности подозреваемого (цели задержания). При решении вопроса о задержании, если имеются к тому основания, право следователя автоматически не превращается в обязанность, потому что необходимость его применения диктуется наличием целей, достижение которых пресекает соответствующее поведение задержанных. Следовательно, принятие решения о задержании превращается в обязанность компетентных органов при наличии оснований в виде доказательств совершения преступления определенным лицом и целей, делающих применение этого вида принуждения законным и целесообразным.

Согласно требованиям ст. 122 УПК РСФСР задержание сопровождается составлением протокола с указанием мотивов и оснований. Основания перечислены в законе, а понятие мотива задержания ни ст. 122 УПК РСФСР, ни другие нормы Уголовно-процессуального кодекса не раскрывают. На практике под мотивами понимаются цели, обуславливающие задержание⁷.

Мотивы задержания, бесспорно, предполагают целевую направленность данного процессуального действия. В связи с этим возникает сомнение в четкости используемой законодателем терминологии. Мотив — это внутреннее побуждение, вызывающее намерение лица совершить те или иные действия. Поэтому понятие мотива охватывает лишь представление о побуждениях, источниках активности личности, побуждающих к действию. Но как известно из психологии, субъективной причине действия в виде его мотива всегда соответствует в волевом поведении определенная цель действия. Хотя мотив и цель тесно связаны, они не совпадают между собой и в правовом употреблении должны различаться как

⁷ На это указывают и другие авторы. См., например, Шешуков М. П. Подозреваемый по УПК Латвийской ССР.— «Правоведение», 1971, № 3, с. 67.

самостоятельные понятия. Это положение нашло отражение в уголовно-правовом законодательстве, где мотив и цель определяются не в одном, а в двух присущих им понятиях. В сфере уголовно-процессуального регулирования следует также обозначать их двумя самостоятельными терминами, а не подразумевать одно под другим. Под требованием ст. 122 УПК РСФСР об указании мотива задержания имеется в виду не субъективная причина действия следователя как мотива его волевого поведения, а определенная цель действия, которая достигается с помощью задержания подозреваемого. Другое понимание требований ст. 122 УПК РСФСР привело бы к выводу, что деятельность следователя и органа дознания может носить субъективный характер, вытекать из личных намерений и интересов, что противоречит принципам, лежащим в основе деятельности указанных органов, и общегосударственным задачам, на достижение которых она направлена.

Иное положение складывается в случае совершения следователем неправомерного действия, например, незаконного задержания. Оно направлено не на достижение задач уголовного судопроизводства и подрывает авторитет социалистического правосудия, грубо нарушает социалистическую законность. Но поскольку умысел следователя направлен не прямо на подрыв авторитета социалистического правосудия (этого результата он достигает своими действиями помимо воли), то мы вправе говорить здесь о внутренних побудительных мотивах совершения им незаконного задержания. Мотив совершения следователем противоправного действия имеет в этом случае уголовно-правовое, а не уголовно-процессуальное значение. В основе незаконного задержания лежат низменные внутренние побуждения лица, совершившего задержание, а не высокие цели борьбы с преступностью, к которым он должен был стремиться в своей деятельности.

На практике часто вместо изложения требуемых ст. 122 УПК РСФСР оснований и мотивов задержания в протоколе ограничиваются указанием: «задержан за хулиганство», «подозревается в совершении убийства», «за кражу» и тому подобное. Это свидетельствует не только о недобросовестности составителей протокола, отсутствии фактических данных, подтверждающих правомерность задержания, или о чисто тактических соображениях, исключающих возможность преждевременной информации подозреваемого, но и нечеткости

самого закона, который не определяет, что признается правомерным мотивом задержания. Практическим работникам трудно уяснить себе смысл требования о приведении в протоколе мотивов задержания и отграничить их от оснований задержания. Никаких более или менее полезных рекомендаций по этому вопросу нет и в процессуальной литературе, так как одни авторы мотивы задержания сводят к основаниям задержания⁸, а другие к целям⁹. «Мотивы задержания — это те конкретные факты, конкретные обстоятельства, которые обуславливают необходимость задержания данного лица, свидетельствуют о правомерности его задержания в данном случае»¹⁰. Именно конкретные факты, свидетельствующие о характере совершенного преступления и личности подозреваемого, указывающие на конкретное лицо как на совершившее преступление и обуславливающие необходимость его задержания, по смыслу ч. 1 ст. 122 УПК РСФСР и являются основанием к задержанию.

По мнению В. А. Стрёмовского, «мотивами задержания может быть необходимость: 1) помешать подозреваемому скрыться от органов дознания или предварительного следствия; 2) не дать возможности подозреваемому закончить преступление или продолжить преступную деятельность; 3) не дать возможности подозреваемому помешать установлению объективной истины по делу; 4) произвести первоначальные неотложные следственные действия, направленные на обнаружение и закрепление следов преступления»¹¹, то есть то, что в общепринятом смысле относится к целям задержания. Думается, что происходящая путаница мотивов, оснований и целей применения задержания в правовой теории и практике объясняется несовершенством формулировки закона, вводящей не имеющий практического смысла термин «мотивы задержания». В силу этого представляется необходимым

⁸ См. Научно-практический Комментарий к Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. М., 1960, с. 185.

⁹ См. Гуткин И. М. Основания и порядок задержания подозреваемого. — В кн.: Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства в стадии предварительного расследования. М., 1962, с. 62; Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 167—168.

¹⁰ Бекешко С. П., Матвиенко Е. А. Подозреваемый в советском уголовном процессе. Минск, 1969, с. 98—99.

¹¹ Стрёмовский В. А. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе. Ростов, 1966, с. 94.

исключить его вовсе из ч. 2 ст. 122 УПК РСФСР, оставив требование об указании оснований задержания, или заменить термином «цели задержания».

Задержание представляет собой кратковременное лишение свободы, производимое органами дознания принудительно, помимо воли и желания задерживаемых¹². Правовые акты разрешают лицам, осуществляющим задержание, силой доставлять подозреваемых, если они оказывают сопротивление или отказываются подчиниться добровольно¹³. Задержание подозреваемого имеет место как после возбуждения уголовного дела, так и до принятия такого решения, хотя по буквальному смыслу ст. 119 УПК РСФСР задержание, как и другие неотложные следственные действия, может применяться только после возбуждения уголовного дела. Однако объективная потребность в нем часто возникает, когда уголовного дела нет и сам факт задержания во времени совпадает с поступлением информации о совершенном преступлении, то есть с появлением повода к возбуждению уголовного дела. Установление оснований к задержанию есть одновременно и установление оснований к возбуждению уголовного дела, поэтому эти два действия практически совпадают. Необходимость применения задержания в отдельных случаях до возбуждения уголовного дела привела некоторых авторов к отождествлению задержания с актом возбуждения уголовного дела и к мысли о возможности замены возбуждения уголовного дела задержанием подозреваемого¹⁴.

Указанное мнение представляется спорным в силу того, что процессуальная природа задержания и возбуждения уго-

¹² Именно таким образом определяется задержание в процессуальной литературе. См. Похмелкин В. А. Задержание по советскому уголовно-процессуальному законодательству.— «Сов. государство и право», 1959, № 12, с. 103; Дьяченко М. А., Петренко В. М. Дознание и предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1960, с. 9; Давыдов П. М., Якимов П. П. Применение мер процессуального принуждения по Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Свердловск, 1961, с. 59; Копейко П., Иванов Л. Строго соблюдать закон при задержании подозреваемых в совершении преступлений.— «Соц. законность», 1964, № 3, с. 19; Стрёмовский В. А. Указ. соч., с. 91; и др.

¹³ См. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1966, № 30, с. 49.

¹⁴ См. Савицкий В. М. Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием. М., 1958, с. 221; Комментарий к УПК РСФСР. М., 1963, с. 254; Шатило К. Д. Уголовно-процессуальный характер задержания как неотложного следственного действия.— «Правоведение», 1963, № 4, с. 119.

ловного дела не одинакова. Сам по себе факт задержания не влечет автоматически возбуждения уголовного дела, так как при задержании не выясняются обстоятельства, установление которых входит в задачу данной стадии процесса. Природа процессуального задержания достаточно ясно определена законом. Оно относится к первоначальным следственным действиям и заменять собой самостоятельную и важную стадию уголовного процесса не может. Задержание правомерно лишь тогда, когда его применение допускается в пределах установленного срока. В соответствии со ст. 122 УПК РСФСР о всяком случае задержания орган дознания обязан сообщить в течение 24 часов прокурору. В течение 48 часов с момента получения извещения о произведенном задержании прокурор обязан дать санкцию на заключение под стражу либо освободить задержанного. Таким образом, срок задержания не может превышать 72 часов. По истечении данного времени задержание заканчивается либо освобождением задержанного лица, либо заключением его под стражу.

Закон не указывает, с какого момента начинается исчисление срока задержания. В силу этого вопрос об определении момента задержания вызвал многочисленные суждения, согласно которым срок задержания исчисляется: 1) с момента фактического задержания подозреваемого¹⁵, 2) с момента доставления подозреваемого в орган дознания или предварительного следствия¹⁶, 3) с момента составления протокола о задержании¹⁷, 4) с момента помещения подозреваемого в камеру предварительного заключения¹⁸. Представляются правильными соображения авторов, считающих, что срок задержания должен исчисляться с момента составления протокола о задержании, так как именно этот правовой акт определяет подозреваемого как участника процесса. Пока не со-

¹⁵ Мариупольский Л. Некоторые правовые вопросы института задержания.— «Труды ВШ МВД СССР». 1958, вып. 3, с. 99; Миньковский Г. М. Комментарий к ст. 122 УПК РСФСР.— В кн.: Научно-практический Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. М., 1965, с. 208; Стремовский В. А. Указ. соч., с. 96.

¹⁶ См. Шатило К. Д. Процессуальные основания и порядок задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений.— В кн.: Вопросы криминалистики. М., 1966, № 8—9, с. 126.

¹⁷ См. Бекешко С. П., Матвиенко Е. А. Указ. соч., с. 100—101; Давыдов П. М., Якимов П. П. Указ. соч., с. 80.

¹⁸ Морозов В. С. Обеспечение законности в деятельности милиции по задержанию подозреваемых в совершении преступления.— В кн.: Тезисы докладов и научных сообщений. Львов, 1967, с. 259.

ставлен протокол о задержании, нет еще и подозреваемого в уголовно-процессуальном смысле, а следовательно, отсутствуют правовые основания для исчисления сроков задержания. Однако эти рекомендации не разрешают проблему по существу, так как перед составлением протокола о задержании каждый раз возникает тот же вопрос: какое время указывать в протоколе задержания, то ли время обнаружения лица, совершившего преступление, то ли время доставки его в комнату для задержанных, то ли время принятия решения о составлении протокола задержания?

Этот вопрос тесно связан с проблемой возможности задержания до возбуждения уголовного дела. Если решение о задержании принимается по возбужденному делу, то начальным моментом задержания следует считать момент фактического лишения задержанного свободы, выражающийся в помещении этого лица в комнату для задержанных при отделении милиции. Именно с этого момента наступает реализация решения о задержании, и лицо переходит в положение полной изоляции от внешнего мира. Немедленно после доставления лица в орган дознания или к следователю составляется протокол о задержании, который является правовым основанием для исчисления сроков задержания.

Если фактическое задержание произведено до возбуждения уголовного дела, то исчисление сроков задержания зависит от времени принятия решения о возбуждении дела. А это означает следующее. Как только следователь или лицо, производящее дознание, получают информацию о совершенном деянии и состоявшемся фактическом задержании определенного лица, они обязаны в суточный срок ознакомиться с обстоятельствами дела, в случае необходимости провести срочную проверку или уточнение и решить вопрос о возбуждении уголовного дела или отказе в таковом.

Если следователь или лицо, производящее дознание, принимают решение о возбуждении уголовного дела, одновременно они обязаны решить вопрос о правовом оформлении состоявшегося уже задержания. При этом в протоколе задержания представляется необходимым указывать время фактического доставления лица к следователю или в орган дознания, то есть время его фактического лишения свободы. Разница во времени между фактическим задержанием и возбуждением уголовного дела будет исчисляться несколькими

часами, а сами решения (о возбуждении дела и о задержании) будут датироваться одним числом.

Если же следователь или лицо, производящее дознание, ознакомившись немедленно с обстоятельствами совершенного деяния, примут решение об отказе в возбуждении уголовного дела или придут к выводу об отсутствии необходимости в применении задержания, они обязаны освободить доставленного. В этом случае отпадает также необходимость в составлении протокола, а факт нахождения того или иного лица у следователя или в органе дознания фиксируется отметкой в регистрационном журнале.

• Доставка задержанного далеко не всегда самостоятельный элемент задержания, а только тогда, когда его осуществляют лица, не имеющие право решать вопрос о задержании (постовые, патрульные милиционеры, дружинники и т. д.). Когда задержание осуществляют следователи или инспекторы оперативных служб милиции, имеющие право составить протокол задержания и водворить задержанного в КПЗ, доставления как такового нет, оно сливается с задержанием. Именно таким образом разрешается данный вопрос в следственной практике и иное его решение фактически невозможно, так как закон (ч. 3 ст. 418 УПК РСФСР) допускает задержание до возбуждения уголовного дела только в единственном случае, при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 206 УК РСФСР.¹⁹

Следует решительно возразить и против предложения некоторых авторов узаконить применение задержания до возбуждения уголовного дела в случаях, не терпящих отлагательства¹⁹, и против упрощенного порядка уголовного судопроизводства, установленного ч. 3 ст. 418 УПК РСФСР²⁰.

¹⁹ См. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Возбуждение уголовного дела. М., 1961, с. 175; Рахунов Р. Д. Соблюдение законности при возбуждении уголовного дела. — «Соц. законность», 1958, № 6; Пашкевич П. Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать. — «Соц. законность», 1974, № 9, с. 55; Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Комментарий. Л., 1961, с. 122; Лившиц Ю. Д. Указ. соч., с. 33; Стремовский В. А. Указ. соч., с. 94; Бекешко С. П., Матвиенко Е. А. Указ. соч., с. 97.

²⁰ Аргументированные возражения против упрощения порядка судопроизводства см. Строгович М. О единой форме уголовного судопроизводства в пределах ее дифференциации. — «Соц. законность», 1974, № 9; Савицкий В. М. Надо ли реформировать стадию возбуждения уголовного дела? — «Сов. государство и право», 1974, № 8; и др.

Производство задержания, как и применение меры пресечения, до возбуждения уголовного дела фактически приводит к ликвидации этой важной стадии процесса и стиранию грани между деятельностью процессуальной и непроцессуальной, в результате совершенно уничтожается необходимый барьер, охраняющий граждан от вмешательства органов власти. Этим барьером служит предусмотренный законом процессуальный порядок установления признаков преступления, совершенного определенным лицом. Применение задержания и меры пресечения до установления оснований к возбуждению уголовного дела лишает эти средства принудительного воздействия их единственного материально-правового основания, которое позволяет правомерно ограничивать свободу и неприкосновенность личности. Это положение таит в себе способность умаления демократических принципов судопроизводства, возможность отказа от коренных, принципиальных его положений, создает атмосферу бесконтрольности в применении мер процессуального принуждения.

По этим же соображениям нельзя согласиться с мнением, что задержание «есть повод к возбуждению дела»²¹, и тем более с мнением, что «не каждое задержание непременно влечет за собой начало уголовного дела»²². Ошибочность этих положений очевидна. Прежде всего, закон не рассматривает этот вид государственного принуждения как повод к возбуждению уголовного дела. Кроме того, его применение само должно быть обосновано достоверными сведениями о наличии преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, и о совершении его определенным лицом. Эти сведения лицо, производящее задержание, получает из предусмотренных законом источников путем производства следственных действий (допросов, изъятия вещественных доказательств, их осмотра и т. д.), которые до возбуждения уголовного дела он произвести не может. Следовательно, установить основания для правомерного задержания практически возможно только при наличии возбужденного уголовного дела. Потребность в немедленной изоляции от общества того или иного лица должна влечь за собой немедленное установление оснований к возбуждению дела и его возбуждение, после чего могут быть произведены лю-

²¹ Савицкий В. М. Указ. соч., с. 88.

²² Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965, с. 22.

бые следственные действия для установления оснований к задержанию. Разумеется, если возбуждение дела окажется необоснованным, необоснованным будет и задержание. Но тревогу должно вызывать не искусственное увеличение числа прекращенных дел и неблагоприятные статистические показатели²³, а опасность незаконного и необоснованного ограничения конституционных прав личности, избежать которой и призван установленный процессуальным законом порядок применения процессуального принуждения.

• Задержание как мера процессуального принуждения обусловлена совершением преступления. Без преступления не может быть задержания. Выяснение оснований к возбуждению уголовного дела есть одновременно и уточнение оснований к задержанию определенного лица. И если будет установлено, что нет оснований к возбуждению уголовного дела, то, естественно, нет оснований для применения задержания. Для проверки поступивших материалов, свидетельствующих о совершении преступления определенным лицом, следователю необходимо время (хотя бы минимальное, в пределах суток), в течение которого над ним не должна висеть угроза необоснованного возбуждения уголовного дела и незаконного применения задержания. Поэтому представляется необходимым до установления оснований к возбуждению уголовного дела считать лицо доставленным в органы дознания или к следователю для уточнения обстоятельств совершенного им деяния. Если возбуждение дела состоится, то задержание следует исчислять с момента доставления лица. Если в возбуждении уголовного дела будет отказано или по обстоятельствам следователь не усмотрит необходимости в задержании и в течение суток предоставит данному лицу свободу, следует считать, что состоялось не задержание, а только доставление лица в соответствующие органы для выяснения всех этих обстоятельств.♦

Доставление лица в орган дознания или к следователю не должно в обязательном порядке предопределять задержание. После надлежащей проверки обстоятельств, послуживших причиной доставления лица, и выяснения оснований к возбуждению уголовного дела может выясниться, что оснований к задержанию этого лица нет.

• Задержание, оформленное протоколом, не должно быть

²³ Там же.

по времени значительно отделено от доставления этого лица в орган дознания или к следователю, т. е. от фактического задержания. Этот разрыв не может исчисляться более чем несколькими часами, необходимыми для уточнения оснований к возбуждению уголовного дела и оснований для применения задержания, вынесения постановления о возбуждении дела и протокола о задержании. При этом в протоколе задержания необходимо указывать как время фактического задержания (доставления), так и время составления самого протокола. Процессуальное значение имеет время фактического задержания, так как срок пребывания задержанного под стражей исчисляется с этого момента».

Наши предложения о необходимости в суточный срок проверить наличие оснований к возбуждению уголовного дела при состоявшемся доставлении лица в органы дознания или к следователю не противоречат положению ст. 109 УПК РСФСР, так как она устанавливает правило, что «прокурор, следователь, орган дознания и судья обязаны принимать заявления и сообщения о любом совершенном или подготовляемом преступлении и принимать по ним решения в срок не более трех суток со дня получения заявления или сообщения...». Таким образом, законодатель ограничивает максимальный, а не минимальный срок решения этого вопроса.

Для уяснения юридической природы задержания важное значение имеет характер полномочий, в процессе осуществления которых оно применяется. В уголовно-процессуальном законодательстве право на задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, предоставлено органу дознания (ч. 1, ст. 122 УПК РСФСР) и следователю (ч. 6, ст. 128 УПК РСФСР). Закон не содержит прямого указания о праве прокурора осуществить задержание. Однако это право представляется бесспорным в силу широких полномочий прокурора при осуществлении надзора за законностью дознания и предварительного следствия. Согласно ст. 211 п. 2 УПК РСФСР прокурор в случае необходимости вправе лично произвести любое процессуальное действие.

Чаще всего задержание производится в процессе исполнительно-распорядительной деятельности органов милиции, охраняющих общественный порядок. Эта особенность вытекает из характера деятельности, функций органов милиции, полномочий ее сотрудников, которые, охраняя общественный

порядок в стране, должны немедленно пресечь совершение любого преступления, обеспечить защиту личности и прав советских граждан, а также обеспечить сохранение следов преступления и установление виновных лиц. Поэтому доставление в орган дознания может осуществить любой сотрудник милиции. Однако не все сотрудники милиции наделены правом принимать решения о задержании как принудительной процессуальной мере. Правом осуществлять задержание обладает, согласно ст. 122 УПК РСФСР, орган дознания. Решение о задержании как о производстве любого иного процессуального действия принимает лицо, производящее дознание, а утверждает это решение начальник органа дознания. Все иные лица доводят до сведения начальника органа дознания о совершенном преступлении и доставлении задержанных лиц, представляют материал и объяснения, которые дают возможность решить вопрос о возбуждении уголовного дела и процессуальном оформлении задержания.

Таким образом, процесс задержания можно условно разделить на несколько этапов: 1) установление лица, совершившего преступление, и доставление его в орган дознания или к следователю; 2) проверка, уточнение оснований задержания. Если дело не возбуждено, то одновременно установление оснований к возбуждению его; 3) принятие решения о возбуждении уголовного дела и задержании; 4) документальное оформление возбуждения уголовного дела и задержания подозреваемого.

Первый этап задержания обязаны осуществлять все сотрудники милиции, которые в процессе своей деятельности по охране общественного порядка обнаруживают преступные деяния и встают перед необходимостью немедленно их пресечь, предотвратить наступление последствий и т. д. Последующие этапы вправе осуществлять только лица, уполномоченные законом возбуждать уголовные дела и принимать решения о производстве тех или иных процессуальных действий, то есть лицо, производящее дознание, и следователь.

Другие органы дознания, перечисленные в ст. 117 УПК РСФСР, имеют право производить задержание только по делам, находящимся в их производстве, или при выполнении поручений следователя, а также прокурора. О том, что следователь вправе поручить органам дознания задержание подозреваемого говорится в ст. 127 УПК РСФСР. Такое поручение дается следователем в письменном виде и является

для органов дознания обязательным. Ответственность за законность, обоснованность данного задержания несет следователь.

Начальник органа дознания, считая задержание необоснованным, не вправе отменить указание следователя о задержании подозреваемого и должен выполнить его. Однако, выполняя требование следователя, он немедленно должен сообщить об этом прокурору. Орган дознания также не вправе отменить задержание, произведенное следователем по делу, находящемуся в производстве последнего, и не принять задержанного для содержания в КПЗ. Если начальник органа дознания считает задержание необоснованным, то, приняв задержанного в КПЗ, он свои возражения по поводу задержания немедленно сообщает прокурору.

Задержание характеризуется определенным порядком его проведения, присущим только данному виду уголовно-процессуального принуждения. Одновременно с задержанием лицо, производящее это действие, принимает меры к изъятию у задержанного оружия и других предметов, могущих служить средством нападения. Во время доставления в органы милиции или к следователю необходимо следить за тем, чтобы задержанный не выбросил или не уничтожил вещественные или письменные доказательства, изобличающие его в совершении преступления. В случае необходимости нужно произвести осмотр места задержания. Одновременно с процессуальным оформлением задержания подозреваемый в присутствии понятых подвергается личному обыску с целью обнаружения и изъятия вещественных и письменных доказательств, имеющих значение для дела, и иных предметов или документов, хранение которых при себе задержанному не позволительно. Задержание может сопровождаться также освидетельствованием задержанного или осмотром его одежды.

О производстве личного обыска, освидетельствования и осмотра составляются самостоятельные протоколы. Если задержанный заявит о болезненном состоянии, необходимо вызвать врача для оказания медицинской помощи. Если лицо задержано в состоянии опьянения, об этом необходимо в присутствии понятых составить акт, а задержанного направить в вытрезвитель. Некоторой особенностью обладает задержание лиц, бежавших из мест заключения, КПЗ или от конвоя. Основанием к их задержанию следует считать сам

факт побега из-под стражи. Правомерным оно будет тогда, когда: 1) бежавший в ходе преследования все время находился в поле зрения оперативных групп или конвойной охраны МВД; 2) очевидцы прямо указывают на данное лицо как на бежавшее из мест заключения, КПЗ или от конвоя; 3) на подозреваемом или его одежде обнаружены следы или приметы, свидетельствующие о его принадлежности к числу заключенных или о совершенном побеге; 4) сотрудники органов МВД опознали бежавшего по приметам.

При отсутствии этих обстоятельств лицо может быть доставлено в ближайший орган милиции для установления его личности, если оно пытается уклониться от встречи с работниками органов власти и конвойной охраны, не имеет документов, удостоверяющих его личность, или предъявляет документы, вызывающие сомнение в их подлинности, не имеет постоянного места жительства или если подозрение возникло в результате поиска по следам с применением служебной собаки.

При характеристике задержания подозреваемого необходимо также отметить особенность его применения в отношении несовершеннолетних. Применение данной меры процессуального принуждения регулируется ст. 393 УПК РСФСР, в которой говорится, что задержание несовершеннолетнего может иметь место лишь в исключительных случаях, когда это вызывается тяжестью совершенного преступления, при наличии оснований, указанных в ст. 122 УПК РСФСР. Решая вопрос о задержании несовершеннолетнего, следует исходить из обстоятельств, свидетельствующих о тяжести содеянного и общественной опасности личности несовершеннолетнего. Серьезное значение имеет направленность умысла, дерзость преступных действий, повторность совершения преступления, связи с преступным миром и другие обстоятельства, свидетельствующие о необходимости изоляции его от общества.

На основании ст. 138 УПК РСФСР родители или заменяющие их лица, если они не присутствовали при задержании, уведомляются о задержании несовершеннолетнего, о его местопребывании и органе, в производстве которого находится дело. Законные представители вправе обжаловать задержание несовершеннолетнего в порядке, предусмотренном ст. ст. 218, 220 УПК РСФСР. В протоколе задержания в соответствии с ч. 2 ст. 393 УПК РСФСР должно быть ука-

зано о необходимости содержать задержанного отдельно от взрослых, а также осужденных несовершеннолетних.

Подводя итог, можно сделать следующий вывод: задержание подозреваемого — это принудительное кратковременное лишение свободы, применяемое на основании и в порядке, установленном законом, в целях пресечения преступной деятельности, воспрепятствования уклонению от следствия или попытке помешать установлению истины по делу.

§ 3. Розыск

Для успешного осуществления задач социалистического правосудия возможно применение такой меры процессуального принуждения, как розыск обвиняемого, местонахождение которого неизвестно.

Розыск обвиняемого — это самостоятельный процессуальный институт, отличающийся от розыска в широком смысле слова тем, что объектом розыска является исключительно обвиняемый. На это обстоятельство прямо указывают ст. 196 УПК РСФСР, ст. 138 УПК УССР, ст. 204 УПК Туркменской ССР. Следовательно вправе объявить розыск только того лица, в отношении которого имеется постановление о привлечении его в качестве обвиняемого²⁴. Это требование закона обязывает следователя и лицо, производящее дознание, собрать доказательства виновности конкретного лица в совершении преступного действия. Выполнение этого прави-

---

²⁴ Несколько отлично и не совсем удачно, по нашему мнению, решен рассматриваемый вопрос в ст. 197 УПК Грузинской ССР и ст. 176 УПК Казахской ССР. В ст. 197 УПК Грузинской ССР предусматривается, что розыск объявляется в отношении обвиняемого или лица, о котором имеются данные для предъявления обвинения. Что это за лицо, в отношении которого имеются данные о предъявлении обвинения, каково его процессуальное положение и целесообразно ли выделять его в качестве самостоятельного объекта розыска? Согласно ст. 176 УПК Казахской ССР розыск может объявляться только в отношении обвиняемого. А между тем возможны случаи, когда лицо, совершившее преступление скрылось от следствия до вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявить ему это обвинение фактически невозможно. По буквальному смыслу ст. 176 УПК Казахской ССР в отношении такого лица невозможно объявить розыск, поскольку оно еще не обвиняемое, а без розыска нельзя такое лицо поставить в положение обвиняемого, так как согласно п. 9 ст. 21 УПК Казахской ССР, обвиняемым признается только лицо, которому уже предъявлено обвинение в совершении преступления.

ла исключает возможность розыска лица, в отношении которого отсутствуют основания привлечения к уголовной ответственности, и предотвращает бесцельную трату сил и государственных средств на установление места его пребывания²⁵.

По вопросу определения понятия розыска в литературе содержится ряд неточностей, которые ограничивают это понятие. Так, в учебнике по криминалистике розыском называется «взаимосвязанная деятельность следователя и учреждений Министерства охраны общественного порядка по установлению местонахождения и задержанию скрывшегося установленного преступника»²⁶. В соответствии со ст. 257 УПК РСФСР объектом розыска по определению суда является подсудимый, если он скрылся от суда. Объектом розыска может быть также осужденный, уклоняющийся от исполнения приговора. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 195 и ч. 1 ст. 196 УПК РСФСР розыск обвиняемого объявляется не только тогда, когда он скрывается от следствия или суда, но и когда по иным причинам не установлено его местопребывание. Поэтому представляется необходимым говорить о розыске обвиняемого, чье местонахождение неизвестно.

Розыск производится следователем и органом дознания по его поручению. По делам, где предварительное следствие не обязательно, органы дознания самостоятельно принимают решение о производстве розыска. Наряду с органами МВД, розыском занимаются и органы КГБ по делам, отнесенным законом к их компетенции. Чтобы уяснить содержание розыска, необходимо обратиться к анализу действующего законодательства. В ст. 196 УПК РСФСР говорится, что следователь принимает необходимые меры к розыску обвиняемого, но не указывается, что это за меры. Из текста ст. 118 УПК РСФСР следует, что возложенная на органы дознания обязанность по обнаружению лиц, совершивших преступление, в частности, по их розыску, осуществляется путем принятия необходимых оперативно-розыскных и иных, пред-

---

²⁵ Если принять во внимание, что стоимость производства местного розыска одного лица составляет 35 руб., всесоюзного розыска — 50 руб., то очевидно, что на розыск этих лиц государством расходуются большие суммы.

²⁶ Криминалистика. М., 1963, с. 453. Аналогичное определение дает и другой учебник по криминалистике, в котором § 127 озаглавлен «Розыск скрывшихся преступников» (Криминалистика. М., 1963, с. 352).

усмотренных уголовно-процессуальным законом мер. К иным мерам прежде всего должны быть отнесены процессуальные действия. Согласно ст. 168 УПК РСФСР для обнаружения разыскиваемых лиц производится обыск, во время которого могут быть найдены личная переписка разыскиваемого, его фотографии и другие предметы, которые могут оказать помощь при розыске. Требование указанной нормы в одинаковой степени обращено и к следователю и к органу дознания. Как следователь, так и орган дознания в процессе розыска обвиняемого вправе совершать такие следственные действия, как допрос свидетелей, выемка почтово-телеграфной корреспонденции и др. Возможность совершения необходимых следственных действий для розыска обвиняемого прямо предусматривают ст. 163 УПК Эстонской ССР и ст. 197 Таджикской ССР.

По смыслу ст. 132 УПК РСФСР следователь, наряду с органами дознания, вправе производить розыскные действия, к которым относятся различные запросы в учреждения и организации для получения сведений, необходимых для установления местонахождения обвиняемого, опрос граждан в этих же целях и т. д.

Вопрос о розыске обвиняемого возникает тогда, когда последний не является по вызову следователя и никаких конкретных сведений о его местонахождении получить не представляется возможным. Для того чтобы объявить розыск такого лица, необходимо убедиться в отсутствии его на территории данного населенного пункта, а также в отсутствии обстоятельств, исключающих объявление розыска. В этой связи следователь (орган дознания) наводит справки в адресном столе, по месту работы и жительства обвиняемого, у его родственников и знакомых о местонахождении обвиняемого, устанавливает, не произошел ли с обвиняемым несчастный случай и не находится ли он на излечении в каком-либо медицинском учреждении, не умер ли он, не поступал ли труп разыскиваемого в морг, не содержится ли он под стражей в связи с совершением другого преступления или в связи с привлечением к административной ответственности, не призван ли он в ряды Советской Армии и т. д. Все эти данные устанавливаются путем запросов в соответствующие учреждения, допроса лиц, которым может быть что-либо известно о его местонахождении.

В этот первоначальный этап розыска входит также соби- рание сведений об обвиняемом, которые необходимы для его розыска. Следователь (орган дознания) проверяет правиль- ность имеющихся сведений о фамилии, имени, отчестве, годе и месте рождения обвиняемого, и его национальности, уточ- няет профессию и специальность, данные, словесно характе- ризующие внешний портрет и наличие каких-либо отличи- тельных признаков, его привычки и склонности; круг связей и места проживания его знакомых; обстоятельства, при кото- рых обвиняемый оставил место жительства и скрылся; какие вещи и ценности он взял с собой; приметы его одежды и дру- гие сведения, имеющие значение для розыска.

Указанные сведения должны быть сообщены органу ми- лиции в виде справки, прилагаемой к постановлению следо- вателя об объявлении розыска. Таким образом, второй этап розыска состоит в вынесении постановления об объявлении розыска обвиняемого и направлении его для исполнения в соответствующий орган милиции. Ко второму этапу розыска следует также отнести избрание в отношении разыскиваемо- го меры пресечения, если она до этого не была избрана. Ес- ли в период первоначального этапа розыска были установле- ны не все данные об обвиняемом, то следователь должен продолжать собирание этих сведений и после объявления ро- зыска и информировать о них соответствующий орган мили- ции. Одновременно следователь обязан выяснить, какими ма- териалами об обвиняемом и его местонахождении располага- ют органы милиции.

Возникает вопрос, в каком соотношении находится дея- тельность следователя и органа дознания при розыске обви- няемого, каковы права, обязанности и компетенция каждого из этих органов и в какой момент предварительного рассле- дования должен объявляться розыск. УПК РСФСР (ст. 196), Молдавской ССР (ст. 173), Белорусской ССР (ст. 195), Таджикской ССР (ст. 196), возлагая на следователя обязан- ность принятия необходимых мер по розыску обвиняемого, одновременно предоставляют ему право поручить производ- ство розыска органам дознания. А это означает, что законо- датель не обязывает следователя по каждому делу, по кото- рому неизвестно местонахождение обвиняемого, поручать его розыск органам дознания. Если рассматривать эту норму в связи с ч. 4 ст. 195 УПК РСФСР, допускающей приостановление дела только после того, как будут приняты все

меры по розыску обвиняемого, то можно прийти к выводу, что поручение розыска органам дознания — это не только право, но и обязанность следователя. Некоторые авторы толкуют ст. 196 УПК РСФСР в том смысле, что закон предоставляет следователю право поручать производство розыска обвиняемого органу дознания только в случаях, когда речь идет о розыске скрывшегося обвиняемого и требуется проведение оперативно-розыскных мер²⁷.

Более четко данный вопрос разрешен УПК УССР (ст. 138, 139), Латвийской ССР (ст. 199), Литовской ССР (ст. 220), Казахской ССР (ст. 176), Грузинской ССР (ст. 197), Киргизской ССР (ст. 185), которые предусматривают, что при неизвестности местонахождения обвиняемого следователь, наряду с непосредственным принятием мер к его обнаружению, должен объявить розыск обвиняемого, поручив его органу дознания. Позиция этих кодексов представляется нам более конкретной, так как нацеливает следователя на немедленное установление необходимого контакта с органами дознания в каждом случае, когда местопребывание обвиняемого неизвестно, и исключает из практики случаи, когда «следователи вместо объявления в установленном порядке розыска и производства других необходимых действий, направленных на установление местонахождения обвиняемого, неправильно рассылают требования об установлении местонахождения скрывшегося лица органам прокуратуры ряда областей и республик, при отсутствии каких-либо данных о пребывании разыскиваемого в этих республиках и областях»²⁸.

Представляется целесообразным внести изменения в ст. 196 УПК РСФСР и УПК других союзных республик по образцу тех кодексов, которые этот вопрос решают более четко.

В практике розыскной работы распространено мнение, что вопрос о розыске обвиняемого возникает после приостановления дела и проводить его должен только орган дознания. Это приводит к несвоевременному включению в розыск органов милиции и снижению его эффективности. А между тем ст. 196 УПК РСФСР прямо предусматривает, что розыск может быть объявлен как во время предварительного следствия, так и одновременно с его приостановлением, то есть

²⁷ См. УПК РСФСР. Комментарий. Л., 1962, с. 196.

²⁸ Сборник действующих приказов и инструкций Генерального Прокурора СССР. М., 1966, с. 266.

закон обязывает следователя принимать меры к розыску обвиняемого, как только обнаружится, что местонахождение его неизвестно. В случае объявления розыска во время предварительного следствия об этом выносится отдельное постановление, в котором излагаются обстоятельства, побуждающие объявить розыск, основные данные о лице, которое требуется разыскать, формулируется решение об объявлении розыска и указывается, кому он поручается. Если до приостановления дела по п. 1 ч. 1 ст. 195 УПК РСФСР розыск обвиняемого не был объявлен, это надлежит сделать одновременно с приостановлением дела. В этих случаях решение об объявлении розыска излагается в резолютивной части постановления о приостановлении дела, которое затем направляется для исполнения в орган милиции, а последний на основании этого постановления заводит розыскное дело и проводит розыскные мероприятия.

Не совсем точным является высказанное в процессуальной литературе мнение о том, что вид розыска определяется следователем²⁹. Следователь при объявлении розыска не определяет, какой конкретно розыск должен производиться — местный или всесоюзный. Этот вопрос решает тот орган, который производит розыск. Местный розыск является начальным этапом, а всесоюзный — его продолжением. Однако производство обоих видов розыска не обязательно в отношении каждого разыскиваемого. Иногда можно ограничиться только местным розыском, если этим достигается цель его применения. Бывают случаи, когда всесоюзный розыск объявляется сразу, минуя местный. Условия, при которых орган милиции осуществляет розыск, и переход от местного к всесоюзному определены ведомственной инструкцией и наставлениями. Представляется, что в целях большей конкретизации и уточнения условий производства розыска целесообразно в законе установить для следователей определенный срок объявления розыска с момента обнаружения факта исчезновения обвиняемого или получения о том сообщения. Этот срок нужен следователю для проверки данного сообщения и собирания соответствующего материала, необходимого для объявления розыска. При последующем заведении розыскных дел на основании постановления следова-

²⁹ См. Советский уголовный процесс. Под ред. Карева Д. С. М., 1956, с. 167.

теля об объявлении розыска срок заведения следует исчислять с момента получения органом дознания указанного постановления.

Какова же роль следователя в розыске обвиняемого после вынесения им постановления и направления его в органы дознания, принимает ли он непосредственное участие в розыске обвиняемого, как решается этот вопрос законодательством и по какому пути идет практика?

УПК Армянской ССР (ст. 189) ничего не говорит о принятии следователем необходимых мер к розыску обвиняемого, возлагая на последнего только обязанность объявить розыск и поручить его органу дознания. Такая формулировка закона, по существу, устраняет следователя от участия в розыске. В УПК других союзных республик этот вопрос решен иначе. Поручение следователя о производстве розыска обвиняемого органу дознания не освобождает последнего от необходимости лично принимать меры к установлению его местонахождения. На это прямо указывает УПК Украинской ССР (ст. 139) и Казахской ССР (ст. 176). В кодексах других союзных республик это положение вытекает из смысла статей, регламентирующих розыск обвиняемого. Таким образом, производство розыска должно осуществляться как следователем, так и органом дознания одновременно.

Согласно ст. 119 УПК РСФСР орган дознания может производить следственные и розыскные действия по делу, которое находится в производстве следователя, только по поручению последнего. В связи с этим возникает вопрос: требуется ли органу дознания, производящему розыск обвиняемого, самостоятельное поручение следователя на производство следственных действий по розыску? Так как розыск обвиняемого есть комплекс следственных, оперативно-розыскных и других действий по обнаружению местонахождения разыскиваемых, то само постановление следователя о производстве розыска следует рассматривать, как поручение о совершении всего комплекса действий, в том числе и следственных. Кроме того, следователю заранее трудно определить, какие конкретно следственные действия будут проведены в процессе розыска. Необходимость производства того или иного действия возникает в процессе розыска, вытекает из материалов розыскного дела и решается самостоятельно органом дознания.

Процессуальные документы, составляемые следователем и органом дознания в связи с совершением следственных действий в процессе розыска, хранятся в розыском деле. Если некоторые из них имеют существенное значение для уголовного дела (как доказательства), после прекращения розыского дела они должны приобщаться к уголовному делу, а копии их остаются в розыском деле.

Следователь обязан непосредственно принимать меры к обнаружению обвиняемого. В этой связи он может накладывать арест на корреспонденцию лиц, с которыми обвиняемый состоит в переписке; производить обыск в местах, где имеются материалы, указывающие на местопребывание обвиняемого; производить допрос свидетелей, которые могут что-либо знать о местонахождении обвиняемого; направлять запросы в те учреждения, в которых имеется информация об обвиняемом; устанавливать постоянный контакт с гражданами (родственниками, соседями, сослуживцами), которые могут раньше, чем кто-либо получить сведения о местопребывании разыскиваемого. В соответствии со ст. 128 УПК РСФСР следователь должен широко использовать помощь общественности в процессе розыска.

Для предотвращения дублирования розыских действий следователем и органом дознания они должны координировать свою деятельность путем совместного составления планов, распределения розыских функций и взаимного ознакомления с материалами уголовного и розыского дела. Деятельность следователя и органа дознания по розыску обвиняемого должна представлять собой целеустремленный, согласованный, взаимодополняющий «процесс активного, не ослабевающего от начала до конца поиска»³⁰.

Ранее указывалось, что розыск обвиняемого может производиться как во время предварительного следствия, так и после его приостановления. В тех случаях, когда розыск производится во время предварительного следствия, право следователя и органа дознания совершать необходимые для розыска следственные действия не вызывает сомнения. Возникает вопрос: вправе ли следователь и орган дознания совершать необходимые для розыска следственные действия после приостановления уголовного дела. В законодательстве и юридической литературе нет достаточной ясности по этому во-

³⁰ Криминалистика. М., 1959, с. 329.

процу. УПК Эстонской ССР (ст. 164) и Таджикской ССР (ст. 197) прямо указывают, что после приостановления дела по мотивам неизвестности местонахождения обвиняемого «следователь обязан принимать как непосредственные, так и через органы дознания, меры к установлению обвиняемого или его местонахождения, производя необходимые для этого следственные действия». УПК РСФСР, УССР, БССР и некоторых других союзных республик не предусматривают право следователя или органов дознания совершать какие-либо следственные действия после приостановления уголовного дела. Более того, ст. 198 УПК РСФСР устанавливает, что «приостановленное предварительное следствие возобновляется... после того, как отпали основания для приостановления или возникла необходимость производства дополнительных следственных действий». Следовательно, если основания для приостановления не отпали и в то же время возникает необходимость в совершении следственных действий, следователь, а равно лицо, производящее дознание, обязаны возобновить производство по делу.

Нет единого мнения по этому вопросу и в процессуальной литературе. Одни авторы считают, что в интересах повышения качества и результативности розыскной деятельности необходимо признать за следователем и органом дознания право совершать следственные действия по приостановленному делу³¹. Другие, наоборот, утверждают, что этого делать нельзя и при необходимости совершения следственного действия всякий раз нужно возобновлять расследование по делу³².

В интересах организации действенного активного розыска обвиняемого и предупреждения его дальнейшей преступной деятельности следует признать правильной позицию кодексов тех союзных республик, которые допускают возможность проведения следственных действий по приостановлен-

³¹ См. Взаимодействие следователей прокуратуры и органов милиции при расследовании и предупреждении преступлений, М., 1965, с. 87; Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч., с. 279—280; Кежоян А. Х. Розыск скрывшегося обвиняемого.— Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства в стадии предварительного расследования. М., 1962, с. 67; Лукашев В. А. Розыск скрывшихся преступников (по материалам органов охраны общественного порядка) Автореф. канд. дисс. М., 1963, с. 4.

³² См. УПК РСФСР, 1960. Комментарий. Л., 1962, с. 196; Дознание и предварительное следствие (в вопросах и ответах). М., 1965, с. 122.

ному делу без возобновления всякий раз производства предварительного расследования. Возможность совершения следственных действий для установления разыскиваемого допустима в силу того, что содержание розыска составляет комплекс следственных, оперативно-розыскных и других мер. Совершение этих действий в виде обязанностей возлагается на следственные органы как правовое последствие постановления о розыске обвиняемого.

Представляется правильным высказанное в литературе предложение о необходимости разграничения следственных действий на те, которые устанавливают обстоятельства, входящие в предмет доказывания и проведение которых недопустимо без возобновления производства по делу, и те, которые входят в само понятие розыска и производство которых следует допустить без возобновления расследования³³.

Требование закона о приостановлении дела должно распространяться на следственные действия, совершение которых связано с установлением события преступления, его последствий, мотивов, целей и других обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Производство этих следственных действий составляет содержание предварительного расследования, и его приостановление по точному смыслу этого понятия означает, что на период приостановления никакого производства в смысле исследования обстоятельств дела не ведется. Как только возникает необходимость в совершении этих действий, приостановленное дело должно возобновляться в соответствии со ст. 198 УПК РСФСР.

Иной порядок должен быть установлен для действий, необходимых при розыске обвиняемого. Так как следственные действия составляют содержание розыска, представляется невозможным его успешное осуществление без их выполнения. Поэтому следователю и органу дознания должно быть предоставлено право на совершение следственных действий, необходимых для обнаружения обвиняемого, на весь период розыска, а ст. 196 УПК РСФСР нужно дополнить указанием, что при производстве розыска обвиняемого следователь и орган дознания вправе производить необходимые для этого следственные действия после приостановления уголовного дела.

Согласно ст. 196 УПК РСФСР следователь при наличии

³³ См. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч., с. 280.

оснований, указанных в ст. 89 УПК РСФСР, может избрать в отношении разыскиваемого меру пресечения, если до этого она не была избрана. Если же мера пресечения была избрана до объявления розыска, то следователь в случае необходимости может изменить ее. Ошибки при выборе меры пресечения, допускаемые следователем или лицом, производящим дознание, почти всегда сопряжены с применением розыска³⁴. Вместе с тем до сих пор на практике имеются случаи, когда «некоторые прокуроры в ущерб борьбе с преступностью, из соображений перестраховки, отказывают в санкции на арест рецидивистов и особо опасных преступников»³⁵, вынуждая следователей ограничиться отобранием подписки о невыезде, которую обвиняемые нарушают.

Заслуживает одобрения практика, при которой следователи систематически информируют оперативных работников и участковых уполномоченных (если обвиняемый проживает на территории другого района, — соответствующий орган милиции), о том, кто из проживающих на обслуживаемой ими территории привлекается к уголовной ответственности. Располагая этой информацией, оперативный работник и участковый уполномоченный могут организовать за ним наблюдение по месту жительства. Информацию о поведении обвиняемого можно получить также от руководителей жилищно-эксплуатационных контор, родственников обвиняемого и других граждан, имеющих с ним постоянный контакт по работе или месту жительства.

УПК РСФСР (ст. 196), Молдавской ССР (ст. 173), Белорусской ССР (ст. 195), Таджикской ССР (ст. 196) и некоторых других союзных республик допускают возможность избрания в отношении разыскиваемого обвиняемого различных мер пресечения: подписки о невыезде, заключения под стражу и др. Совсем иную позицию занимают УПК Украинской ССР (ст. 138), Киргизской ССР (ст. 185), Казахской ССР (ст. 176), Узбекской ССР (ст. 169), Азербайджанской ССР (ст. 211), Грузинской ССР (ст. 197). Эти кодексы до-

³⁴ УВД Воронежской области в 1972 г. объявляло розыск в отношении ряда обвиняемых, скрывшихся от органов расследования и суда. Некоторые из них скрылись после избрания в качестве меры пресечения подписки о невыезде, которая была применена к лицам, совершившим опасные преступления.

³⁵ Сборник действующих приказов и инструкций Генерального Прокурора СССР. М., 1966, с. 197.

пускают в отношении разыскиваемого обвиняемого только одну меру пресечения — заключение под стражу. Более правильной представляется позиция тех кодексов, которые не ограничивают следователя возможностью применения в отношении разыскиваемого единственной меры пресечения — содержания под стражей. Дело в том, что розыск обвиняемого может проводиться не только в тех случаях, когда лицо умышленно скрывается от следствия и суда, но и когда не известно местонахождение лица, совершившего преступление, когда следователь знает, кем совершено преступное деяние, но с самого начала расследования не имеет сведений, где находится это лицо, не говоря уже о том, что само изобличенное лицо может не знать о раскрытии совершенного им преступления и о привлечении его в качестве обвиняемого. Когда розыск вызван тем, что следствию в течение установленного срока не удалось получить сведения о местонахождении обвиняемого, и это лицо обвиняется в преступлении, не представляющем большой общественной опасности, возможно избрание любой меры пресечения из предусмотренных законом. При этом органы милиции, «обнаружившие преступника, должны будут ограничиться информированием инициатора розыска о местонахождении разыскиваемого»³⁶.

Розыск как мера процессуального принуждения может применяться также и к осужденным, уклоняющимся от отбывания наказания и тем самым совершающим новое преступление (ст. ст. 186, 188 УК РСФСР). Органы внутренних дел осуществляют розыск осужденных: 1) совершивших побег с места ссылки или из лечебно-трудового профилактория либо с пути следования в ссылку или в профилакторий; 2) совершивших побег из места заключения или из-под стражи; 3) уклоняющихся от отбытия наказания по приговорам судов.

Розыск лиц, бежавших из мест заключения или из-под стражи, из мест ссылки и профилактория и так далее, начинается с момента обнаружения побега. В этих случаях мероприятия местного розыска осуществляются исправительно-трудовыми учреждениями или соответствующими органами милиции одновременно с расследованием по факту побега.

---

³⁶ Лукашев В. А. Правовые вопросы, связанные с розыском скрывающихся преступников.— В кн.: Вопросы предупреждения преступности. М., 1966, с. 68.

Объявление всесоюзного розыска производится по истечении двух месяцев с момента заведения розыскного дела, если принятыми мерами разыскиваемый не обнаружен. Лица, привлеченные к уголовной ответственности за бандитизм, умышленное убийство, изнасилование, хищение государственного или общественного имущества в крупных размерах, разбой, фальшивомонетничество, нарушение правил о валютных операциях, а также бежавшие из мест заключения особо опасные рецидивисты и лица, имеющие огнестрельное оружие, независимо от тяжести совершенного ими преступления объявляются во всесоюзный розыск по истечении 15 дней местного розыска. Лица, совершившие преступления, за которые по закону может быть назначена смертная казнь, по усмотрению МВД—УВД, дорожных отделов милиции объявляются во всесоюзный розыск внеочередным порядком после исчерпывающего проведения первоначальных мероприятий.

Всесоюзный розыск объявляется по инициативе органов дознания, которые ведут работу по розыскным делам. Эти органы по истечении сроков местного розыска составляют представление на объявление всесоюзного розыска. Представление подписывается начальником органов милиции или исправительно-трудовых учреждений и утверждается министром внутренних дел автономной республики, начальником управления внутренних дел края или области. Затем представление на объявление всесоюзного розыска с приложением розыскного дела направляется в отдел МВД—УВД, который после соответствующей проверки разыскиваемых по алфавитным и дактилоскопическим учетам и адресным бюро направляет это представление в отдел при МВД РСФСР. Розыск скрывшихся обвиняемых прекращается в случаях, когда разыскиваемый обнаружен и задержан, явился с повинной, установлен в местах заключения отбывающим наказание за другое преступление или же когда уголовное дело на него прекращено по законным основаниям, например, в случае смерти, подтвержденной соответствующими документами, акта амнистии и т. п.

Сроки проведения розыска исчисляются в соответствии со ст. ст. 41 и 42 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и ст. ст. 48, 49 УК РСФСР, устанавливающими давность привлечения к уголовной ответственности и исполнения обвинительного приговора. Статья

48 УК РСФСР устанавливает предельный десятилетний срок, по истечении которого лица, совершившие преступления, освобождаются от ответственности за свою прошлую преступную деятельность, если они за этот период не совершили новых преступлений. По закону течение сроков давности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление скроется от следствия и суда, и возобновляется с момента его задержания или явки с повинной. Однако это не значит, что уголовное преследование, а естественно, и розыск таких лиц может продолжаться бесконечно. В этих случаях действует правило, установленное ст. 48 УК РСФСР, согласно которому лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности, если со времени совершения преступления прошло пятнадцать лет и давность не была прервана совершенным новым преступлением. Как видим, уголовный закон устанавливает различные правовые последствия и различные сроки розыска. Для лиц, перебивших после совершения преступления место жительства без намерения уклониться от следствия, ч. 1 ст. 48 УК РСФСР устанавливает максимальный срок привлечения к уголовной ответственности, а естественно, и розыска — 10 лет. Для лиц, скрывшихся от следствия и суда сразу после совершения преступления, подозреваемых и обвиняемых, нарушивших избранную в отношении их меру пресечения или совершивших побег из-под стражи, ч. 3 ст. 48 УК РСФСР устанавливает максимальный срок привлечения к уголовной ответственности и розыска — 15 лет, если, находясь в бегах, эти лица не совершают новые преступления. При совершении нового преступления давностный срок привлечения к уголовной ответственности прерывается, а срок розыска удлиняется.

В процессуальной литературе было высказано, по существу, неправильное мнение о том, что вопрос о дальнейшем розыске скрывшихся преступников по истечении пятнадцатилетнего срока необходимо решать с учетом опасности совершенного ими преступления и личности разыскиваемых. «Не может быть оправдан дальнейший розыск лиц, совершивших впервые малозначительные преступления...»³⁷. Прежде всего, в данном случае нельзя говорить о преступлении, совершенном впервые, потому что вопрос о дальнейшем розыске, свя-

³⁷ Лукашев В. А. Правовые вопросы, связанные с розыском скрывшихся преступников.— В кн.: Вопросы предупреждения преступности. М., 1966, с. 59.

ше пятнадцатилетнего срока, как раз и встает в связи с совершением нового, то есть повторного преступления. Кроме того, высказанное мнение фактически предполагает отказ от борьбы с малозначительными преступлениями, так как, по мысли автора, дальнейший розыск этого лица не оправдан, даже если оно совершило новое малозначительное преступление и вновь умело уклонилось от следствия и суда.

При решении вопроса о сроках розыска следует исходить из следующих положений. Истечение значительного времени после совершения преступления разрывает связь между преступлением и привлечением к уголовной ответственности, а в ряде случаев делает применение наказания нецелесообразным. Последнее имеет место в тех случаях, когда речь идет о применении наказания к лицу, которое не скрывалось от следствия и суда, не совершило за это время какого-либо нового преступления, а срок давности привлечения к уголовной ответственности, предусмотренный законом, истек. Совокупность этих обстоятельств свидетельствует о том, что лицо больше не представляет общественной опасности и его розыск не оправдан. Если виновный скрылся от следствия и суда, но со времени совершения им преступления прошло пятнадцать лет и давность не была прервана совершением **любого** нового преступления, привлечение его к уголовной ответственности и розыск исключаются. Это правило не распространяется на случаи, когда за ранее совершенное преступление по закону может быть применена смертная казнь или лицо, скрывающееся от следствия и суда, совершает новое преступление. Это правило не распространяется также на лиц, бежавших из мест заключения. Следовательно, эта категория лиц подлежит активному розыску независимо от истечения пятнадцатилетнего срока.

В случае совершения нового преступления лицом, которое скрывается от следствия или суда, исчисление сроков давности должно вестись со дня совершения нового преступления. При этом следует различать две возможные ситуации: 1) лицо, скрывшееся от следствия или суда, после совершения нового преступления было задержано или явилось с повинной; 2) лицо после совершения нового преступления продолжает скрываться. В первом случае сроки давности по ранее совершенному преступлению должны исчисляться со дня задержания или явки с повинной. Во втором случае давностный срок будет исчисляться со дня совершения

нового преступления. При этом лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, и, следовательно, подвергаться розыску в пределах нового пятнадцатилетнего срока со дня совершения нового преступления, так как оно аннулировало тот срок, который ранее тек по первому преступлению³⁸.

Интересы соблюдения законности требуют, чтобы в ходе расследования был бесспорно установлен факт умышленного создания условий (перемена местожительства, систематические переезды из одного населенного пункта в другой, проживание без документов и т. д.), которые препятствуют привлечению виновного к уголовной ответственности. Перемена места жительства без цели уклониться от уголовной ответственности не может рассматриваться как доказательство того, что лицо скрылось от следствия и суда³⁹.

Истечение давностного срока само по себе не влечет автоматического прекращения розыска, а зависит от прекращения уголовного дела за давностью с соблюдением всех требований процессуального закона. По истечении давностного срока привлечения к уголовной ответственности, предусмотренного ст. 48 УК РСФСР, лица, осуществляющие розыск, должны обращаться в орган, объявивший розыск, для решения вопроса о целесообразности его дальнейшего производства. К тому же прекращение дела может иметь место значительно позже указанного в законе срока. Например, давностные сроки исполнения обвинительного приговора, предусмотренные ст. 49 УК РСФСР (ст. 42 Основ), не являются основанием прекращения розыска лиц, бежавших из мест заключения, так как срок давности в этом случае прерывается совершением нового преступления — побегом. Вопрос о прекращении розыска лиц, совершивших побег, зависит, кроме того, от оснований прекращения уголовного дела по обвинению в побеге. Кроме того, по делам о преступлениях, за которые по закону может быть назначена смертная казнь, вопрос о применении давности решается судом. Значит, розыск этих лиц должен продолжаться до тех пор, пока они не будут обнаружены и не может быть прекращен раньше этого времени.

³⁸ См. об этом Смольников В. Е. Давность в уголовном праве. М., 1973.

³⁹ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1964, № 10, с. 13.

Прекращение розыска производится на основании мотивированного постановления органа дознания, в производстве которого находится розыскное дело. В том случае, когда скрывшийся обвиняемый обнаружен на этапе всесоюзного розыска, выносит постановление о прекращении розыска и направляет его в соответствующий отдел МВД—УВД. Данный отдел проверяет обоснованность прекращения розыска, составляет представление о прекращении всесоюзного розыска и направляет его в соответствующий отдел при МВД РСФСР, который издает списки о прекращении всесоюзного розыска и рассылает их в отделы МВД—УВД союзных республик. С прекращением всесоюзного розыска все мероприятия по розыскным делам на территории Союза ССР немедленно прекращаются.

На основании изложенного розыск можно определить как взаимосвязанную и согласованную деятельность следователей и органов дознания по установлению места нахождения обвиняемого, подсудимого, осужденного с целью пресечения дальнейшей их преступной деятельности и осуществления задач социалистического правосудия.

* *

*

Самым тесным образом с розыском и избранием в отношении разыскиваемого меры пресечения связано этапирование, то есть принудительное перемещение обвиняемого, подсудимого, осужденного из места его фактического нахождения в места, где его присутствие необходимо для успешного осуществления задач социалистического правосудия. Необходимость в этапировании обвиняемого или подсудимого возникает в тех случаях, когда эти лица умышленно скрываются от следствия и суда и с этой целью покидают места своего постоянного жительства. Этапирование обвиняемого или подсудимого является завершающим этапом розыска и обеспечивает принудительное доставление разыскиваемых к следователю или в суд.

Этапирование осужденных к лишению свободы из тюрем, исправительно-трудовых колоний в следственные изоляторы в распоряжение органов дознания, следствия, прокуратуры и суда производится в случаях: 1) отмены приговора

суда в отношении осужденного и передачи дела на новое рассмотрение; 2) отмены определения суда о применении принудительной меры медицинского характера к лицу, совершившему преступление, и передачи дела для дополнительного расследования или на новое рассмотрение; 3) в связи с производством следственных действий по делу о преступлении, совершенном другим лицом. Перевод осужденного из исправительно-трудового учреждения в следственный изолятор или тюрьму в этих случаях допускается с санкции прокурора области, края, автономной республики, прокурора военного округа, флота, группы войск и вида Вооруженных Сил СССР на срок до двух месяцев, с санкции прокурора РСФСР и Главного военного прокурора — до четырех месяцев, а с санкции Генерального Прокурора СССР — до шести месяцев (ст. 20 ИТК РСФСР); 4) в связи с проведением органами КГБ мероприятий воспитательного характера с лицом, осужденным за совершение особо опасного государственного преступления⁴⁰.

Кроме этого, этапирование осужденных допускается при получении от них заявлений с просьбой о вызове для сообщения сведений, представляющих государственный интерес, а также по другим основаниям, если органы дознания, следствия, прокуратуры и суда располагают данными, указывающими на вновь открывшиеся обстоятельства по делу.

Вопрос об этапировании законодательством не регламентируется и в связи с этим Генеральный Прокурор СССР своим приказом № 76 от 4 августа 1955 года «Об усилении прокурорского надзора за соблюдением законности при задержании, аресте и привлечении к уголовной ответственности граждан» установил порядок, согласно которому, в случае производства органами милиции республиканского или союзного розыска подследственного, подлежащего аресту, постановление на арест и этапирование должно быть санкционировано прокурором республики, края или области или соответствующим прокурором специализированной прокуратуры⁴¹. Таким образом, основанием для этапирования обвиняемого (подсудимого), скрывшегося от следствия и суда, явля-

---

⁴⁰ Органы МВД, прокуратуры и суда воспитательную работу среди осужденных проводят по месту отбывания ими наказания.

⁴¹ Сборник действующих приказов и инструкций Генерального Прокурора СССР. М., 1966, с. 195.

ется постановление на арест, поскольку никакой иной процессуальный акт для конкретного действия законом не предусмотрен. Постановление на арест и этапирование обвиняемого (подсудимого), обнаруженного в результате местного розыска, должно быть санкционировано прокурором района, города. Постановление на арест и этапирование обвиняемого (подсудимого), обнаруженного в результате всесоюзного розыска, должно быть санкционировано прокурором области, края, республики.

Основанием для этапирования осужденных из мест отбывания наказания и содержания их в следственных изоляторах является мотивированное постановление об этапировании, утвержденное (согласованное): 1) в органах КГБ — соответственно начальником главного управления, самостоятельного управления и самостоятельного отдела КГБ при Совете Министров союзной и автономной республики, начальником краевого, областного управления (отдела) КГБ, начальником особого отдела КГБ по группе войск или заместителями, санкционированное прокурором по поднадзорности; 2) в органах МВД — соответственно министром внутренних дел союзной и автономной республики, начальником главного управления МВД союзной республики, начальником УВД края, области и их заместителями, санкционированное прокурором по поднадзорности; 3) в органах прокуратуры — соответственно начальником управления, отдела прокуратуры СССР, прокурором союзной и автономной республики, края, области, военным прокурором группы войск, военного округа, армии, флота, флотилии или их заместителями.

Этапирование осужденных в распоряжение судебного органа производится на основании письменного требования суда, подписанного председателем этого суда, его заместителем или председательствующим по делу.

Постановления органов КГБ, МВД и прокуратуры, а также требования судов об этапировании, направляются непосредственно по месту содержания осужденных в двух экземплярах — первые экземпляры приобщаются к личным делам осужденных, а вторые остаются в делах мест заключения. Справки о местонахождении осужденных наводятся в отделах МВД—УВД соответствующих республик, краев, областей. Администрация места заключения при получении постановления или требования об этапировании

осужденного немедленно организует его отправку к месту назначения в установленном порядке. Если отправить осужденного не представляется возможным, администрация места заключения немедленно уведомляет об этом органы дознания, следствия, прокуратуры или суд, в распоряжение которого должен быть этапирован осужденный. В связи с отпадением необходимости дальнейшего присутствия осужденные, поступившие в следственные изоляторы по вызову органов дознания, следствия, прокуратуры или суда, возвращаются в места отбывания наказания, а в случае изменения судом вида режима отправляются в установленном порядке в тюрьмы, исправительно-трудовые и воспитательно-трудовые колонии с соответствующим видом режима.

В связи с применением этапирования возникает вопрос: в какой момент следователь или орган дознания вправе избрать меру пресечения обвиняемому (подсудимому) — до обнаружения скрывшихся лиц или после. Общесоюзное законодательство не регулирует этот вопрос, а законодательство союзных республик решает его по-разному.

Так, ст. 165 УПК Эстонской ССР указывает, что «следователь вправе в порядке, установленном статьями 66—78 настоящего кодекса, избрать в отношении разыскиваемого, в случае его обнаружения, меру пресечения». Буквальное толкование этой нормы права предполагает такое положение, при котором следователь вправе избрать меру пресечения только после обнаружения разыскиваемого обвиняемого, а это, в свою очередь, серьезно затрудняет практику розыска скрывшихся, так как вместо незамедлительного принятия к обнаруженному необходимых мер, призванных воспрепятствовать его дальнейшему уклонению от следствия и суда, орган дознания вправе только уведомить следвателя об обнаружении обвиняемого. А пока орган дознания получит в ответ на свое сообщение постановление следвателя об избрании меры пресечения и этапировании, обвиняемый снова скроется⁴².

---

⁴² Аналогичным образом рассматриваемый вопрос решался в ст. 169 УПК Узбекской ССР. Законом Верховного Совета Узбекской ССР от 30 мая 1961 года (см. «Ведомости Верховного Совета Узбекской ССР», 1961, № 16) это положение изменено. Сейчас УПК Узбекской ССР, как и других союзных республик, не связывает вынесение следвателем постановления об избрании меры пресечения с моментом обнаружения разыскиваемого.

Несмотря на то, что ст. 196 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик не связывают вынесение следователем постановления об избрании меры пресечения с моментом обнаружения разыскиваемого, в практике следственных органов этих республик встречаются случаи, когда постановление об избрании меры пресечения и этапировании выносится после обнаружения скрывшихся лиц. В практике имеют место случаи, когда прокуратуры, неправильно истолковывая ст. 196 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик, отказывают в санкции на арест и этапирование разыскиваемых обвиняемых до установления их местонахождения.

В связи с этим заместитель Генерального Прокурора СССР в разъяснение приказа Генерального Прокурора СССР № 76 издал распоряжение от 30 мая 1961 года, которым установлен следующий порядок: 1) при объявлении следователями и органами дознания розыска скрывшихся обвиняемых разрешать одновременно вопрос об избрании меры пресечения; 2) постановление следователя и органов дознания о заключении под стражу и этапировании обвиняемого, санкционированное прокурором области, края и республики в соответствии с требованиями п. 5 приказа Генерального Прокурора СССР от 4 августа 1955 года за № 76 направлять в орган милиции одновременно с постановлением об объявлении розыска. Однако это распоряжение не вполне соответствует действующему порядку объявления розыска, что опять-таки на практике вызывает определенные затруднения. Исходя из приведенного распоряжения, соответствующие отделы МВД—УВД стали отказывать в регистрации розыскных дел, если отсутствует санкционированное прокурором области, края, республики постановление на арест и этапирование скрывшегося обвиняемого. К моменту объявления розыска такого постановления, как правило, нет и быть не может, в силу того, что поиски скрывшегося начинаются с местного розыска, а местный розыск санкционируется районным (или городским, если нет территориального деления) прокурором.

Всесоюзный розыск объявляется органом милиции только в том случае, когда местный розыск оказался безуспешным и следователь к моменту объявления розыска не может знать, появится ли необходимость в союзном розыске и, естественно, не может за несколько месяцев вперед обращаться

за санкцией на арест и этапирование к прокурору области, края, республики на случай возможного объявления всесоюзного розыска. Никто из перечисленных прокуроров такой санкции не даст.

Что же касается решения вопроса об избрании в отношении разыскиваемого в качестве меры пресечения заключения под стражу, то пока идет местный розыск санкцию на арест уполномочен дать районный (городской) прокурор. И так как следователь не вправе определять территориальных пределов розыска (их определяет орган милиции, осуществляющий непосредственно розыск), то он и не может представлять в органы милиции одновременно с постановлением об объявлении розыска постановление об этапировании обвиняемого, санкционированное прокурором области, края, республики. Поэтому следует запретить отделам связывать регистрацию розыскных дел с представлением упомянутого постановления и считать основанием для регистрации дел местного розыска постановление об объявлении розыска и постановление об избрании меры пресечения, либо предоставить районным (городским) прокурорам право санкционировать этапирование обвиняемого.

Если районный или городской прокурор наделен правом санкционировать арест, то, по нашему мнению, нет оснований не доверять ему решение менее ответственного вопроса, тем более, прямо вытекающего из тех же процессуальных оснований, что арест — этапирование обвиняемого. Это право необходимо предоставить в силу того, что предусмотренный приказом Генерального Прокурора СССР № 76 и распоряжением заместителя Генерального Прокурора СССР порядок санкционирования постановлений об аресте и этапировании обвиняемого фактически задерживает своевременное объявление всесоюзного розыска и удлиняет сроки его производства. По истечении срока местного розыска, когда он оказался безрезультатным, органы милиции вынуждены ставить перед следственными органами вопрос о получении ими у прокурора области, края, республики санкции на арест и этапирование обвиняемого, подлежащего объявлению во всесоюзный розыск. На это уходит определенное время, начало всесоюзного розыска затягивается, удлиняются сроки обнаружения виновного. Поэтому установленный приказом порядок санкционирования представляется необходимым упростить и разрешить законодательным путем.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Основные теоретические проблемы уголовно- процессуального принуждения	3
Соотношение убеждения и принуждения в уголовном су- допроизводстве (исходные положения)	3
§ 1. Содержание и значение уголовно-процессуального принуждения	9
§ 2. Соотношение принуждения, ответственности и санкции в сфере уголовного судопроизводства	30
§ 3. Отличие уголовно-процессуального принуждения от иных видов государственного принуждения	40
§ 4. Основания и условия применения уголовно-про- цессуального принуждения	49
§ 5. Цели уголовно-процессуального принуждения	80
Глава II. Меры пресечения и практика их применения	93
§ 1. Понятие мер пресечения	93
§ 2. Виды мер пресечения	105
Глава III. Иные виды уголовно-процессуального при- нуждения	133
§ 1. Привод	133
§ 2. Задержание подозреваемого	139
§ 3. Розыск	153

Зоя Филипповна Коврига

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ

Редактор издательства А. С. Зайцева

Технический редактор Ю. А. Фосс

Корректоры М. Ф. Васильева, Т. Н. Карabut

ЛЕ03529.

Сдано в набор 18.XII 1974 г.

Подп. в печ.

Форм. бум. 60×84¹/₁₆.

Печ. л. 11.

Уч

Тираж 2500.

Заказ 44.

Цена 61

Издательство Воронежского университета

Воронеж, ул. Пушкинская, 3

Типография издательства ВГУ

ХАРКІВСЬКА ДЕРЖАВНА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА

ІМ. В. П. КОТЛЕНКА

№ А 595-147

8m75.

6 272099